

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies
Penza State Technological University
Belarusian State Academy of Music
Tashkent Islamic University
New Bulgarian University

TRADITIONAL AND MODERN CULTURE: HISTORY, ACTUAL SITUATION, PROSPECTS

Materials of the V international scientific conference
on September 20–21, 2015

Prague
2015

Traditional and modern culture: history, actual situation, prospects : materials of the V international scientific conference on September 20–21, 2015. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015. – 110 p. – ISBN 978-80-7526-043-7

ORGANISING COMMITTEE:

Nikolay V. Shimanskiy, candidate of art studies, assistant professor of the theory of music department in the Belarusian State Academy of Music.

Boris A. Doroshin, candidate of historical sciences, assistant professor of the philosophy department of Penza State Technological University.

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Sergey N. Volkov, doctor of philosophy, professor, head of philosophy department in Penza State Technological University.

Nataliya Khristova, doctor of history, associate professor on the theory and history of culture of the art studies and history of culture department in the New Bulgarian University.

Nicholay V. Mityukov, doctor of technical sciences, professor Kama Institute of Humanities and engineering technologies.

Umidjon R. Kushaev, PhD, the associate professor, the head of the department of spirituality, education and art of the Science Research Institute at Tashkent Islamic University.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of traditional and modern culture. Some articles deal with questions of religious-mythological basis and worldview paradigms of culture. A number of articles are covered traditional culture and its heritage. Some articles are devoted to reflection of different art forms in modern culture. Authors are also interested in information-communication space and media culture.

UDC 008

ISBN 978-80-7526-043-7

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2015.
© Group of authors, 2015.

**Culture can be called high,
even if it did not create
art or sculpture, but
it will not be called so
if it lacks charity**

Johan Huizinga

**Культура может называться
высокой, если даже она
не создала техники или
скульптуры, но её так
не назовут, если ей
не хватает милосердия**

Йохан Хёйзинга

CONTENTS

I. RELIGIOUS-MYTHOLOGICAL BASIS AND WORLDVIEW PARADIGMS OF CULTURE

- Дашкова Е. В., Ивушкина Е. Б.**
Миф и сказка как основа русского фольклора.....7
- Дорошин Б. А.**
Тотемический социум как субъект медиативного локального
космоустройства в примитивных культурах.....15

II. TRADITIONAL CULTURE AND ITS HERITAGE: PROBLEMS OF PRESERVATION, EMPLOYMENT AND DEVELOPMENT

- Беляков С. В.**
В поисках утраченной целостности сознания человека XX века
(на примере хорового творчества Г. Свиридова)21
- Брюханова В. И.**
Альтернативные варианты сохранения нематериальной культуры
народов мира: фолк-музыка.....24
- Забелин А. В.**
Благотворительность в провинции в конце XIX века28
- Ивойлова Л. В.**
Формирование интереса подростков к традиционной народной
художественной культуре в учреждениях досуга31
- Поповичева И. В.**
«Современные русские говоры в системе языковой культуры»
(ТГУ имени Г. Р. Державина)33
- Толочкова Е. В.**
Структура управления любительским объединением гитарного
музицирования XIX века41
- Хакимов А. А., Каримбаева С., Исакова Р., Кутпиддинова И. А.**
Глобаллашув шароитида диний бағрикенглик омили43
- Хакимов А. А., Кутпиддинова И. А., Мухиддинова Х., Абдуллажанова Н.**
Традиция как фактор нормативного управления обществом47

Шведов П. С.	
Прообразы эпохи барокко в симфоническом творчестве А. Ю. Мдивани.....	50
Шиманский Н. В.	
Раннее многоголосие как предмет академической науки	52
Щевьёв А. А.	
Русское географическое общество и историческая наука (40–50-е гг. XIX века)	55

III. REFLECTION OF DIFFERENT ART FORMS IN MODERN CULTURE

Қодиров Р.	
Ўзбекистон халқ артисти Баходир Йўлдошевнинг сахнадаги ҳаёт тарзи	59
Малькевич Н. А.	
Феномен интерпретации музыки барокко в свете современного исполнительства на белорусских цимбалах	63
Пилатова И. В.	
Оперный текст: определение, структура	67
Ткачева А. Н.	
Основы работы концертмейстера в классе вокала	69
Шпаковская Л. С.	
Соотношение устной и письменной традиции уставного монодийного пения Греческой и Русской Православной Церкви в настоящее время	71

IV. INFORMATION-COMMUNICATION SPACE AND MEDIA CULTURE

Andramonova V. V.	
Economic and sociocultural processes in the context of development of social networks	75
Гольдман И. Л.	
Гуманитарная методология в исследовании творческих аспектов медиакоммуникаций и медиаобразования	78
Киселева М. А.	
Психологический анализ сетевого Я личности.....	84
Колосова Е. В.	
Влияние прокрастинации на сознание медиазависимых подростков	86

Kolosova O. Yu.	
Culture in the context of globalization development	88
Чепурина Т. Н.	
Роль информационных технологий в процессе познания социальной реальности	91

V. NATIONAL CULTURES AND PROBLEMS OF THEIR INTERACTION

Goncharov V. N.	
Cross-cultural communication as sociocultural phenomenon: philosophical and anthropological aspect	93
Козлова О. В.	
Отражение национальной идентичности японцев в коммерческой рекламе	96
Николаева Л. Я.	
Отражение межэтнического взаимодействия в традиционной танцевальной культуре Западной Сибири	99
Техты В. В.	
Формирование чувства патриотизма у детей и подростков	103
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2015 году	106
Информация о журналах «Социосфера» и «Paradigmata poznání»	107
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	108
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	109

I. RELIGIOUS-MYTHOLOGICAL BASIS AND WORLDVIEW PARADIGMS OF CULTURE

МИФ И СКАЗКА КАК ОСНОВА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Дашкова Е. В.
Ивушкина Е. Б.

*Кандидат философских наук, доцент,
доктор философских наук, профессор
Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал),
Донской государственный технический
университет, г. Шахты
Ростовская область, Россия*

Summary. In article the ratio of the myth and fairy tale in the Russian national culture is considered. The myth is an existential form of understanding of the relation of the person with the world. It is rudimentary lines of consciousness mythical in essence continue to live and be reproduced in fairy tales and other forms of the Russian folklore. The fantastic genre was so viable because perfectly is suitable for expression and preservation of fundamental human truth, bases of human life.

Keywords: myth; fairy tale; Russian folklore.

Мифологическое сознание возникает из глубин нашей культуры. В первобытном обществе оно пронизывало все иные формы человеческой жизни. Власть мифа объясняется его непосредственной опорой на дорефлективное восприятие мира, на эмоции, на ситуационное предстояние предметов сознанию, на аффективные ожидания и устремления человека. Незрелость первобытной культуры, связанной с первыми шагами производящего хозяйства, напрямую накладывала свой отпечаток на незрелость сознания. Такое сознание было погружено в архетипы доперсонального существования человека. Хорошо об этом сказал Л. Клагес: «... В сказаниях и мифах первооснова жизни живет без границ и без формы, мы здесь находимся еще в области символического мышления, неподвинутого видения (Schauen), которое показывает «чередование образов» (Zug der Bilder), предшествует раздвоению на субъект и объект и понимает человека и природу с помощью физиономического наблюдения как «неподдающийся расчленению язык символов» [10, с. 163].

Б. Малиновский, Ф. Боас, Дж. Фрезер, представители «кембриджской школы» показали связь мифа, магии и ритуала в архаических обществах. Б. Малиновский увидел в мифе, «каким он существует в первобытной общине, т. е. в его живой первозданной форме», не историю, которую рассказывают, а реальность, которой живут, не интеллектуальное упражнение или воображение художественной фантазии, а практическое руко-

водство первобытных верований и поведения» [6, с. 65]. То, что миф становится образом жизни, входит в поры культуры, определяя собой различные ее формы, будет характерным и для современной мифологии. И. Т. Касавин указал на связь мифа, магии и ритуала, он считал, что «магия действует с помощью усиления социального давления на индивида; миф является схемой магического действия, которое в свою очередь нередко сводится к проговариванию мифа» [3, с. 19].

Философская рефлексия приходит к выводу, что в системе универсальных отношений «Человек – Мир» функционируют такие связи, которые делают необходимым постоянное воспроизводство способности человеческого духа к мифотворчеству. Мифотворчество – момент осознания культурных универсалий.

«Миф всегда относится к событиям прошлого: «до сотворения мира» или «в начале времени» – во всяком случае «давным-давно». Но значение мифа состоит в том, что эти «события, имевшие место в определенный момент времени, существуют вне времени...» [5, с. 186].

Символическую интерпретацию мифа дал немецкий неокантианец марбургской школы Эрнст Кассирер. Высокая ценность ее в том, что она разъяснила модальные различия культурных миров. На вопрос, как возможна культура, Кассирер ответил, что культура возможна как творчество, определяемое символической природой сознания. Кассирер видит в мифе исторически первую форму духовной культуры, из которой вышли искусство, познание, нравственность, право и язык. Кассирер обратил внимание на следующие черты мифического сознания:

– в мифическом сознании отсутствует четкая грань между сном и явью, между жизнью и смертью;

– в мифе господствует принцип универсальной идентичности. Образ не представляет вещь, а является тождественным ей. В мифомышлении отсутствует категория идеального. Миф, как и ритуал, наделен не аллегорическим, а реальным смыслом;

– причинность в мифе существенно иная, чем в рациональном познании: в мифе всякое соприкосновение во времени и пространстве воспринимается как причинно-следственная связь;

– одна из своеобразнейших черт мифомышления – отсутствие в нем какого-либо знания о случайности, «гипертрофия каузального инстинкта»;

– один из принципов мифомышления: целое не имеет частей, но часть есть целое.

Содержательный характер мифа, предпринятый Э. Кассирером, включал в себя также анализ времени, пространства, причинности, числа, понятия в мифе. Он писал о том, что «... во всех сферах человеческой культуры и деятельности – в языке, религии, поэзии и искусстве – миф всегда присутствует в качестве снятого момента» [4, с. 153].

Согласно К. Юнгу, миф – жизненно важная форма духовной стабильности, поскольку он отражает фундаментальные образцы и структуры человеческой духовной жизни.

Вместе с тем нельзя не согласиться с А. С. Богомоловым, который писал, что в области мифологии в древние времена были элементы реальных знаний, которые, умножаясь, приводили к ее разрушению [2, с. 29].

Итак, по заключению виднейших мыслителей архитектура мифа характеризуется следующими чертами.

1. Мифическое сознание отличается слитностью человека с его «жизненным миром», отсюда подчинение вещей логике желания, всему идеальному приписывается материальное существование.

2. Для мифического сознания внутренняя очевидность выше внешней очевидности и имеет достоинство подлинной реальности, происходит трансцендирование образов сознания в мир, и различие между образом вещи и самой вещью стирается. Объяснение мира строится по схеме наступления событий, вызываемых человеческими аффектами.

По причине страха, любви, желания осуществляется то или иное действие, только позднее приходит осознание физической, пространственно- временной зависимости событий. Создания ума воспринимаются как неопровержимая данность. Фантазии, разделяемые многими людьми, приобретают жизненную силу и воспринимаются только в таком качестве. Интерсубъективность определяет достоверность мифических образов.

3. В мифическом сознании отсутствует верификация ментальных построений и происходит утрата образами сознания связи с действительностью. Отсюда не критичность мифического сознания как гносеологическая основа нетерпимости к инакомыслию. Некритичность сознания становится опорой слепого фанатизма.

Мифомышление характеризуется недоверием к внешнему опыту, к показаниям чувств в угоду переоценке внутреннего опыта. Императив трансцендирования внутренней очевидности приводит сознание к изоляции от чувственного источника знания.

4. Следующей особенностью мифомышления является приравнивание имени и бытия – вербальный реализм. Переименованию вещей приписывается магическая функция переделки мира. Мифологизированный язык становится средством управления сознанием, замкнутым на самом себе. В мифологическом сознании преобладает эмотивная функция высказывания над информативной. Вербальная ориентация в мире становится важнее эмпирической ориентации.

Миф является экзистенциальной формой осознания отношения человека с миром. Основным каналом связи человека с миром в такой форме является не когнитивно-онтологическая, а эмоционально-аффективная сторона сознания формообразования мифа выступают и функционируют как смыслоносущие конструкции, как смыслоносущие *моменты* и целеполага-

ния и целереализации. Именно как смыслообразующие регулятивы деятельности мифы служат целям выживания и сплочения социальной группы.

В основе регулятивной функции мифа лежит идея сопричастности, переживания соприкосновения с природными и надприродными высшими (сакральными) сторонами бытия. Для мифологического сознания характерно переживание глубокого внутреннего родства со всеми вещами мира. Переживание как индивидуальной, так и коллективной сопричастности Универсуму выступает как высшая Ценность, как что-то уникальное, что невозможно описать и передать при помощи слов, что можно только почувствовать эмпатически, слиться с переживаемым. Именно из ощущения полной слиянности с миром вытекает признание несамодостаточности человека и человечества.

Переживание слиянности с миром пополняет ресурс ощущений и восприятий путем *интроспекции*, путем погружения в глубины (архетипы) своего собственного сознания. Критерием высшей бытийственности становится само сознание. Структурной единицей такого сознания становится мифологический экзистенциал. Мифологический экзистенциал образует совокупность психических (ментальных, умственных) процессов, складывающихся в оценочно-аффективную структуру и удерживаемых коллективной памятью. Мифологический экзистенциал дарит ощущение личной сопричастности к тайнам бытия, т. е. дарит неповторимые и незаменимые другими ощущения, не сводимые к субъект-объектному отношению между человеком и миром. В мифологическом экзистенциале опыт чувственного *самопереживания* мира ставится *выше* любой информации, поступающей в сознание извне.

В чем же специфика мифа как особого текста культуры? По каким законам создается текст первичной мифологии? Человек не только принадлежит объективно независящему от него миру, но и делает мир объектом своего воления, интереса, смысловой установки. Тем самым он встраивает в мир значения и смыслы, стремится «все сущее вочеловечить» (Б. Пастернак). Тексты культуры имеют свойственную только им внутреннюю логику построения и способ соотнесения с описываемой (охватываемой) реальностью. Тексты культуры – наука, миф, религия, искусство, идеология имеют отличия в способах корреляции с такими подсистемами бытия, как социум, человек, природа.

Миф – это текст особого рода. Миф, – писала О. Фрейденберг, – не есть какой-то жанр, как жанром, например, является рассказ. Миф получается произвольно. Образное представление в форме нескольких метафор, где нет нашей логической, формально-логической каузальности и где вещь, пространство, время понята нерасчлененно и конкретно, где человек и мир субъектно-объектно едины, – эту особую конструктивную систему образных представлений, когда она выражена словами, мы называем ми-

фом» [8, с. 28]. Следовательно, он может быть подвержен содержательному и структурному анализу.

Структуральная школа изучения мифа увидела в мифе код, который следует подвергнуть дешифровке. «Расшифровка удастся тогда, когда в бесчисленных вариантах мифа обнаруживаются определенные и постоянно повторяющиеся образцы, имеющие, кроме всего прочего, логическую природу» [9, с. 60]. «Миф – это слово, это коммуникативная система, сообщение, – писал Барт, считавший, что «поскольку миф – это слово, то им может стать все, что достойно рассказа. Для определения мифа важен не сам предмет сообщения, а то, как о нем сообщается». Французский философ-структуралист считал, что мифом может стать все, что угодно, «это может быть письмо или изображение; и письменная речь, а также фотография, кинематограф, репортаж, спортивные состязания, зрелища реклама могут быть материальными носителями мифического сообщения» [1, с. 73]. Барт указывал, что мифические сообщения формируются из материала, уже обработанного для целей коммуникации. Мифология, поскольку она изучает оформленные идеи, является частью семиологии. Особенность мифа, как семиологической системы, в том, что он существует на основе последовательности уже существующей системы знаков (ими могут быть язык, фотография, живопись, реклама, ритуалы, предметы и т. п.).

Миф, считает Барт, носит императивный характер, он навязывает человеку свою агрессивную двусмысленность. Миф есть похищенное и возвращенное слово. Только возвращенное слово оказывается не тем, что было похищено. Необходимым условием двусмысленности мифа является мотивированность. «Миф есть идеографическая система в чистом виде, в ней формы еще мотивированы тем концептом, которые они репрезентируют, однако они далеко не исчерпывают всех возможностей репрезентации» [1, с. 94].

Миф отличает специфический тип семиозиса, который сводится к номинации, когда знак в мифологическом сознании аналогичен к собственному имени. С позиции семиозиса мифологическое сознание может осмысливаться как асемиотическое. В мифе имя сводится к мифу: миф – персонален, имя – мифологично [7, с. 301]. Мифологическому миру присуще специфическое понимание пространства, которое представляется не в виде знакового континуума, а как совокупность отдельных объектов, носящих собственные имена.

Рудиментарно черты мифического по своей сути сознания продолжают жить и воспроизводиться неконтролируемо и стихийно в массовых верованиях, предрассудках, обычаях, сказках, что полностью отражает присущее первичной мифологии свойство: миф скорее образ жизни.

Сказка как повествовательный жанр имеет мифологическую природу. Сказки возникли в незапамятные времена. При этом они свидетельствуют отнюдь не о примитивности народного сознания, а о гениальной способности народа создать единый гармоничный образ мира, связав в нем

все сущее – небо и землю, человека и природу, жизнь и смерть. Сказочный жанр оказался так жизнеспособен потому, что прекрасно подходит для выражения и сохранения фундаментальных человеческих истин, основ человеческого бытия.

Сказки оформились на Руси в IX–X вв. Они были основаны на древнейших верованиях и мифологии русского народа, которые воплотились в вымышленных героях и событиях. Изначально сказки воспринимались как поучительно-развлекательные истории. В течение многих веков они передавались из уст в уста, а записывать их стали только в XII–XVIII вв. Существуют несколько видов сказок: сказки о животных, волшебные сказки, бытовые (сатирические) сказки.

Сказки о животных наиболее приближены к древнейшим тотемистическим мифам. В этих сказках животные приобретают человеческие черты: думают, говорят, совершают поступки. Здесь прослеживаются сюжеты о браке человека с животным, оборачивающимся в человеческое обличье (царена-лягушка), присутствуют имена, содержащие название животного (Иван Быкович, Иван Кобыльевич). По существу такие образы несут знания о мире людей, а не животных. В этом виде сказок нет отчетливого разделения персонажей на положительных и отрицательных. Каждый из них наделен какой-либо чертой, присущей ему особенностью характера, которая обыгрывается в сюжете сказки. Так, традиционно главная черта лисицы – хитрость, поэтому речь идет обычно о том, как она дурачит других зверей. Волк жаден и глуп; во взаимоотношениях с лисицей он непременно попадает впросак. У медведя не столь однозначный образ, медведь бывает злым, а бывает и добрым, но при этом всегда остается недотепой. Если в такой сказке появляется человек, то он неизменно оказывается умнее и лисы, и волка, и медведя. Разум помогает ему одерживать победу над любым противником.

Животные в сказке соблюдают принцип иерархии: наиболее сильного все признают и главным. Это лев или медведь. Они всегда оказываются на вершине социальной лестницы. Это сближает сказки о животных с баснями, что особенно хорошо видно по присутствию в тех и других сходных моральных выводов – социальных и общечеловеческих. Дети легко усваивают: то, что волк силен, вовсе не делает его справедливым (например, в сказочном сюжете о семерых козлятах). Сочувствие слушателей всегда на стороне справедливых, а не сильных.

Есть среди сказок о животных и довольно страшные. Медведь съедает старика и старуху за то, что они отсекали ему лапу. Разъяренный зверь с деревянной ногой, конечно, представляется ужасным, но по существу он ведь – носитель справедливого возмездия. Повествование предоставляет человеку самому разобраться в сложной ситуации.

Мифологическую природу имеют и волшебные сказки. Это самый популярный и самый любимый детьми и взрослыми жанр. Мифологично и

строение сказок: противопоставление организованного пространства неорганизованной стихии, дома – дремучему лесу, героя – антигероя. Все происходящее в волшебной сказке фантастично и значительно по задаче: ее герой, попадая то в одну, то в другую опасную ситуацию, спасает друзей, уничтожает врагов - борется не на жизнь, а на смерть, погибает и оживает (живая вода, поцелуй прекрасной девушки). Опасность представляется особенно сильной, страшной потому, что главные противники его – не обычные люди, а представители сверхъестественных темных сил: Змей Горыныч, Баба Яга, Кощей Бессмертный и пр. Одерживая победы над этой нечистью, герой как бы подтверждает свое высокое человеческое начало, близость к светлым силам природы. В борьбе он становится еще сильнее и мудрее, приобретает новых друзей и получает право на счастье.

Миф существует вне этики, сказка имеет нравственность, поучение. «Сказка – ложь да в ней намек, добрым молодцам урок». Не учитывая мифологическую основу, содержание сказок понять затруднительно.

В сюжете волшебной сказки главный эпизод – это начало путешествия героя ради того или иного важного задания. На своем долгом пути он встречается с коварными противниками и волшебными помощниками. В его распоряжении оказываются весьма действенные средства: чудесный клубочек или зеркальце, а то и говорящий зверь или птица, стремительный конь или волк. Все они, с какими-то условиями или вовсе без них, в мгновение ока выполняют просьбы и приказы героя. У них не возникает ни малейшего сомнения в его нравственном праве приказывать, поскольку очень уж важна поставленная перед ним задача и поскольку сам герой безупречен. Мечта о соучастии волшебных помощников в жизни людей существует с древнейших времен – со времен обожествления природы, веры в бога-Солнце, в возможность магическим словом, колдовством призвать светлые силы и отвести от себя темное зло.

Бытовая (сатирическая) сказка наиболее близка к повседневной жизни и даже не обязательно включает в себя чудеса. Одобрение или осуждение всегда подается в ней открыто, четко выражается оценка: что безнравственно, что достойно осмеяния и т.п. Даже, когда кажется, что герои просто валяют дурака, потешают слушателей, каждое их слово, каждое действие наполнены значительным смыслом, связаны с важными сторонами жизни человека. Постоянными героями сатирических сказок выступают «простые» бедные люди. Однако они неизменно одерживают верх над «непростым» – богатым или знатным человеком. В отличие от героев волшебной сказки здесь бедняки достигают торжества справедливости без помощи чудесных помощников – лишь благодаря уму, ловкости, находчивости да еще удачным обстоятельствам. Бытовая сатирическая сказка веками впитывала в себя характерные черты жизни народа и его отношения к власти предрержащим, в частности к судьям, чиновникам. Сказки такого рода содержат «витамин смеха», помогающий простому человеку сохра-

нить свое достоинство в мире, где правят чиновники и скупые богачи. В бытовых сказках появляются порой и персонажи-животные, а возможно и появление таких абстрактных действующих лиц, как, Правда и Кривда, Горе-Злосчастье. Главное здесь не подбор персонажей, а сатирическое осуждение людских пороков и недостатков.

Сказочное пространство, время более неопределенно, чем мифическое. Во всех русских сказках прослеживается много общих мест, например, сказки часто начинаются со слов: «В некотором царстве, в некотором государстве...» или «Жили-были», а заканчиваются словами: «И стали они жить-поживать и добра наживать...». В русских сказках у многих слов есть традиционно закрепленные за ними определения, например, «чисто поле», «ясный месяц», «красна девица» и многие другие. Сказитель, воспроизводя сказочный текст, отбирал из арсенала традиционных сказочных средств и сюжетов те, которые ему были необходимы, комбинировал их и таким образом создавал сказку. Многократно повторенные разными людьми сказки постоянно дорабатывались, создавались многочисленные варианты сказок с одним и тем же сюжетом, что делает их более вариативными, чем миф.

Сказка – один из самых развитых и любимых жанров русского фольклора. Она полнее и ярче, чем любой другой вид народного творчества, воспроизводит мир во всей его целостности, сложности и красоте.

Библиографический список

1. Барт Р. Мифологии / Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Богомолов А. С. Диалектический логос. Становление античной диалектики. – М. : Мысль, 1982. – 263 с.
3. Касавин И. Т. Магия и творчество: теоретико-познавательный подход // Философские науки. – 1994. – № 3–4.
4. Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. – 1993. – № 7. – С. 153.
5. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М., 1985. – С. 186.
6. Лосева И. Н. Миф и религия в отношении к рациональному познанию // Вопросы философии. – 1992. – № 7. – С. 65.
7. Успенский Б. А., Лотман Ю. М. Миф – имя - культура // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М. : Гнозис, 1994. – С. 301.
8. Фрейденберг О. Миф и литература древности. – М., 1978. – С. 28.
9. Хьюбнер К. Истина мифа. – М., 1996. – С. 60.
10. Хьюбшер А. Мыслители нашего времени: 62 портрета. – М., 1996. – С. 163.

ТОТЕМИЧЕСКИЙ СОЦИУМ КАК СУБЪЕКТ МЕДИАТИВНОГО ЛОКАЛЬНОГО КОСМОУСТРОЕНИЯ В ПРИМИТИВНЫХ КУЛЬТУРАХ

Б. А. Дорошин

*Кандидат исторических наук, доцент,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия*

Summary. The problem of the relation of totemic gods (or creators) check out their social communities and they occupy spaces in primitive cultures. At the beginning of the article made an excursion into the evolution of the scientific interpretations and evaluations category «primitive». Substantiated thesis of axiological proximity of the terms «primitive» and «primordial» in the context of the traditionalist approach. The conclusion semianthropomorphic totemic deities of various types, including non-anthropomorphic in appearance. As reasonably determined by the totemic community of people, animate and inanimate phenomena and their creator as the local expression has antropocosmic character. The role of totem society in the thinking as a permanent maker generating the local space, which determines the life of the world society.

Keywords: totem; primitive culture; society; anthropomorphism; antropocosmism.

Значимым компонентом проблемы отношений человека и природы в культурах архаического облика, выступающей одним из центральных звеньев обширной проблематики отношений человека и среды его жизнедеятельности, определяющей, в свою очередь, спектр научных исследований и философских дискурсов, сопряченных антропокосмической мировоззренческой парадигме, является феномен тотемизма.

Зарождение последнего относится к состоянию ранней первобытности, получившему отражение в категориях примитивного человека, примитивного общества, примитивной культуры и примитивной ментальности. Понимание данных терминов, и в особенности, их общей первой составляющей, претерпело определённые трансформации в ходе их разработки и применения. Зарождение этих понятий связано со становлением антропологии, когда примерно с середины XIX в. Она стала обретать более строгие формы и облик не науки о человеке вообще, а области исследования народов, как правило, не имевших письменности, денежного обращения и прочих атрибутов цивилизации. Изначально воспринимавшиеся в силу этих отличий как менее развитые по сравнению с теми народами, к которым принадлежали сами антропологи, и к тому же жившие зачастую в существенной изоляции на затерянных в океане островах или в труднопроходимых джунглях, общностями, из которых наиболее значительной и типичной было племя, они получили название «примитивных». Это подразумевало явное или скрытое противопоставление данных этносов и развитых народов, а также иерархическое соотнесение их культур и мыслительных форм.

Однако по мере развития циклических теорий и функционализма представления о культуре претерпевали качественные изменения относительно тех, что были выработаны в рамках эволюционистской парадигмы. Всякая культура стала рассматриваться как ценность вне зависимости от её места, которое отведено ей на эволюционной лестнице, а поскольку функционалисты показали в своих работах, насколько сложным образованием является каждый культурный организм, оказалось уже невозможным подразделять культуры на примитивные и высокоразвитые. Те из них, которые с точки зрения эволюционного развития считались примитивными, т. е. стоящими на его нижних ступенях, стали восприниматься просто как другие, имеющие отличные от современных культур структуры и закономерности функционирования [3, с. 43–44].

Соответственно этому новому видению К. Леви-Стросс указывал на своеобразную развитость так называемых примитивных обществ в лице бесписьменных этносов XX в. Утверждая, что их нельзя ставить на одну доску с формами европейской социокультурной архаики, т. к. в отличие от последних они проделали длинный путь исторической эволюции, в силу чего не могут служить образцами ни первобытного, ни «детского» состояние человечества, он заострял внимание на том, что их развитие заключалось не в накоплении опредмеченных технологий, а в оптимизации связи с природой [5].

В сходном ключе, но диаметрально противоположным образом переосмыслил категорию примитивного в культуре А. Б. Зубов. Отмечая, что строй жизни с одной стороны, современных примитивных (бесписьменных, внеисторических), а с другой – первобытных (дописьменных, доисторических) обществ совершенно не подобен, он указал на разность уровней их креативности и продуктивности, выраженную в консервации достигнутого в незапамятные времена в одном случае и создание таких революционных новаций, как использование огня, лук и стрелы, domestikфикация растений и животных – в другом [2, с. 180].

При этом консервация и прогресс, согласно ему, детерминированы в случае первого – оттеснением демонистическими верованиями на задний план единого бога (данный религиовед разделяет концепцию премонотеизма), или же, во втором случае, с развитием его почитания и концептуализацией всей системы верований [2, с. 183–194, 267–270].

Однако, даже оценивая прогрессировавшие доисторические культуры выше консервировавшихся внеисторических, А. Б. Зубов разделяет новое видение последних не как примитивных в значении низкоразвитости, и присоединяется к выводам антропологов о сложности их духовного устройства и ритуальной организации жизни, а также о формировании субъектами этих культур логических цепей, не уступающих генерируемым цивилизованными людьми [2, с. 181].

Учитывая коррективы и критику, внесённые в понимание категории примитивного за последние десятилетия, представляется возможным её использование без каких-либо сопутствовавших ей ранее негативных коннотаций, но исключительно в исходном, прямом и буквальном смысле, восходящем к латинскому *primitivus* – «первоначальный». Такая редукция обращает к соотношению данной категории с родственным по корню термином «примордиальный» (от лат. *Primordium* – начало), также обозначающим нечто первоначальное. В свою очередь, корреспондирование данных понятий обеспечивает возможность использования первого из них в позитивном контексте, сопровождающем второе в рамках традиционалистского подхода, в случае обращения к таковому.

В примитивных культурах различных частей света выявлены типологически сходные мифологические персонажи, совмещающие роли предков, создателей и устроителей той или иной части материального мира и культурных героев [4, с. 328–329], к некоторым из которых применялось название «тотемические боги» [4, с. 315], для генерализирующего обобщения которых в исследовательском обиходе оказалось наиболее удобным наименование «творцы» [4, с. 329, 355].

Способные представать как в облике людей, так и других своих творений, проявляющие лёгкость и своеобразную текучесть в смене этих обликов, и зачастую описываемые сочетающимися антропоморфные и другие (зооморфные, фитоморфные) черты, творцы относятся к той категории мифологических персонажей, что олицетворяет переход от представлений о нечеловеческих предках (животных, растениях) к представлениям о предках-людях [4, с. 349–351].

Впрочем, даже выступая в сугубо зооморфном внешнем обличье, что особенно распространено в мифологиях автохтонного населения Южной и Северной Америки, они, во-первых, проявляют типологическое сходство с творцами-полулюдьми из Австралии и Новой Гвинеи, а во-вторых, антропоморфизация имманентно присуща примитивному сознанию и культуре [4, с. 354–355, 348], что позволяет говорить о полуантропоморфности творцов и этого, более архаического, типа.

Получеловеческая сущность предков самым непосредственным образом отражалась в представлениях о человеческой личности, относящейся к той или иной совокупности видов существ и вещей, сотворённых определённым предком. Например, считаясь родственной по общему предку с кенгуру, и входя в общность, носящую тотемное имя данного животного, человек может быть назван как человеком-кенгуру, так и кенгуру-человеком. При этом Человеческая личность и сущность животного или растения соответствующего вида часто смешивались [4, с. 349–350].

Однако мифологическое родство с каким-либо тотемным животным отнюдь не исчерпывала собой выражение в примитивной культуре идеи единства человека с природой. Через мыслимое общим для них происхож-

дение от одного творца и мистическое взаимодействие с ним люди сопричастовали со всем комплексом природных и искусственных феноменов, образующих тотемическую общность с ними. Данное сопричастие и сама общность могут быть определены как антропокосмические, т. к. охватывают собой хотя и локальное, но имеющие черты полноценного и самостоятельного космоса пространство, выполняющее функцию в той или иной степени освоенной и мифологически упорядоченной бытийной среды, в которой развёртывается жизненный мир данного социума [4, с. 368–371].

Космический аспект пространства партиципации проявляется и в том, что оно распространяется и на макрокосмические феномены мегамира. Например, согласно тотемическим верованиям племён центральной Австралии в их новорожденных представителях могут возрождаться творцы, в т.ч. такие, сущность которых выражена в астрономических объектах (звёздах, луне и солнце), а также универсальных элементах (огне и воде) [4, с. 361].

Таким образом, благодаря своей текучести – способности обращаться в неопределённо широкое количество разнообразных феноменов (хотя и проявляя наиболее устойчивую ассоциацию с каким-либо одним из них, имя которого они обычно носят) [4, с. 315, 329], творцы выполняют роль переходных и в то же время центральных, высших инстанций, опосредующих и обеспечивающих для носителей примитивной культуры единство мира, так же как для носителей культур, детерминированных научно-техническим прогрессом это достигается благодаря концепции о неизменном порядке природы [4, с. 381].

Это единство, которое по своим пределам может характеризоваться как антропокосмическое, с необходимостью включает в себя и социальный уровень, что позволяет представить его в развёрнутом сочетании трёх данных составляющих, расположенных в порядке возрастания (человек – общество – мироздание), как антропосоциокосмическое. При этом вторая по своим масштабам компонента – социальная может рассматриваться не только как средняя в системе данного единства, но и как опосредующая. Специфика данного опосредования детерминирована тем, что творцы играют определяющую роль в социокультурном аспекте жизнедеятельности примитивных людей, заключающимся в ритуальной практике [4, с. 323].

Групповые ритуальные действия, выражающие коллективные представления и эмоции, а также служащие формами, через которые социум опосредует экстатическое сопричастие человека с творцом как репрезентантом всего универсума явлений, им созданных и способных явиться формами его проявления, мыслятся в рамках примитивной ментальности как обеспечивающие воспроизводство и обретение необходимых для жизни благ, и обуславливающие таким образом само бытие общественного целого [4, с. 253, 323].

Наиболее значимым социальным аспектом функционирования в примитивных культурах таких мифологических персонажей, как творцы, является их ассоциация с определёнными общностями [4, с. 359], с чем и видится коррелирующей способностью как тех, так и других выступать в роли субъектов, опосредующих антропокосмическое взаимодействие и единство. Данная функция принципиально важна для формирования полноценной картины мира через преодоление бинаризма и реализацию принципа неопределенности-дополнительности-совместимости. Стремление к этому особенно характерно для специфического мистико-религиозного сознания. Так, в рамках философского осмысления некоторых эзотерических концепций выявляется идея нейтрализации бинеров тернером, то есть порождения третьего *среднего* термина, обеспечивающего переход от одного из крайних понятий к другому и тем устанавливающего тройственную шкалу, ступенями которой служат сами термины. В этой фазе они являются лишь степенями одного и того же, т. е. *два сливаются воедино* с помощью третьего [1, с. 26–28].

С точки зрения социально-философского анализа наиболее важной представляется опосредующая роль социума как воплощения [4, с. 361] мифического творца. В качестве опосредуемых бинеров в данном случае могут рассматриваться, с одной стороны, организуемая и перманентно реорганизуемая природа в своём наиболее косном и количественном выражении – масса единичных явлений неорганической и живой природы, отдельных индивидов, в т. ч. Человеческих, как бы предвосхищающая стадийно более позднюю категорию материи; а с другой стороны – та сфера, которая по своему качеству возвышается над природой, являя собой некий праобраз идеального мира, духа как родового понятия – сверхприрода, объединяющее творящих, трансформирующих и трансформирующихся мифологических персонажей сверхъестественное. Принимая в расчёт то, что диаду таких бинеров, как материя и дух принято разрешать через человека в качестве тернера [1, с. 26], можно усмотреть аналогию и в значительной мере соответствие данному триединству в представленной выше триаде «природа – сверхъестественное – социум» не только в связи со значительным совпадением бинеров в том и в другом случаях. Во многом совпадающими здесь являются и тернеры, которые можно объединить категорией «антропосоциальное» интегрирующей понимание человека как животного общественного (Аристотель), совокупности общественных отношений (К. Маркс), а человеческого сообщества – как соборной личности (библейская традиция) или Великого Существа (О. Конт), что обнаруживает свои истоки в синкретичной примитивной ментальности, где безраздельно господствуют коллективные представления; а социум издавна принято воспринимать как своеобразный организм, так или иначе антропоморфный, поскольку он мыслится воплощением в большей или меньшей степени антропоморфного тотемического божества – творца.

Таким образом, в примитивных культурах тотемический социум представляется как воплощающий частично антропоморфного творца субъект, посредством ритуальных практик, выражающих мифологические представления, служащий медиатором (посредником) между сверхъестественным и естественным, ретранслирующим в пределах своей территории энергию тотемического божества, направленную на воссоздание комплекса объектов и существ, образующих своеобразный локальный космос данного социума.

Библиографический список

1. Жарова О. С. К вопросу методологических подходов в оценке семиосферы сознания (от аномального к фольклорному) // Европейский журнал социальных наук. – 2011. – № 5. – С. 21–28.
2. Зубов А. Б. История религий. Книга первая: Доисторические и внеисторические религии : курс лекций. – М. : Планета детей, 1997. – 344 с.
3. Ионин Л. Г. Социология культуры : учеб. пособие для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 427 с.
4. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М. : ОГИЗ, 1937. – 518 с.
5. Протопопова Н. А. Особенности «примитивного» мышления шотландских гэлов в контексте структурной антропологии. Scientific World URL: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/philosophy-and-philology-311/philosophical-anthropology-311/7595-features-qprimitiveq-thinking-to-the-scottish-gelov-structural-anthropology> (14.08.2015 г.). (дата обращения : 02.08.2015).

II. TRADITIONAL CULTURE AND ITS HERITAGE: PROBLEMS OF PRESERVATION, EMPLOYMENT AND DEVELOPMENT

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА XX ВЕКА

(на примере хорового творчества Г. Свиридова)

С. В. Беляков

*Студент,
Новокузнецкий колледж искусств,
г. Новокузнецк, Кемеровская область,
Россия*

Summary. Feature of modern consciousness is the multiplicity, pluralism, and reliance not on tradition, but on a personal, subjective judgement. The result is a feeling of loss of integrity of being. Searches often lead to conversion to their roots, religion, spiritual art. One of the brightest representatives of art, making a return to long-forgotten ancient singing, were G. Sviridov.

Keywords: tradition; integrity; consciousness; morality; spiritual works.

Когда я думаю о музыке, мне вспоминается, что она исполнялась в соборах и церквях... Мне хочется, чтобы к ней было такое же святое, такое же трепетное отношение, чтобы в ней искал, а главное находил ответы наш слушатель на самые важные, самые сокровенные вопросы своей жизни, своей судьбы.

Г. Свиридов

Мы живём в эпоху, в которой подавляющая часть человеческих знаний, впитываемых человеком на протяжении своей жизни, является индивидуализированной и основывается на сугубо личных суждениях. Их человек приобретает случайно, по принципу «откуда придётся». При этом человек не знает о степени правильности и достоверности этих суждений и не опирается на источники, которые и формируют у человека истинно правильные и ничем не засоренные представления о мире. «...Ситуация тотального заблуждения столь тесно переплелась с человеческим существом, столь глубоко проникла во все его поры и суставы, что поневоле напрашивается вывод о появлении на исторической арене нового вида человека, некоего мутанта – *homo errans* (человека заблудившегося), пришедшего на смену *homo sapiens* (человеку разумному). Вообще, двадцатый век бо-

гат новыми определениями человека: здесь и человек бунтующий Альбера Камю, и человек играющий Йохана Хейзинги, но человек заблудившийся, как определение, очевидно, в большей степени раскрывает сущность человека наших дней, ибо отличительной особенностью этого нового человека, человека, занявшего господствующее положение в современном мире, является уже не способность к размышлению, к бунту или игре, но врожденная предрасположенность к заблуждению, изначально поражающая все способности и силы разума, в результате чего каждая мысль, каждое движение или начинание такого человека, может быть и доставляя минутное удобство, со всей неизбежностью приводят в конечном итоге к заранее заданному искаженному результату, только преграждающему путь к истине» [1, с. 11].

Особенностью современного сознания является опора на личные, субъективные суждения, часто ограниченные знаниями, накопленными человечеством за период с XVIII по XX век. Такая система чрезвычайно многолика, в ней много расхождений, и отсутствует прочное основание, которое может дать только традиция. Из-за такого пёстрого состава разных мнений и воззрений человек находится, словно, в мрачном лесу, в котором он не только ничего не видит, но и теряется во всех существующих философских системах – отсюда и постоянно присутствующее ощущение потери целостности, столь характерное для нынешнего человека.

Подобная ситуация, когда человек не чувствует себя в гармонии ни с собой, ни с окружающим миром, требует разрешения. Одним из путей выхода становится обращение к прошлому. «Все чаще стремление человека найти утерянную целостность проявляется в обращении к своим корням, к вечным вопросам бытия, к религиозной философии и духовному искусству» [4, с. 2].

Одним из отечественных авторов XX века, обратившим свой взор к традициям прошлого и осуществившим возврат к забытому русскому искусству, стал Георгий Васильевич Свиридов. «Пройдя через пору исканий, влияний... Свиридов в зрелый период, уже будучи большим мастером, возвращается к... глубинным истокам этой древней музыкальной мудрости» [3, с. 44]. Многие исследователи творчества этого композитора отмечают, что элементы склада хоровых сочинений Свиридова восходят к древнерусскому профессиональному певческому искусству.

Неповторимые черты свиридовского стиля, отчетливо выразившиеся в хоровых сочинениях, ставших «центром художественного мира, средоточием раздумий, чувствований, стилистических находок композитора» [2, с. 163], во многом родственны стилевым находкам Нового направления русской музыки рубежа XIX–XX вв. Среди них следует отметить:

- равномерное распределение силы звучности партий;
- отсутствие сложных, неисполнимых оборотов;

- яркие фонические эффекты резкой смены регистра и одновременно гармонической краски;
- прием «выписанного цепного дыхания»;
- тембровые микстуры в красочных переkreщиваниях голосов;
- многогранное красочно-фоническое и символично-ассоциативное использование сольных тембров;
- контрастное чередование тембровых групп, солистов и хора;
- широкое использование хорового звучания от имитирующего инструментальные приемы скандированных возгласов до различных штрихов кантиленой вокализации (пение с закрытым ртом и на гласную).

И это не просто продолжение традиций, но новый этап развития отечественной духовной музыкальной культуры.

Хоровые произведения Свиридова, прежде всего духовной тематики, дают человеку необходимые ориентиры в поиске истины, нравственности и душевной гармонии. Они являются «уникальными сочинениями, в которых различные древние литургические традиции сплетаются с самым современным музыкальным языком. Произведения, словно находящиеся на грани двух различных художественных «миров», не только связывают прочной нитью весьма несходные философские, эстетические, культурно-языковые традиции, но и открывают множество новых путей для их взаимного обогащения» [4, с. 13]

К XXI веку число жанров и форм, в которых композиторы создавали духовные сочинения, значительно увеличивается. И не последнюю роль в этом процессе сыграло творчество Георгия Васильевича.

Свиридов сделал очень важное открытие для последующих композиторов: он создал совершенные образцы новейшего направления и стиля, который современные композиторы могут развивать и обогащать. В этом смысле можно говорить о «новом музыкальном авангарде», который, возможно, является ещё более новаторским, чем тот авангард XX века, который этим словом сам себя называл.

Библиографический список

1. Мартынов В. Культура, иконосфера и богослужбное пение Московской Руси. – М. : Прогресс – Традиция, русский путь, 2000.
2. Масловская Т. Г. В. Свиридов // Современная отечественная музыкальная литература: 1917 – 1985. Вып. 2. – М. : Музыка, 2007.
3. Полякова Л. Свиридов как композитор XX века // Музыкальный мир Георгия Свиридова : сб. ст. – М. : Сов. композитор, 1990.
4. Федулова Е. Претворение литургических традиций в духовной музыке Г. В. Свиридова : дисс... канд. иск. – Магнитогорск, 2010.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВАРИАНТЫ СОХРАНЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ МИРА: ФОЛК-МУЗЫКА

В. И. Брюханова

*Студент
Челябинская государственная академия
культуры и искусств,
г. Челябинск, Россия*

Summary. At the present time the problem of preservation of intangible cultural heritage has become a major in cultural policy of the world community. Today new forms of preserving national culture are diverse, for example – the activities of the various musical groups, who adhere such direction as «folk». This article talks about this musical style as an alternative form of preservation of intangible cultural heritage.

Keywords: intangible cultural heritage; folk music; world music.

Одной из основных проблем культурной политики мирового сообщества настоящего времени является проблема сохранения нематериального культурного наследия. Причиной, приведшей к такому положению, стали процессы модернизации и глобализации современного мира и общества, спровоцировавшие печальное положение многих форм духовного наследия, которые ныне находятся почти на грани исчезновения.

В 2003 г. в Российской Федерации, по инициативе Министерства культуры и Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО на базе Государственного Российского дома народного творчества была создана общественная организация – Российский Комитет по сохранению нематериального культурного наследия. Цель работы Комитета, прежде всего, это необходимость выявлять и защищать объекты нематериальной культуры, обнаружение и поддержка подлинных мастеров-носителей культурных традиций, а так же необходимость сохранить и развивать культурного разнообразия народов России [3].

ЮНЕСКО разработало и провозгласило в 2001, 2003 и 2005 гг. «Декларацию шедевров устного и неосязаемого наследия человечества», где нематериальное наследие определяется как: «Совокупность основанных на традиции творений культурного сообщества, признанных отражающими ожидания сообщества постольку, поскольку они отражают его культурную и социальную тождественность; его стандарты и ценности передаются устно, посредством подражания или иными средствами» [6].

На основе «Декларации», Правительство России в 2008 г. разработало свою Концепцию сохранения и развития нематериального культурного наследия народов РФ на период 2009–2015 гг. Согласно этому документу, к нематериальному культурному наследию относятся «Обычаи, формы представления, знания и навыки, культурные пространства, признанные сообществами в качестве их культурного наследия. Такое наследие фор-

мирует у народа чувство самобытности и преемственности, содействуя уважению культурного разнообразия и творчеству человека» [4].

Нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации, как и «Декларация шедевров устного и неосязаемого наследия человечества» ЮНЕСКО включает в себя:

- Устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериальной культуры;
- Исполнительские искусства;
- Обычаи, обряды и празднества;
- Знания и навыки, связанные с традиционными ремёслами [2].

Дабы способствовать сохранению народной культуры, не только в России, но и в мире существует практика проведения фестивалей народного творчества, различных фольклорных праздников и конкурсов. Они призваны выявить подлинные образцы фольклора, развивать традиции, способствовать проявлению новых форм народной культуры.

В России главная проблема данных мероприятий по сохранению нематериального культурного наследия заключается в том, что современное поколение молодых людей относится к ним довольно прохладно. Немногие юноши и девушки интересуются своей историей, традициями и обычаями своего народа. Особенно это касается песенной культуры не только России, но и мира в целом. Не секрет, что именно музыка способствует наиболее лёгкому «погружению» в эпоху, передаёт основную смысловую нагрузку, демонстрируя образ той или иной культуры.

Альтернативной формой сохранения и популяризации народной культуры в России можно назвать музыкальное направление «фолк» (англ. «folk music» - народная музыка), перенятое из европейских стран. Именно фолк стал способом сохранения и приобщения молодёжи к традиционной культуре народов мира и сохранения её в умах новых поколений.

Исторически это музыкальное направление зародился в Европе времён Средневековья, и было музыкой крестьянского слоя населения, их развлечением, которое было призвано вносить в их жизнь разнообразие и сопровождать древние ритуалы (которые и сейчас проводятся в разные времена года в некоторых районах мира). Музыканты оставляли саму форму сельских песен и танцев неизменной, но кроме того, брали идеи, темы и стилистику, например городских уличных баллад.

Городские книгоиздатели часто нанимали музыкантов для переложения городских хроник в песенный вариант и продавали эти сборники, тексты которых отражали текущее положение дел, но были проще для восприятия малообразованным обществом. В России был иной подход к таким направлениям – коммерческие интересы зачастую отходили на второй план, а главными характеристиками русского «фолка» были его обрядовое значение и синтетический характер. Русская народная музыка рождалась

как синкретизм различных видов искусства: музыка и поэзия, хореография и музыкальное сопровождение.

XIX век стал переломным, это было времена перемен. С ростом городов, развитием промышленности и миграцией из деревень нарушился привычный порядок жизни общества. Подъём национального самосознания, которое происходило в Европе, стал причиной проявления интереса к фолк-музыке у среднего класса и творческой интеллигенции. В это время композиторы обращаются к народной музыке своих стран, дабы через заимствование мелодий, тем и образов придать своим творениям национальный колорит и передать сакральные смыслы традиционной культуры своей страны [1].

В это же время появляются коллекционеры музыкального фольклора (как песенного, так и инструментального), которые нередко изменяли находки – давали иное музыкальное сопровождение, переделывали простонародные текст под более утончённый вкус и т. д. И сейчас спорным вопросом является определение того, что именно считать народной песней. Фолк-музыка – это музыка, которая рождается и исполняется в пределах одной местности, нередко даже не выходя за пределы определённой общины. С развитием звукозаписывающей техники народная музыка расширило свою аудиторию, позволило ей достигнуть гораздо более обширной области распространения.

В настоящее время фолк в исполняется не только музыкантами-любителями, но и профессионалами, развитие технического прогресса и средств массовой информации практически полностью изменили способ, которым создаётся, познаётся, распространяется и используется современная народная музыка, поэтому для неё характерны некоторые нюансы, не свойственные популярному или академическому направлениям. Главное отличие современно фолка от исконно народной музыки то, что исполнение фолка осуществляется как на современных, так и на народных инструментах [5].

Специалисты и любители в сфере развития народной музыки до сих пор не пришли к единому мнению в вопросе, касающемся использования современных аранжировок и инструментов. Одни утверждают, что это мешает сохранению национальной индивидуальности, убивает её красоту, и считают фолк-музыку «вульгаризацией» национальной культуры. Мнение другой стороны таково, что использование современных музыкальных приёмов способствует приобретению нового звучания, а следовательно, повышает интерес молодого поколения к народной музыке.

Фолк-музыка хороша тем, что сохраняя в себе изначальные мотивы и корни той культуры, что её создала, она всё же подстроена под современные вкусы и помимо того, что воспринимается новыми поколениями коренного населения, ещё и знакомит с культурой народов представителей других направлений и так же воспринимается ими благосклонно. Таким

образом, через музыку и её восприятие люди знакомятся с различными направлениями культуры совершенно свободно и при этом комфортно [6].

К сожалению, не только в России, но и в мире в целом, количество псевдо фольклорных музыкальных коллективов возрастает. Вследствие этого необходимо чётко разграничивать стремление продвигать культуру этноса и руководство исключительно коммерческой выгодой.

Рассуждать о положительных и отрицательных сторонах данных музыкальных направлений можно долго, но ясно одно – современное общество (не только молодёжь, но и люди старшего поколения) тяготеет к таким проявлениям культуры сильнее, чем может показаться на первый взгляд. Количество музыкальных коллективов, исполняющих музыку данного стиля, значительно, а их творчество разнообразно. Кажется, что между нематериальным культурным наследием и фолк-музыкой нет прямой связи, однако не стоит забывать о том, что культурное наследие нужно не только сохранять в его первоизданном виде, но и популяризировать его значение среди народа. Фолк-музыка помогает традиционной народной музыке звучать по-новому, привлекая более широкие слои населения. Баллады, эпосы, предания и просто музыкальные произведения, стилизованные под определённую эпоху делают культуру народов мира понятной и доступной молодёжи современного общества.

Библиографический список

1. Folk music [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://music66.info/article/a-20.html>
2. Кирюшина Ю. В. Нематериальное культурное наследие – актуальное понятие современности // Известия Алтайского государственного университета. Серия Культура. Культурология. – Барнаул, 2011. – № 2–1. – С. 244–247.
3. Козлова И. В. Сохранение и развитие нематериального культурного наследия народов Российской Федерации // Проблемы сохранения нематериального культурного наследия в условиях глобализации : сб. ст. / отв. ред. Т. Г. Владыкина; УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2013. – С. 40–48.
4. Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов российской федерации на 2009–2015 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakonprost.ru/content/base/part/669539>
5. Королев О. К. Фолк-рок // Краткий энциклопедический словарь джаза, рок- и поп-музыки. – М. : Музыка, 2006. – 168 с.
6. Смирнов Д. В. Первые этнографические концерты в Москве // Живая старина. – 1996. – № 2. – С. 20–24.
7. ЮНЕСКО. Шедевры устного и нематериального наследия человечества. Провозглашения 2001, 2003 и 2005 гг. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [unesco.ru>media/docs/2010/Shedevry.pdf](http://unesco.ru/media/docs/2010/Shedevry.pdf)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ПРОВИНЦИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

А. В. Забелин

Студент,
Техникум Ростовского государственного
университета путей сообщения,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. The article deals with the problem of charity in the province at the end of the XIX century, the example of the Stavropol province. It was found that the largest-scale charity manifested in Vol. N. lean years, comes after poor harvests and cold winters. In rural society organized famine relief, opened soup kitchens, collecting donations, charity performances arranged amateur theaters. Famine relief has been nationwide.

Keywords: charity; province; hunger; soup kitchens; farmers; intellectuals.

Понятие «благотворительность» происходит от греческого слова *philantropia* – человеколюбие. Новая Российская энциклопедия раскрывает понятие «благотворительность» как «добровольное, безвозмездное и организованное распределение частных ресурсов их владельцами в целях поддержки нуждающихся...» [2, с. 247]. Тема благотворительности актуальна всегда, так как она является неотъемлемой частью человеческой культуры. О ней писали как участники событий, так и исследуют современные учёные. В данной статье рассмотрим её на примере Благодарненского уезда Ставропольской губернии в конце XIX века.

Зимний период 1897–1898 гг. принес с собой голод в провинцию, возникший из-за бесснежной и холодной зимы, без дождливого и жаркого лета. Вследствие чего урожай, собранный в Ставропольской губернии был ниже среднего и способствовал голодовке среди некоторой части крестьян. Не спасало положение и выдача ссуд из общественных запасных хлебных магазинов.

Несмотря на малую купеческую прослойку, она имела уже сложившиеся традиции благотворительной помощи населению. Первоначальная помощь оказывалась представителями власти. Например, Благодарненский уездный исправник А. М. Мейлах собрал несколько сот пудов муки, мяса и других продуктов, которые в свою очередь раздавались бедным, а также были отправлены для оказания помощи в другие регионы.

Также, чтобы подобные мероприятия носили регулярный характер, в селе Благодарном по инициативе Председателя съезда земских начальников полковника К. С. Козлова было образовано благотворительное общество, членами которого были приглашенные представители интеллигенции, местные крестьяне, окрестные тавричане и др. Главной целью деятельности данного общества было провозглашено следующее – раздача муки, сала, мяса и пр. В нужных случаях предполагалось оказание помощи деньгами. Членом общества мог стать каждый желающий, уплативший членский взнос. Постановили открыть в селе бесплатную чайную «с дар-

мовым хлебом», для чего из собранных денег сельское общество выделило пособие в размере 200 рублей. В дальнейшем планировалось открытие бесплатной столовой для голодающих.

Несмотря на трудности, в сёлах новогодние и рождественские праздники проходили весело. В общественных собраниях устраивались танцевальные вечера, любители сценического искусства показывали для крестьян целый ряд бесплатных спектаклей, а также и благотворительные, с целью сбора средств в пользу педагогического музея ставропольской дирекции. Обычные визиты на Новый год были заменены взносом в размере одного рубля, который предназначался для бесплатной чайной.

Представителями губернской интеллигенции не было забыто и отвлечение народа от пьянства в праздничные дни. Для чего в здании министерских училищ при участии педагогического персонала проводились образовательные и общекультурные чтения с уже полюбившимися у населения туманными картинками. По окончании крестьянам выдавались книги из имеющейся при училище библиотеке, открытой на средства частной благотворительности по инициативе и содействию уездного исправника А. М. Мейлаха.

Для сбора средств на благотворительность в сёлах губернии ставились любительские спектакли. К примеру, 18 января 1898 г., любители драматического искусства показали комедию Островского в 3-х действиях «Не в свои сани – не садись» и водевиль в 1-м действии «Бедовая бабушка». Зрители, как правило, оставались довольными и с удовольствием аплодировали любителям и любительницам, участвовавшим в постановках. Собранные средства передавались в местные благотворительные общества. Удачное проведение благотворительных спектаклей стимулировало проведение еще подобных.

Наибольшее количество сведений о деятельности благотворительных столовых в сёлах Ставропольской губернии сохранилось по таковой в уездном центре – селе Благодарном. Поэтому этот материал рассмотрим подробно.

В селе Благодарном было принято решение открыть бесплатную столовую, и был разработан Устав, впоследствии утвержденный губернатором Никифораки, приславшим свое личное пожертвование. Каждый давший два рубля и более становился действительным членом благотворительного общества. Правление общества составляло 12 человек. Также были избрана ревизионная комиссия и установлен порядок дежурства в столовой.

После произнесенных речей и службы молебны, 25 января 1898 г. столовая была объявлена открытой и голодающих местных крестьян пригласили присесть за столы. Каждый из присутствующих получил по куску хлеба, мяса, тарелки щей и пр. В первый день благотворительную столовую посетило более 100 человек, многие из которых, как оказалось, «не ели несколько дней подряд не только горячего, но даже хлеба насущного с

водицею. Все они были бледны, вялы, немощны, изнурены, одним словом, кости да кожа» – отмечали современники. Больным, которые не могли придти в столовую, еду доставляли на дом. Разрешалось после обеда и с собой брать.

В последующие дни количество посещавших благотворительную столовую стало увеличиваться – 150, 200 и более человек, поэтому было решено составить список действительно голодающих, кто имел право ее посещать. Были назначены специальные попечители, в задачу которых входило составление списков действительно нуждающихся. Тем не менее, по истечении некоторого времени в столовой уже обедали и брали «на дом жители и иногородние, проезжие и прохожие, и разные инородцы».

Чтобы не стеснять посетителей бесплатной столовой, здесь не только отсутствовал полицейский надзор, но и какой-либо другой. Единственное, что с самого начала требовали организаторы, это то, чтобы на обед приходили в период с 9 до 12 часов дня, каждый занимал место, которое ему приглянулось, кушал столько, сколько требовал его аппетит, а, уходя, чувствовал себя сытым. Добровольцы, работавшие в столовой отмечали, что посетители вели себя в высшей степени скромно и благопристойно, при чем не было не только ни одного случая сколько-нибудь резкого нарушения порядка, тишины и спокойствия, но даже каких-либо недоразумений и препирательств между обедающими, споров из-за мест за столами и т. п. Равным образом не замечалось решительно ни одного случая пропажи из столовой посуды, утвари и т. д.

Кроме денег, в столовую население приносило в качестве добровольных пожертвований продукты питания: картошку, квашеную капусту и пр., а также керосин, привозили питьевую воду и многое другое. Помогали, кто как мог. Это была действительно всеобщая помощь голодающим [1, с. 10–23].

Таким образом, мы видим, что в российской провинции в конце XIX века были сильны традиции благотворительности. С наибольшей силой она проявлялась в годы тяжёлых испытаний, например, неурожайные годы. Первым на помощь приходила администрация, затем в силу острой необходимости, подключались все слои населения. Помогали голодающим все, кто, чем мог. Отличительной чертой была её организованность.

Библиографический список

1. Забелин В. М. Благодарненская сторона: исторические очерки. – Ставрополь: АГРУС, 2012. – 212 с.
2. Новая Российская энциклопедия: В 12 т. – М.: ООО «Издательство «Энциклопедия»: ИД «ИНФРА-М». – Т 3(1). – 2007. – 480 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРЕСА ПОДРОСТКОВ К ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ДОСУГА

Л. В. Ивойлова

*Алтайская государственная академия
культуры и искусств,
г. Барнаул, Алтайский край, Россия*

Summary. The article discusses the involvement of young people in artistic and creative and socio-cultural activities in institutions of leisure with the purpose of formation of teenagers interest in traditional art culture.

Keywords: teenagers; traditional culture; folk culture; art culture; leisure institutions.

Подростковый возраст занимает важное место в процессе развития человека. Ж. Пиаже считает, что этот возраст характеризуется тем, что у ребенка созревает способность к формальным операциям без опоры на конкретные свойства объекта [3, с. 233]. Часто подростки не умеют распоряжаться большим количеством свободного времени. Исследователи утверждают, что подростка несложно заинтересовать чем-либо. Однако труднее сохранить этот интерес, поддержать и развить его. С детского возраста нужно прививать ребёнку культуру досуга. Ценность досуга в том, что он помогает подростку развить в себе то лучшее, что в нем есть [1, с. 36]. Формирование у подростков умений и навыков самоорганизации – важная социально-педагогическая задача. Подростковый досуг должен носить педагогически организованный характер, так как познавательная деятельность обладает для подростков самостоятельной ценностью. При этих условиях усиливается один из самых положительных способов проведения свободного времени. Он рассчитан не на непосредственное потребление, а на создание культурных ценностей – на творчество. Исследователи творчества считают, что потребность в нем присуща каждому человеку, и уж тем более подросткам. Ученые и педагоги считают, что одной из задач не только педагогики, но и национальной политики России на современном этапе является воспитание подростка, способного творчески решать стоящие перед ним задачи, касающиеся проблемы сохранения, использования и развития традиционной культуры. Как отмечается в «Концепции национальной государственной политики Российской Федерации» (Указ Президента РФ от 15 июня 1996 г. № 909), формирование и распространение знаний об истории и культуре населяющих Россию народов, сохранение их национальной самобытности и традиций, вместе с воспитанием уважения к культуре других народов служат важнейшими задачами национальной политики Российского государства. В решении этой проблемы немалая роль принадлежит учреждениям досуга, где происходит формирование и трансляция знаний по традиционной культуре России, сохранение историческо-

го наследия, а так же создание оптимальных условий для их развития через знакомство подростков с традиционной культурой родного края. Не являются исключением в этом отношении и коллективы, основной предмет деятельности которых – искусство, а основная цель – формирование и удовлетворение духовно-эстетических потребностей подростка. Одним из таких коллективов является «Детская школа искусств «Традиция» города Барнаула. Здесь эта цель реализуется благодаря вовлечению подростков в художественно-творческую и социально-культурную деятельность. Реализуется эта деятельность в учебных, репетиционных, художественно-образовательных занятиях, концертных выступлениях, массовых праздников, мастер-классов по различным видам искусств. Специфика таких учреждений и синкретическая природа народной культуры предполагает чрезвычайно многообразный спектр видов деятельности в данном направлении, где подростки могут не только приобщаться к миру традиционной художественной культуры наших предков, но и осваивать навыки различных видов декоративно-прикладного творчества и ремёсел. «Изучение традиций декоративно-прикладного искусства как части народной культуры развивает личностные, психологические качества, формирует художественно-познавательные способности, активизирует творческую самостоятельность и помогает подросткам идентифицировать себя со своими предками и выстраивать отношения с обществом» [2, с. 124].

Таким образом, содержание воспитательно-образовательного процесса в учреждениях досуга, его цели и задачи подчинены идее создания условий для формирования интереса подростков к традиционной народной художественной культуре. На этой основе культивируется среда, откуда подростки черпают интересы, склонности, потребности знать, уметь, действовать и где идет процесс самопознания, который ведет подростка непосредственно к саморазвитию.

Библиографический список

1. Воловик А. Ф. Педагогика досуга. – М., 1998.
2. Ивойлова Л. В. Влияние народного декоративно-прикладного творчества на становление национальной идентичности подростков // National cultures in social space and time : materials of the II international scientific conference on March 10–11, 2014. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – 158 p. – P. 124–125.
3. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. – М., 1969.
4. Фельдштейн Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности : избранные труды. – 2-е изд. – М., 2004.

**«СОВРЕМЕННЫЕ РУССКИЕ ГОВОРЫ
В СИСТЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ»
(ТГУ имени Г.Р. Державина)¹**

И. В. Поповичева

*Кандидат филологических наук, доцент,
Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина,
г. Тамбов, Россия*

Summary. Purpose of publication is to acquaint scientific public with materials, concerning with ethnography of childhood, which is kept in laboratory funds «Contemporary Russian dialect in the system of linguistic culture» (TSU named after G.R. Derzhavin). The article represent by texts-memories of village people in Tambov region as the source of reconstruction of regional traditions, connected with birth, baptism, maturing of children, social and historical conditions of life and adulthood of peasant children during war and post-war time. Materials can be used in generalizing researches, which are connected with national culture, works concerning ethnography of Russian population childhood of the 20th century Russia.

Keywords: ethnography of childhood; texts-memories; peasant children; Tambov region.

Обращение к системе народных традиций, связанных с рождением и воспитанием детей у русских, а также у других народов, живущих на территории Российской Федерации, в последние десятилетия стало популярным. Как показал представленный в работе Г. А. Комаровой обзор публикаций и мероприятий по этнографии детства, интерес исследователей к миру ребенка в национальных культурах сегодня отражают многочисленные статьи, монографии, конференции [1, с. 127–154].

Несмотря на значительные научные достижения в вопросах изучения семиотического пространства «детского» мира в народной культуре, образа жизни и взросления детей в различных культурно-исторических условиях, остается актуальной проблема источниковедческой базы для подобного рода работ. Как правило, в своих исследованиях по данной тематике авторы используют опубликованные (документальные, фольклорные, литературные, статистические, словарно-справочные), архивные и полевые материалы. Введение последних в научный оборот особенно важно по причине быстрого угасания и современной трансформации традиций, ухода из жизни людей старшего поколения, вместе с которыми навсегда уходят из исторической памяти народа важные части национальной культуры.

Цель данного сообщения – познакомить научную общественность с материалами по этнографии детства, записанными в ходе лингвоэтнографических экспедиций по Тамбовской области студентами и преподавателями ТГУ имени Г. Р. Державина в период 1994–2014 гг. и хранящимися

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований «Образ ребенка в социокультурной картине мира русских крестьян» (проект № 13–34–01005).

сегодня в фондах лаборатории «Современные русские говоры в системе языковой культуры» (действующей на базе института филологии указанного вуза).

В качестве предварительного замечания следует отметить, что Тамбовская область считается территорией позднего заселения. Наиболее устойчивым населением на Тамбовщине в прошлом тысячелетии была мордва, подвергшаяся активной ассимиляции с XVII в. Русское население (составляющее по данным Всероссийской переписи 2010 года 97 % жителей области) формировалось здесь преимущественно из центральных и северо-западных уездов Русского государства. По особенностям местных говоров Тамбовская область относится к южнорусскому наречию восточной группы рязанской подгруппы, по этнографическим – к южно-среднерусской зоне. В силу аграрной специфики региона среди населения здесь доминирует крестьянский тип культуры. Поэтому, несмотря на имеющиеся локальные особенности, явления духовной и материальной культуры, фиксируемые на территории области, в целом отражают традиции и мировоззрение русского крестьянства [4].

Имеющиеся в фондах лаборатории «Современные русские говоры в системе языковой культуры» материалы по этнографии детства по жанру представляют собой тексты-воспоминания старожилов сел Тамбовской области. По содержанию эта тематическая часть фондов может быть разделена на две группы: 1) тексты-воспоминания об обрядах родильно-крестильного цикла, большая часть которых записана в 1994–1997 гг. со слов рассказчиков 1903–1935 гг. р.; 2) тексты-воспоминания о детстве; их авторы преимущественно 1925–1950 гг. р. Тексты записаны в период 2001–2014 гг. и репрезентируют информацию о социально исторических условиях жизни и взросления детей в военное и послевоенное время, о детских играх, забавах, участии детей в обрядовой жизни сельского общества.

Особый информационный блок составляют тексты, в которых рассказывается о детских болезнях, народных способах их лечения.

Все материалы паспортизованы и затранскрибированы. Эта форма записи позволяет отразить фонетические и морфологические особенности тамбовских говоров, обуславливает научно-практическую значимость текстов, которые в этом виде могут быть использованы в учебных курсах по русской диалектологии, в научных работах филологов и этнографов.

Обратимся к обзору текстов из фондов лаборатории.

Как показывают историко-этнографические исследования В. Н. Харузиной, Д. К. Зеленина, К. В. Чистова, Т. А. Листовой, Г. А. Носовой, Т. М. Толстой, А. К. Байбурина, Д. А. Баранова и др., в народных традициях, связанных с рождением, крещением, возмужанием детей, для русского населения России наиболее значимыми были ритуальные действия повитухи с новорожденным, очищение повитухи и роженицы, крещение ребенка, празднование родин, крестин, посещение роженицы и новорожденного

родственницами и соседками, обычаи, отмечающие этапы развития ребенка (первый зуб, первый шаг, первая стрижка). Сведения об этих обрядах и обычаях зафиксированы и на территории Тамбовской области. Приведем примеры.

Обряды рождения. [У каво́ питисте́нак был, в го́рницы ни ража́ли. Начну́ца нады́мы, свякро́фь фсех выганя́ла из избы́, ко́ли ле́та, а зимо́й – то мужыки́ са́ми уйду́ть ку́да-нибу́ть, а дитей пасо́дють: «Так, сяди́тя, малчи́тя, ни рызгава́рьвыйтя». Кагда́ ро́ды дабре́ до́лга для́цца, пывиту́ха пыдгава́рьвыить каво́-нибу́ть пы-чудно́му аде́ца, штоп рыжани́цу ныпуга́ть. Рыжани́ца ныпуга́ица и врас рызряшы́ца. А́ли пысыла́ить каво́ ф це́ркву варо́та аткры́ть, мали́тву чита́ла. Ны рада́х Быга́ро́дица, Свята́я Кытири́на пымага́ить, Никала́й Уго́дник ско́рый памо́щник, Свято́й Пынтилимо́н. В мали́твах пывиту́ха фсех святы́х на по́мышц заве́ть. Рибёнык ради́ца – пывиту́ха яво́ купа́ить. Ф та́зик плискане́ть те́плинькай вади́чки, а туда́ свято́й. Три ра́за «Быга́ро́дицу...» прычита́ить, ищо́ каки́я мали́твы и нычина́ить рибёнка абмыва́ть: «Как с го́рныва студинца́ вада́, так с младе́нца фся бале́знь, фся худаба́». Патом пра́вить рибёнка: но́жки, ру́чки, гало́фку вы́тягивыить. Зывара́чвыли тады́ в мушску́ю руба́ху, штоп взял ацо́фскую сил́у, штоп ате́ц люби́л дитя́.] – Инжавинский р-н; [Кагда́ же́нщина ража́ла, в избе́ о́кна атваря́ли, штоп Бох увида́л му́ки ради́льницы и памо́х ей на му́ках. Рибёнык ради́ца, пывитуха́ яво́ абмо́ить, зывярне́ть и на печ. Смо́трит, штоп пасле́т вы́шыл. Как вы́йдит, ана́ яво́ абмо́ит и харо́нит. Пря́тыли пыд застри́х (нижний слой соломы, покрывающей крышу дома или сарая – И.П.), а зырыва́ть яво́ нильзя́. Э́та фсе́ равно́, што рибёнка пыхырани́ть. Ано́ вить што рибёнык, то и ме́ста (послед – И. П.), как рибёнка биригли́, так и ме́ста.] – Сампурский р-н; [Как ради́ца дитя́, в эт’ат де́нь капы́ца абмыва́ють. Сады́ца фсе за стол, ба́пка пиро́х на стол, ате́ц буты́лку, а дет, быва́л, ска́жыт: «Сла́ва Бо́гу, рыдила́. Што мы хате́ли, то нам Бох и пасла́л»] – Староюрьевский р-н.

Обряды очищения роженицы и повитухи. [У аржани́цы ве́ник был адде́льный. Кагда́ прихади́ли пасля́ ба́ни на тре́тий день – ру́ки рызмыва́ли. Аржани́ца и я (рассказывает повитуха – И. П.) пирит абраза́ми стынави́лись, ме́жду на́ми крясто́м ве́ник аржани́цы ляжы́т. Ф стыране́ свякры́ с куфшино́м стаи́т. Я чита́ла три ра́за «Быга́ро́дицу», с аржани́цай у Бо́га праще́ние праси́ли. Я брала́ куфшы́н, пылива́ла на́ руки аржани́цы над ве́никам, пасля́ аржани́ца пылива́ла мне, праще́нья праси́ла: «Прасти́, ба́бушка, ты у нас изма́зылась». Абраца́лись к абраза́м, кла́ли три пакло́на: «На до́брые здаро́вья». Ве́ник ф пе́чки жжыга́ли. Пасля́ фсяво́ пригла́шали миня́ абеды́ть, дари́ли мне пла́то́чик, мы́льца, хле́пца, у каво́ што бы́ла, то и дари́ли. Но я ви́жу, што

симья́ бе́дныя, я никагда́ ничаво́ ни вазьму́ дамо́й, и́хним жы де́тям одда́м.] – Бондарский р-н.

Посещение роженицы и новорожденного родственницами и соседками. [У нас снаха́ рыдила́. Мы с сёстрыми дыгывари́лись, што з зупко́м пайдём в выскрисе́нье по́сли абе́дни. Вот в выскрисе́нье и пашли́. Пришли́, паздра́вили, зупки́ адда́ли, а свякро́фь уш на стол угаше́ние ста́вить. Пысиде́ли вы́пили, пе́сни да́жа игра́ли, а сама ради́льница за стол ни сади́лась. Ана́ ны крава́ти лижа́ла.] – Кирсановский р-н; [Как узна́ют, што рыдила́, ба́бы к ней с ка́шай спяша́т. Э́та так нызыва́ли «с ка́шай», а нясли́ и ка́шу мало́шную, и курёнку заре́жут, кто пырад-не́й, там сястра́, мать аржани́цы, и блинцо́ф ныпяку́ть, мо́жыть, пи-рашко́ф, сале́нья фся́кки нясли́.] – Бондарский р-н.

Обряды крещения. [У миня́ ба́пка По́ля пывива́ла. Пывиту́шка о́чинь харо́шыя была́: грудни́цу зыгава́рьвыла, з згла́зу умыва́ла, кагда́ дитя́ сла́быя – пыкрясти́ть магла́. Да. Тады́ мно́гих в гаршка́х ксти́ли. Це́ркыфь была́ закры́та. А ф семь лет ба́тюшка кстил. Тады́ бая́лись, што умрёт никряцо́ным. Кагда́ рибёнычка акре́стют, он нахо́дит сабе́ ме́ста ф том ми́ри. Никцо́ный рибёнык уме́рший ни нахо́дит ме́ста нигде́: ни в аду́, ни ны нибиса́х.] – Бондарский р-н; [А чирис три-читы́ри дня нясли́ ф це́ркву – в ве́ру ввади́ть. Мать крёсныя шла. С сабо́й пилёнычку, уте́рник, штоп папу́ дать ру́ки утира́ть. Ради́тили крёсному а́цу де́них даю́ть – за кряще́нья запла́ти́ть. Приня́су́ть ис це́ркви и спирва́ны паро́х кладу́ть, пато́м на печ, штоп яво ха́зяин при́нял (домовой – И. П.), а на шу́бу, штоп багаты́м был. Абе́т сыбира́ли. Кто бага́тый, у тех на кристи́нах мно́га наро́ду бы́ла, а кто бе́дный, то кумавьёф угастя́т чем-нябу́ть – и хырашо́.] – Староюрьевский р-н; [Аксти́ть быстре́й на́да. Никцо́ные де́ти фсе́ равно́ што кусо́к мя́са, а пирит Бо́гам так сказа́ть нильзя́. Ис це́ркви приду́ть – рибёнка на пе́рвый паро́х кладу́ть, на афчи́нный тулу́п, пшано́м асыпа́ють, де́нюшки кладу́ть, штоп бага́тым был. Гываря́ть: «Дал Бох ро́ду, дай, Бох, тебе́ пло́ду». Ба́пка з де́дам кумавьёф фстрича́ють кырава́им, сажа́ють ф пире́дний у́гал. А как жа – кумавья́ радне́е братьёф. А пато́м уш фсе́ абе́дыть сады́ца.] – Ржаксинский р-н; [Как пакре́стют – абе́т сыбира́ють. А пасля́ абе́да мужыки́ пывиту́ху ф кары́ту сажа́ли и пы сялу́ ката́ли – людя́м ны пате́ху. А если ле́там, то ищо́ и вadóй абалью́ть, а кто бага́тыи, те сымаго́нам облива́ли.] – Тамбовский р-н; [А чирис ниде́лю ате́ц фсех ро́тствиникаф на ка́шу заве́ть. Тут уш прина́си́ли праду́кты ве́дрыми. И кто де́ньги, кто свива́льник, кто ша́пычку на ка́шу пало́жыть. Кстить ради́тили ни хади́ли. Кум с кумо́й наси́ли дитя́ ф це́ркву. Как при́дут, тут уш их фстрича́ють фсе. Атец бире́ть рибёнка и нясе́ть в и́збу. Пыд ико́нами на ла́фки шу́ба, рибёнка на шу́бу: «Шу́ба лахма́та, жыви́, до́чка, бага́та!». Е́сли ма́льчик: «Тулу́п лахма́т, жыви́, сын, бага́т!»] – Сампурский р-н; [На кристи́ны ка́шу

во'рють, гаршки' б'ють. Быва'ла, узна'ють, што рыдила', спра'шивают у ацца': «Ате'ц, кагда' гаршки' бить бу'дим?» Мать кр'сна прино'сит на абе'т ка'шу в гли'нинам гаршке'. Кто ис пшына' вари'л, кто из гричи'хи, но штоп крута'я была'. Туда' изю'м лажы'ли. Кума' прино'сит э'ту ка'шу, а на стол ста'вить ф канце' абе'да. И каак хрясь гаршо'к. А ка'шу прыдаёт. Даёт прям рука'ми. Го'сти далжны' зы ниё плати'ть, штоп сабра'ть де'ньги ны прида'нные рибёнку.] – Инжавинский р-н.

Обычаи, отмечающие этапы развития ребенка. [Кагда' рибёнык пе'рвый шах зде'лыить, кто уви'дил, далжо'н яму' пу'ту пирире'зать: пывисти' руко'й ме'жду нох: «Хади', ни храма'й, ща'стье дыганя'й!»] – Ржаксинский р-н; [Как кр'сныя узна'ит, што у кре'стника зубо'к вы'лис, ана' далжна' зубо'к пысирыбри'ть – ло'шку пыдари'ть яму'. Кто бага'тый, те сире'бряную ло'шку до'рють, а ра'нышы каку'ю ш там сире'бриную, обыкнаве'нныю падо'рють, и то хырашо'. А вот ле'нтай пачти' фсе абвя'звыли. Е'сли ло'шку ма'льчику до'риш, то гылубо'й ле'нтай абвя'звыиш, а е'сли де'вычки, то ро'зывай. Ло'шку магли' пыдари'ть и дет з ба'бкай.] – Бондарский р-н; [Гот рибёнку испо'лница, на'дыть задо'к стрич. Ате'ц сажа'ить яво' ны кале'ни и вало'сики сыстрига'ить. Э'ти вало'сики мать сыбира'ить и блюдёт, штоп у рибёнка гылава' ни бале'ла. А как он ф шко'лу пайдёт, э'ти вало'сики кла'ли на дно су'мки. Гывари'ли, для таво, што'бы яму' уче'нье ле'хчи дава'лась.] – Тамбовский р-н.

Детские болезни, народные способы их лечения. [А када' уш крик ныпадёт, тук ка мне нясу'ть, штоп я рибёнка ф куря'тник снаси'ла. Бирёш рибёнка и нисёш ф куря'тник. Там мали'тву прыизно'сиш над ним: «Три за'ри-зарни'цы, три сястры'-сястри'цы, // Адна' Да'рья, фтара' Ма'рья, трЕ'тья Авирья'нывна, // Вазьми'тя с младе'нца ... (и'мя прыизно'сиш) крик-не'крик, // Атняси'тя ф чи'ста по'ле и аста'фья на прасто'ри». Пирино'сицу пысасёш и плю'ниш три раза чириз ле'вые пliche'. И так три за'ри'.] – Пичаевский р-н; [Е'сли рибёнык бальны'м ныради'ца: суше'ц на нём или младе'нчиския бьёт, ба'бушка-пывиту'шка али да'жы свякры' магла' яво' запе'ч. На хле'бну лапа'ту младе'нчика паложуть и ф тёпью печ, пы загне'тки шыг-шыг три ра'за и ма'три аддаю'ть: «Принима'й, мать, дитя', зажа'рили мы бале'знь»] – Бондарский р-н (см. также: [3, с. 269–328]). Считалось, что маленькие дети часто болеют по причине их особой незащищенность от порчи и «дурного глаза». Защитить ребенка от них, по народным представлениям, можно было только «с помощью неукоснительного соблюдения всех правил магической защиты» [2, с. 617] ([Идёш с рибёнкам гуля'ть. Сасе'ди смо'труют на няво', хва'лят. А ты в сто'рыну атайди', языко'м слижы' с яво' лица' и плюнь – зглаз с рибёнка снимиш. Или падо'лам руба'хи нате'льной лицо' яму' абатри'] – Знаменский р-н).

Обращает на себя внимание, что в текстах-воспоминаниях отражена не только память крестьян о жизни и традициях русской деревни, но си-

стема оценок, убеждений, представлений о жизнеориентирующих оппозициях «хорошо – плохо», «можно – нельзя». Например, бездетность объясняли греховностью супругов или одного из них, обычно женщины: [Кака́я ба́ба как труси́ха: дите́й ка́жный гот ража́ит, а кака́я живёт с му́жым, живёт, а дите́й фсе́ нет, вот и гываря́т пры таку́ю: «Аби́жыная, Бох дитя́ ни пысыла́ит». А злы́и люд́и ска́жут: «я́львая», или «пуста́цвет», или «ниспасо́бная». <...> Дите́й-та Бох пысыла́ит. Де́ти – э́та дар Бо́жий. В де́фкых нас мно́га дру́жных бы́ла. Фсе вме́сти фстрича́лись, гуля́ть хади́ли. Бы́ли сриди́ нас и рызуха́бистыи. Вот адна гуля́ла с быяни́стам, он иё пыматро́сил и бро́сил. Она́ ны фсю жы́знь пуста́я аста́лысь. Бох наказа́л.] – Рассказовский р-н.

Вторую группу текстов составляют воспоминания тамбовских крестьян 1925–1950 гг. р. о своем детстве: [Ну расла́, был́а ма́нинькыя, па́дала ф по́грип, ныпыва́лысь там кираси́ну, ду́мыли умру́, но ни умирла́ вот, ды сих пор ищо́ живу́. Ф шко́лу хади́ла. Да шко́лы ищо́, ны гаро́дых, карто́шку сажа́ли, пало́ли, про́су се́или, канапли́ се́или, траву́ пало́ли яло́зили. Мать даст зада́нию, вот и по́лишь, травы́ каро́ви нарва́ть на́дыть, бирёски нарва́ть, трава такая, бирёска, каро́ви. Ну вот. Патом ф шко́лу пашла́. Чаты́ри кла́са я ко́нчила, в Бирёзыфки. Там нача́льныя была́ шко́ла. Пато́м пашла́ ф Пуша́нина, ф пя́тый клас, я учи́лась пло́ха. Вот ф шасто́й ни пиряшла́, пашла́ апя́ть ф пя́тай. Ф пя́тый пашла́, нас бы́ла две, сястра́ у миня́ ищо́ ста́ршыя, с 1928 года, иё угна́ли в лес, на рызрабо́тку. Мы с ма́тирей аста́лись до́ма, у ниё случи́лси при́ступ, ка́минь ф почках, иё сасе́тка но́чью увязла́ в бальни́цу, а у нас ва́линки бы́ли адни́ ны траи́х. Иё увязли́ в бальни́цу и ва́линки аста́лись с ней там, в бальни́цы. Ну и фсе́, и шко́ла мая аста́лась. Я ла́пти, сала́ски и на Лы́су го́ру зы драва́ми, драва́ вази́ла. Во́пщим я читы́ри кла́са то́лька ко́нчила и фсе́. Сястру́ заву́ть Евдаки́я. Ну ва што адива́лись, как и фсе, вот пла́тья. Штаны́ ни наси́ли. Я ф пе́рвый клас ф пе́рвый день пашла́ да́же бис штано́ф. Ва́пще́ бис штано́ф пашла́, ф пла́тьи то́лька. И убе́гла, ис шко́лы убе́гла, там у нас бы́ли кана́вы, я ф кана́ви спря́тылась. Мать у нас была́ стро́гыя, гляжу́, ани́ с учи́тельницей хо́дють миня́ и́щут, вот. Су́мкаф у миня́ не́ бы́ла, ф плато́к кни́шки бирём, вот так вот кря́стом завя́жым и пашли́. Вот така́я су́мка была́. В мяч игра́ли. Э́та у нас у́лица шыро́кыя там была́, в лапту́ там игра́ли, и уш ни по́мню ящо́ ва што.] – Моршанский р-н.; [Тапе́рьч, пашо́л я када́ ф шко́лу, ни йи́сть, ни абу́ть, ни аде́ть, сйидА́л вошь. Вот, пашо́л ф шко́лу, там плака́т напи́сали «Борись за дело Ленина и Сталина». А я ду́мал, миня́ звать Бари́сам, эт чо эт я заде́л Ста́лина и Ле́нина, я ни зыдив́ал их. И ф шко́лу ни пашо́л на сле́дущий день, пла́кать взилси́, мать миня́ вади́ла к учи́тельницы: «Вы чаво́ ныписа́ли плака́т вот «Борис... задел Ленина и Сталина»» – «Ды эт «Борись за дело...», – учи́тельница О́льга Питро́вна и гывари́т, –

а ни то, што Борис». А я думал миня́ э́та каса́ица. И с э́тих пор стал хади́ть ф шко́лу и сы фтаро́ва кла́са на́чал зыраба́тывать себе́ на жы́знь. Атучу́ся – и к о́ччиму бигу́ ф патпа́ски, пымага́ю пасти́ каро́ф хазя́йских. А ле́там пато́м уш ф тре́тим класи выдаво́зам стал ф тра́ктырным атря́ди. Па два́цать бо́чкаф ис кало́ца вады́ ток адно́й вы-та́скывал, на ло́шыди вази́л ф паля́ и трыктари́стам ста́вил ны уча́стки, ф каду́шки слива́л во́ду. Тракта́ра бы́ли фсе разби́тыи пасля́ вайны́. Вот да те́мнай но́чи там я. А у́трам апя́ть фстаю́, на́да сыби-ра́ть мишо́чки трыктари́стам ф ка́ждый дом, эт три киламе́тра. Ра-бо́тыли не́кытырыи трыктари́сты ф силе́ Фиду́лафка. Ска́чу туда́ глу-по́й рибёнык, сыбира́ю мишо́чки им. А атту́да тыраплю́сь: мне папа́сть к пика́ркам. Пика́рки пикли́ сваи́ хле́бы на атря́ды, там я зна́ю, мне пирипаде́т ко́рычка. Пака́ таска́ю э́тыт хлеп, пика́рки не́кагда. А па-то́м ана́ ска́жит: «Пыгади́-пыгади́!» И мне атре́жит с килагра́м. Я в мишо́чик, ага, ма́мки, сисстрёнки хва́тит на́ динь. А сам пака́ визу́, ду́мью: «Я в Заща́бринки пае́м». Как приижа́ю ф склат клыдафщи́к ска́жит: «Бори́с, стаска́й хлеп». Стаска́ю, гляди́шь, он мне с пыл-кила атре́жит: «На, пряч». Я спря́чу ф су́мычку. Вот зы килагра́м хле́ба я и рабо́тал. Вот тако́й мой был трут. А када́ уш ко́нчил читы́ри кла́са, я тут уш на́чал вази́ть на ко́нный двор карма́. И зи́мы и ле́та е́здил зы карма́ми, лышаде́й карми́л. Ат камба́йнаф атвази́л, прице́пщикым был. Ну пато́м уш ришы́л стать трыктари́стам. Стал трыктари́стам. 15 лет мне бы́ло – я шко́лу миханиза́цыи ако́нчил и в 16 лет стал я трыкта-ри́стам.] – Пензенская обл., Белинский р-н (записано в с. Кукарки, распо-ложенном на границе с Тамбовской обл.).

В текстах подобного содержания воссозданы реальные условия жизни крестьянских детей в военное и послевоенное время, их более раннее, чем у современных подростков, социальное взросление, участие в трудовой жизни семьи и деревенского общества, нравственные ориентиры крестьянского социума: послушание старшим, забота о младших, семейственность, трудолюбие.

Как известно, неотъемлемой частью жизни детей является игровая деятельность (см., например: [5, с. 8]). Поэтому естественно, что в своих воспоминаниях рассказчики часто упоминают об играх, предметах игр и забав своего детства: [Игра́ли, игра́ли в каки́е-та мячи́, ката́ли. <...> Ой, чо́-та де́лали, каки́е-та ку́клы, из залы́: зо́лу намо́чат, набиру́т в тря́пычку, и сде́лаиш её, как эту, как гало́фку. А шы́ли-та ис тря́пкаф. Как и все де́ти, игра́ть хате́лась. Шы́ли себе́ ку́клаф из тря́пычкаф] – Моршанский р-н.

Воспоминания о детской одежде, игрушках в большинстве рассказов эксплицируют тему бедности: [Тады́ бе́дна жы́ли, пилёнак ны́ была, как щас, дите́й зывара́чивыли в руба́хи мужы́чьи, ста́рыи. Эт ищо́, гаваря́ть, для таво́, што́бы ате́ц люби́л]. – Тамбовская обл., Бондарский р-

н.; [Игрушки каки́я бы́ли? Никаки́я. Чо-нибудь зде́лаим вон ис па́лки, како́й-нить клюк, чаво́ ли, а бо́льши не́ была никаки́х игру́шкаф. Эт шас, ма́и дараги́и де́тища, ста́ла фсе́, а тада́ ничаво́ не́ бы́ла, вот. Ку́кал шы́ли, са́ми, да, шы́ли, ага́, и с рука́ми, и с нага́ми шы́ли ку́кал, из энти́х вот из тря́пкаф, тряпи́чныи, вот.] – Моршанский р-н.

Вместе с тем информанты часто отмечают, что раньше жизнь в деревне была веселее, а сельчане были дружнее: [Де́тства мая́ о́чинь бальша́я. Мы гурьбо́й расли́. Тро́я дята́й-та нас бы́ла. Хто ны пала́ти спал, хто на пе́чки спа́ли. Ма́линькия в зыбачки спа́ли, и кача́ли их тама. Игру́шки – эт вот ка́мушки ныбира́ли па пять штук. Ны сала́сках зимо́й ката́лися. Йицо́ нам сво́рют – мы идём ра́дысныи. Ды фсе дру́жнее бы́ли, сусе́ди друх за дру́шку. И́дут на рабо́ту с пе́сней: «И-И-И!» Ни и хто никагда́ ни сказа́л гру́бава сло́ва ни ны каво́.] – Умётский р-н.

Ряд текстов содержит информацию об участии детей и подростков в рождественских обходах домов, масленичных обрядах, свадебных, в ритуалах заклинания весны: [Ф саче́льник рибья́та, ма́льчики выснавно́м, пы двара́м хади́ли: «Ма́линький ма́льчик сел ны стака́нчик, // Стака́нчик – хруп, дава́й рупь». Блинцы́ даю́т, де́ньги.] – Мичуринский р-н; [На сва́дьби, как к винцу́ иди́ть, няве́сти ны кале́ни ма́льчика сажа́ють, штоп пе́рвым был ма́льчик.] – Уваровский р-н.

Экспедиционные материалы уникальны в силу своей единичности. Тексты-воспоминания старожилов русских деревень могут быть использованы в обобщающих исследованиях по национальной культуре как важный дополнительный источник информации, а в работах по изучению региональных традиций – нередко и как единственный. Важность их фиксирования и введения в источниковедческую базу, доступную для научной общественности, несомненна.

Библиографический список

1. Комарова Г. А. Этнография детства: междисциплинарные исследования. – М. : ИЭА РАН, 2014.
2. Листова Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX вв. – М. : Наука, 2001. – С. 575–660.
3. Лоскутова Д. Н. Лексика народной медицины в говорах Тамбовской области: дисс. канд. филол. наук. – Тамбов, 2010.
4. Поповичева И. В. Социализирующая функция крестьянских обрядов родильно-крестильного цикла (на материале тамбовских традиций) // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. – 2014. Вып. 8 (136). – С. 82–91.
5. Русские дети: Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия / Баранов Д. А., Баранова О. Г., Зимина Т. А. и др. – СПб. : Искусство, 2006.

СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ ЛЮБИТЕЛЬСКИМ ОБЪЕДИНЕНИЕМ ГИТАРНОГО МУЗИЦИРОВАНИЯ XIX ВЕКА

Е. В. Толочкова

*Кандидат педагогических наук,
ассистент,
Институт искусств, Саратовский
государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия*

Summary. The article considers the activities of one of the largest communities of amateur music-making on the guitar in the XIX century – the International Union of guitarists. Based on this analysis the author examines the governance structure of the union amateurs. The article reveals purpose, types and methods of systematization the activities of these associations and the dynamics of their development.

Keywords: amateur associations; guitar music making; organizational principles; leisure.

Совершенствование системы социально-культурной деятельности, организация досуга и массового художественного воспитания является одним из механизмов стимулирования населения к творческому развитию и самореализации личности. Любительское гитарное музицирование во многих странах мира приобрело массовый характер и занимает ведущие позиции в досуговой сфере.

В ходе исторического развития этого вида деятельности сформировалась разветвленная структура международных объединений, интегрирующих многочисленные сообщества любителей. Организационные принципы современных объединений во многом сохранили традиции, сформировавшиеся еще в XIX веке в процессе становления первых любительских гитарных сообществ.

К концу XIX века в Европе уже функционировали несколько гитарных просветительских объединений: в 1877 году был создан Лейпцигский гитарный клуб под руководством Отто Шика, существовали гитарные клубы в Бранденбурге, Кенигсберге, Теплице и др. Однако одним из самых многочисленных и активно действующих в Европе объединений являлся Интернациональный Союз Гитаристов (ИСГ), созданный на конгрессе гитаристов в Мюнхене в сентябре 1899г.

Цель союза была обозначена как «распространение и культивирование игры на гитаре в обширных кружках» [1, с. 38]. В рекламном «Проспекте», который адресовался будущим членам ИСГ, так описываются направления деятельности Союза:

– концертная и просветительская деятельность, заключающаяся в проведении ежегодных международных конгрессов гитаристов и публичных концертов, а также выставок нот, струн и инструментов;

- активное расширение сети местных Союзов «дабы дать возможность членам совместной игры организовывать музыкальные вечера» [1, с. 39];
- издание журнала «Сообщения Интернационального Союза Гитаристов», в материалах которого содержались отчеты и анонсы мероприятий, рецензии на нотную литературу и инструментарий, и который также служил для информирования и связи членов Союза;
- формирование библиотеки музыкальных и методических сочинений и исследований.

Данные направления деятельности должны были способствовать активизации интереса к гитаре широкой публики, повышению её авторитета среди академических музыкантов.

В начале своего существования Союз включал три отделения, главное из которых находилось в Мюнхене, еще два – в Аугсбурге и в Москве. К концу 1901 г. действовали уже пять местных отделений ИСГ – в Аугсбурге, Берлине, Бремене, Москве и Мюнхене и ожидалось открытие еще в шести городах, в том числе в Лейпциге и Вене.

Члены местного союза получали право самостоятельно вести свои дела, распоряжаться установленными взносами, планировать мероприятия, предоставляя регулярный отчет о своей деятельности в Правление. В Союзе состояли члены из Германии, Австрии, Швейцарии, России, Швеции, Англии, Италии, Франции и др. По составу туда входили преподаватели и исследователи гитары, исполнители, издатели и просто заинтересованные лица – любители гитары. Изначально насчитывая 95 членов всех отделений, к концу 1901 г. список членов Союза включал уже 160 человек.

Для регулирования деятельности сообщества был издан «Устав Интернационального Союза Гитаристов», переведенный С. С. Заяицким в 1901 г. для Московского отделения ИСГ. Кроме целей, задач, порядка членства сообщества, в уставе описана разветвленная управляющая структура Союза и порядок Генерального собрания, как главного органа управления.

Управление Союзом изначально осуществлялось Правлением в составе двух председателей, которое находилось в Аугсбурге, а также Распорядительным и Музыкальным Комитетами. Оба председателя избирались простым большинством голосов на срок в один год, и входили также в Распорядительный и Музыкальный Комитеты. Кроме них Распорядительный Комитет составляли I-й и II-й секретари, письмоводитель, кассир, заседатель.

Музыкальный Комитет состоял из пяти компетентных «музыкально-образованных» членов. В его обязанности входило «заботиться о достоинствах музыкальных произведений» [1, с. 147], а так же составлять программы концертов и «Дней гитаристов», заниматься редакцией музыкального отдела журнала Союза.

Однако уже через год, в сентябре 1900 г., в журнале Союза сообщается о расширении структуры управления ИСГ. «Для привлечения возможно большего числа членов к участию и для облегчения организован-

ных Комитетов» был создан целый ряд дополнительных структур: бюро корреспонденции, приема объявлений, рассылки журнала и музыкальных приложений, регистратуры – для приведения в порядок письменного материала, библиотеки и архива Союза. Также редакционное бюро журнала, финансовое и ревизионное бюро для рассмотрения годового отчета.

Для музыкального Комитета были организованы бюро для собирания нот, для испытания сочинений, несколько редакционных бюро с разными музыкальными и техническими задачами. Кроме того было выделено отделение пропаганды Союза, в составе бюро «для собирания адресов гитаристов», прессы и рекламы. Всего описывается пятнадцать новых структурных звеньев, призванных систематизировать работу Союза и привлечь членов Союза к активному участию.

Современные любительские объединения гитаристов в Европе отказались от столь громоздкой и разветвленной управляющей структуры. Однако ее наличие позволило длительное время вести успешную, систематичную и планомерную деятельность одному из самых крупных объединений любительского гитарного музицирования конца XIX века.

Библиографический список

1. Заяицкий С. С. Интернациональный Союз Гитаристов. М.: 1902.
2. Классическая гитара в России и СССР / сост. М. Яблоков. – Тюмень–Екатеринбург, 1992. – ок. 1300 с.
3. Шарнассе Э. Шестиструнная гитара: От истоков до наших дней. – М. : 1991.

ГЛОБАЛЛАШУВ ШАРОИТИДА ДИНИЙ БАҒРИКЕНГЛИК ОМИЛИ

А. А. Хакимов

С. Каримбаева

Р. Исакова

И. А. Кутпидинова

*Кандидат философских наук, доцент,
кандидат исторических наук, доцент,
кандидат социологических наук, доцент,
старший преподаватель,
Наманганский
инженерно-педагогический институт,
г. Наманган, Узбекистан*

Summary. This paper is about factor of tolerance in condition of globalization. It was considered role and history of development of religion. In modern world it is impossible to consider religiosity apart, without globalization and this will set the problem how to solve it.

Keywords: tolerance; religion; religiosity; globalization; conditions of globalization.

Маълумки, глобаллашув жараён сифатида инсоният тарихий тараққиётининг маълум босқичида юзага келган объектив ходиса, башарият интеллектуал ривожиди маҳсулидир. Шу маънода глобаллашув инсоният жамияти тадрижий генезисидида сифат жиҳатдан янги босқичга

кўтарилганлигини англатади. Жаҳонда рўй бераётган глобаллашув жараёнини илмий фалсафий тадқиқ этиш, республикамиз ижтимоий сиёсий ҳаётига, хусусан, диний муносабатлар ривожига таъсирини аниқлаш, тегишли илмий-амалий хулосалар ишлаб чиқиш бугуннинг долзарб масалаларидан биридир. Глобаллашув жараёни жамият ҳаётининг барча соҳаларига шиддат билан кириб бориб, объектив ва субъектив шарт-шароитлар таъсирида турлича намоён бўлмоқда. Президентимиз И. Каримов таъкидлаганларидек “... шуни объектив тан олиш керак-бугунги кунда ҳар қайси давлатнинг тараққиёти ва равнақи нафақат яқин ва узоқ кўшнилари, балки жаҳон миқёсида бошқа минтақа ва ҳудудлар билан шундай чамбарчас боғланиб бораяптики, бирон мамлакатнинг бу жараёндан четда туриши ижобий натижаларга олиб келмаслигини тушуниш, англаш қийин эмас” [1, с. 111].

Диний глобаллашув жараёнида рўй бераётган ўзгаришлар нафақат дин ёки конфессиянинг конкрет ҳудуд билан боғлиқлиги балки трансмиллий, трансэтник даражаларда ҳам содир бўлмоқда.

Шунинг учун жамият тараққиётида диннинг қандайдир иккиламчи, асосий ўрин тутмайди деган фикрлардан фориғ бўлиб, диний ҳаётда бўлаётган ўзгаришлар динамикасини ҳар томонлама, тизимли таҳлил қилиш муҳим аҳамиятга эга.

Глобаллашув жамият ҳаётининг бошқа соҳаларида бўлгани каби динлар ҳаётида ҳам муҳим тарихий босқични юзага келтирди.

Асрлар давомида ўзаро бир-бирига зид, қарама қарши кайфиятда яшаб келган диний тизимлар олдида сифат жиҳатдан янги шароит, талаблар вужудга келдики, бу бир мақсад йўлида бирлашишни, яъни динлараро, конфессиялараро ҳамкорликни талаб этади. Ўзаро ҳурмат, тенглик, ишонч, ҳамжихатлик, бағрикенгликка асосланган ҳамкорлик ҳар қандай дин ёки конфессиянинг глобаллашув шароитида ўз мавқеини сақлаб қолиш имкониятини вужудга келтиради. Мамлакатимизда амалга оширилаётган кенг кўламли ислоҳотлар жараёнида миллатлар ва диний конфессиялараро ҳамжихатлик, аҳиллик ва бағрикенглик тамоилларининг янада мустаҳкам лашга алоҳида эътибор қаратилмоқда. Айниқса, ёшларни баркамол инсон бўлиб етиштишларида диний бағрикенгликни ўрни ва аҳамияти беқиёсдир. Зеро, диний бағрикенглик асосида юксак ахлоқ ва инсонпарвар ғоялар ётади. Диний бағрикенглик деганда жамиятдаги хилма хил диний эътиқодга эга бўлган кишиларнинг бир заминда, бир ватанда буюк ғоя ва ниятлар йўлида ҳамжихат, ҳамкор бўлиб яшаши, фаолияти тушунилади.

Бугунги мураккаб глобаллашув шароитида айниқса ёшлар динлар тарихини, уларнинг асл моҳиятини билиши, диний бағрикенглик тамоилларини қарор топтиришнинг устуворлигигина, уларни турли ғаразли мақсадларни кўзлаб юрган кучлардан асрайди ва ўз йулидан чалғита олмайди.

Диннинг мафкуравий тарбиядаги ролини ошириш кўпгина омилларга боғлиқ. Уларни аниқлаш ва оқилона фойдаланиш, бизнингча, диннинг ижтимоий функциялари ва мураббийлик ролини янада ошириши мумкин. Бу айни вақтда динни унга ёт ва душман ғоялар тажовузидан химоя қилиши, одамларнинг диний маданиятининг шаклланишига таъсир этиши шубҳасиздир.

Машхур рус ёзувчиси Л. Н. Толстой шундай деб ёзган эди: “Инсониятнинг бутун тараққиёти битта чин динни тобора билиб боришдан иборатдир. Ҳақиқатни севадиган ҳар бир одам диндан аллақандай фарқлар ёки хатолар эмас, аксинча, улардан уйғунлик ва фазилат излаши лозим. Мен барча динларга, шу жумладан, ўзимга яхши таниш бўлган Ислом динига муносабатда ҳам шундай қиламан...” [3].

Толстой таърифлаган чин дин чин эътиқодга таянади. Чин диний эътиқод шахсни ақлий ва ҳиссий ҳаракатга келтиради, фаолиятини тартибга солади, шу асосда ижтимоий ҳаётдаги қатор дунёвий функцияларни бажаришни таъминлайди. Мамлакатимизда ислом дини қарор топганига қадар зардуштийлик, буддавийлик, монийлик, маздакийлик, насронийлик каби динлар ҳам ўша даврда барчасининг синтези натижасида бетакрор маданият вужудга келган.

Диний қарашлар шахснинг фалсафий, ахлоқий, сиёсий, ҳуқуқий, иқтисодий, илмий-табиий, экологик, эстетик қарашлари билан уйғунлик ва боғланишдагина маънавий-руҳий куч касб этади.

Айниқса, жамиятимиз маънавий-маърифий ҳаётида ислом динининг тутган ўрни беқиёс ҳисобланади. Президентимиз И.Каримов таъкидлаганидек, “Бугунги кунда ислом динига нисбатан бутун дунёда қизиқиш ва интилиш кучайиб, унинг хайрихоҳ ва тарафдорлари кўпайиб бораётгани ҳеч кимга сир эмас. Бунинг асосий сабаби муқаддас динимизнинг ҳаққонийлиги ва поклиги, инсонпарварлиги ва бағрикенглиги, одамзотни доимо эзгуликка чорлаши, ҳаёт синовларида ўзини оқлаган қадрият ва анъаналарни аждодлардан авлодларга етказишдаги беқиёс ўрни ва аҳамияти билан боғлиқдир” [1, с. 36].

Ислом дини мамлакатимизда истиқлол мафкураси ғояларини тарғиб қилиш, ёшларни тарбиялаш ва фуқароларнинг диний маданиятини шакллантиришнинг муҳим омили бўлмоқда. Чунки “Ислом инсонларни Оллоҳга боғлаш билан чегараланмайди, балки улар ўртасидаги муносабатларни қарор топтиради ва бошқаради.

У доимо мавжуд оламни тушунтирган ва тушунтиради, уни баҳолайди ва кишилар ўртасидаги сохта муносабатларни эмас, балки реал муносабатларни тартибга солади.

Ислом бу нодиний муносабатларни диний талқин қилмаганда кишилик жамиятида ўзининг функцияларини, энг аввалло компенсаторлик (яъни таскин бериш) функциясини бажара олмаган, ўзининг инсонлар учун жозибаторлигини йўқотган бўларди ва яшовчан бўла олмасди” [2, с. 56].

Ислом дини бугунги кунда ҳам бошқа динлар каби нафақат диний ва шу билан бирга кўплаб дунёвий вазифаларни бажармоқда. Демак, миллий ғоя, мафкурамизнинг ислом дини билан мутаносиб ривожланиши қонуний бир ҳол, бироқ унинг ўз функцияларини самарали бажаришини ташкил этиш алоҳида аҳамиятга эгадир.

Бунинг учун мафкурамиз фидойилари диннинг дунёқарашлик (олам, табиат, жамият, инсон, инсонийлик ҳақидаги таълимотлар), компенсаторлик (тасалли), таскин берувчи таълимотлар, регулятив (ахлоқий, маънавий фаолиятларни белгиловчи ақидалар), коммуникатив (диндошлар ўртасидаги ижтимоий муносабатларни ташкиллаштиришга оид қонун-қоидалар), интегратив (диндорларнинг бирлиги ва манфаатлари уйғунлигини ифодоловчи таълимотлар) ниҳоят, таълим-тарбиявийлик функцияларини чуқур билиш ва тадқиқ қилиш талаб этилади.

Таъкидлаш жоизки, глобаллашув инсоният тамаддуни маҳсули сифатида ноёб феномендир. Бу ўз навбатида жамиятимиз ҳаётини барча жабхаларини қайта кўриб чиқишни, тадқиқ қилишни талаб этмоқда:

– диний глобаллашувининг моҳияти, ўзига хос жихатларини илмий-фалсафий таҳлил этиш орқали жамиятимиз олдида турган диний ҳаёт билан боғлиқ муаммоларни бартараф этиш зарур;

– ҳозирги глобаллашув даврида динларнинг бир бири билан ҳамкорлиги объектив зарурият экан. Жамият ҳаётининг барқарорлиги ана шу ҳамкорликни самарали бўлишига боғлиқдир;

– ҳозирги глобаллашув шароитида ислом динининг бағрикенглик ғояси динлараро ва маданиятлараро яқинликни таъминлайдиган асосий омил бўлиб хизмат қилиши зарур.

Библиографический список

1. Каримов И. А. Юксак маънавият-енгилмас куч. – Т. : Маънавият, 2008.
2. Саидбоева Т. С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. – М. : Изд-во «Наука», 1978.
3. Толстой Л. Н., Йўлчибоева Р. М. 1908 йил 10 июнь–“Ислом нури” газетаси, 1991 йил 19–20 сон.

ТРАДИЦИЯ КАК ФАКТОР НОРМАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ

А. А. Хакимов
И. А. Кутпиддинова
Х. Мухиддинова
Н. Абдуллажанова

*Кандидат философских наук, доцент,
старший преподаватель,
старший преподаватель,
преподаватель
Наманганский инженерно-
педагогический институт,
г. Наманган, Узбекистан*

Summary. This paper is about function of tradition. It is considered tradition as normative administration of society. Universality and perceptivity of tradition gives opportunity using it as factor of creation of society.

Keywords: tradition; social life; factor; society; universal; state; globalization.

В условиях совершенствования демократизации общественной жизни в странах Центральной Азии актуально стало формирование социальной базы нормативности государственной жизни. Дело в том, что становление и развитие политической системы любого общества требует воспринимать политические нормы общества, в первую очередь, не как объективную культуру управления, а как более или менее устойчивую форму нормативного опыта общественной жизни. В современных условиях модернизации страны возникает проблема обновления общественной жизни, так как культурный опыт не бывает только современным. В связи с этим культурно-политическому опыту нормативности дает определенный смысл традиции.

Универсальность и многообразие традиции свидетельствуют о ее ограниченной влеченности во все сферы общественной жизни. В связи с этим традиция выступает в общественной жизни как определенная конкретно-историческая норма культуры. Традиция в жизни народов носит общеисторический характер и глубоко связано с предыдущей историей народа. Отсюда она отражает качественные характеристики определенного этапа развития гражданского общества. Как известно, традиция на каждом этапе исторического процесса имеет конкретность, так как она имеет нормативный потенциал, культурную ориентацию общества.

С древнейших времен становление человеческой общности сопровождалось образованием традиций осознание человеком самого себя связано с традициями общества. Традиции в условиях социально-политического прогресса общественной жизни выступали как важнейшие компоненты утверждения социальной ориентации нормативного управления обществом, т. е. они стали орудием укрепления отношений гражданского образования, общественного уклада жизни. В феодальном обществе

в духе ислама общество преднамеренно использует традиции для социальной регуляции и интеграции всех слоёв населения.

Феодалное общество с идеологией ислама формировало большие и малые социальные общности мусульман. Таким образом, общеприняты традиции сплочения рядов мусульманского общества в духе норм шариата. Анализ показал, что социальное единство и сотрудничество общественных слоев и групп находятся в непосредственной зависимости от эффективности воздействия на эти социальные ячейки общества действующих традиций. Особое значение имеют традиции в социальной жизни махали (жилого квартала – А. Х.) и семьи, т. к. жители связаны с религиозно-национальными традициями. Испокон веков старожилы контролировали соблюдение традиций, что придавало устойчивость социальным процессам.

Известный русский философ А. Перциц, обращая внимание на преемственность традиции, утверждает, что это «процесс внебиологической передачи от поколения к поколению устоявшихся образцов поведения, равно как и сами эти образцы поведения» [6, с. 462]. Развитие традиции осуществляется в определенной культурной среде человеческого бытия, выражая интересы социально-политической общности людей или поколения. Традиция носит характер объективной направленности общественной жизни. История народов Востока ярко отражает сложные процессы становления и развития нормативной стабильности на каждом этапе истории. В связи с этим мы солидарны с В.С.Барулиным, который обращает внимание на родовую сущность как на «... суть продукта всего множества общественных отношений человека, она исторична, ибо развивается и углубляется на каждом этапе истории» [2, с. 408].

Обычно традиции представляли социально-психологическое состояние общества, уровень отношения социального сознания к бытию. Таким образом, традиция является одним из элементов общественного познания и механизма организации гражданского общества. Следует отметить также коллективный характер традиций, т. е. коллектив вырабатывает свою традицию исходя из социально экономического и политического уклада материально-духовной жизни. Вот почему в традициях рождается ряд социально-психологических отношений: сопереживание и ожидание, взаимная близость и сотрудничество для достижения общего блага. Подобные духовные качества, нормы поведения и установки составляют общую структуру социальных интересов всех систем и уровней общественной жизни. Нормативное управление общественной жизнью выражает всю совокупность социальных норм поведения, которая предполагает допускаемые ценности и принципы поведения. Система норм политической жизни общества на современном этапе развития переживает период становления и развития, что соответствует характеру общества. Нормы и традиции общества являются интегрирующей силой политической системы, действие которой обеспечивает стабильность общественного процесса. Изучение норм

и традиций народов Центральной Азии позволяет нам выявить определенные параметры, т. е. приоритетные направления развития нормативного управления общественной жизнью и политической системы стран евразийского общества.

Как мы предполагаем в условиях демократизации общественной жизни и модернизации страны происходит сложный процесс обновления традиционных норм поведения, из-за чего возникло столкновение традиций и новации в рамках нормативного управления обществом. Общепринята нормативная регуляция, при которой учтены национальные интересы страны, приоритетные направления развития республики. Достижения общенародного социального блага зависят в конечном счёте от действенного функционирования нормативного управления обществом.

Особенность политического управления Республики Узбекистан как страны Центральной Азии характеризуется регулятивными правовыми нормативами которые не имели особого значения по сравнению со странами европейского общества с их правовыми ценностями и культурой. Традиции и обычаи, освящённые исламом, имели устойчивую нормативную систему, которая проникала во все сферы общественной и личной жизни мусульман.

Обновление нормативной системы в духе демократизации предполагает избавление от советских нормативных традиций. Однако на смену тоталитарно-командному управлению обществом приходят новые условия функционирования общества. Особенностью формирования гражданского общества и правового государства является стабильное развитие норм и традиций, верховенство интересов человека.

В новых условиях глобализации, когда социально-экономические, культурно-политические процессы характеризуются повышенной динамичностью, осложнено воспитательное воздействие на сознание личности. В связи с этим традиции могут быть полезными для активизации молодёжи для созидательной жизни.

Таким образом, социально-культурные традиции как нормативы управления, применимы как на верхних, так и на нижних уровнях управления социальными процессами, являются одним из главных компонентов социально-политической жизни общества и области общественной регуляции культурных отношений.

Библиографический список

1. Першиц И. А. Традиции // Народы России : энциклопедия. – М., 1994.
2. Барулин В. С. Социальная философия : учебник. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 1999.

ПРООБРАЗЫ ЭПОХИ БАРОККО В СИМФОНИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ А. Ю. МДИВАНИ

П. С. Шведов

Аспирант,
Белорусская государственная
академия музыки, г. Минск, Беларусь

Summary. This article observes Third symphony «In Baroque style» by a modern Belarusian composer A. Mdivani by means of typological analysis. Baroque basic models, such as conflict and search of salvation, are traced in the symphony. The pictures of old baroque stage are transformed in a modernistic way and the whole neo-baroque style is expressed by timbre-textural organization.

Keywords: Baroque; orchestral timbre; symphonic texture; intonational fabula.

Симфоническое творчество А. Ю. Мдивани вбирает в себя три основных вектора – белорусская история, классическая литература и внутренний мир эмоций и размышлений автора. Темы, к которым обращается композитор на протяжении своей жизни, разнообразны: история славянских земель, деятельность белорусских просветителей Евфросинии Полоцкой и Симеона Полоцкого, барокко в Беларуси, поэзия Данте, Овидия, философская проза О. де Бальзака и др. [1]. Все идеи находят непосредственное воплощение в ярких живых образах-персонажах, пронизывающих симфонию.

Для А. Мдивани обращение к барочной тематике обусловлено психологией творческого процесса. Музыкальные произведения прошлого вдохновляли его прежде всего как идеалы, несущие в себе ценности вечного, понятие прекрасного, чувства возвышенные и тонкие, что безусловно имеет преломление в темброфактурной организации всей композиции. Не случайно некоторые симфонии имеют такие знаковые названия, как «Полоцкие письма», «Шагрень», «Рафаэль», «В стиле барокко». Привлечение образцов прошлого в настоящее, переосмысление барочной техники письма, инструментовки и тематизма раскрывают мысль о связях эпох, значимых универсальных идеях, вневременных человеческих ценностях.

Третья симфония «В стиле барокко» А. Мдивани – явление, обусловленное контекстом своего времени, что видно из обращения А. Мдивани к небарочной тематике. Эта симфония создана композитором, глубоко чувствующим музыку, понимающим ее как собственно музыку, «искусство времени» (по А. Лосеву) или как явление драматургического (событийного) плана.

Особо следует подчеркнуть жанровую основу материала симфонии, которую составляют старинные танцы эпохи возрождения: гальярда, павана, менуэт, а также жанр *perpetuum mobile* («вечное движение»). Через ряд

танцев раскрывается динамика взаимодействия персонажей и выстраивается драматургия всей симфонии.

Темброфактурная организация музыки наиболее ярко воплощает небарочное видение композитора, связывая звучание традиционного барочного инструментального ансамбля с оригинальным взглядом на современный симфонический оркестр [2].

Характерной чертой эпохи барокко является эстетика конфликта, дихотомии (в противопоставление ренессансному стремлению к гармонии и единству). Следуя этому прообразу мышления эпохи барокко, композитор показывает «Диалог» (именно так называется первая часть симфонии) героев через встречу и конфликт, что запечатлено в сопоставлении и столкновении двух оркестровых планов – просветленного (ажурного) и нарочито сгущенного, мужественного.

«Дуэт» во второй части несет в себе согласие и примирение образов кавалера и дамы, что передано величественной умиротворенностью, неторопливостью и созерцательностью однопланового музыкального изложения. При этом необычное для традиционной инструментовки сочетание дуэта тромбонов и педали гобоев, противопоставление им струнной группы придает звучанию оркестра особую изысканность и уравновешенность.

В данном контексте автор-композитор выступает в роли творца – создателя своих героев, а с другой стороны – является лишь созерцателем событий. Кажущееся противоречие позиции композитора объясняется барочным прообразом «спящего Бога» – не Спасителя, а лишь свидетеля событий, – который влияет на позиционирование личности композитора по отношению к событиям симфонии.

Интонационная фабула произведения, разворачивающаяся в сквозном движении на протяжении всех пяти частей цикла («Диалог», «Дуэт», «Вечное движение», «Соло» («Ария»), «037»), воплощает идеи автора о взаимоотношениях людей, одиночества, смерти, памяти через ряд барочных эмблем, выраженных нотным текстом, а также авторскими комментариями.

Таким образом, Третья симфония «В стиле барокко» А. Мдивани может служить ярким примером переосмысления и отражения в современной музыке эстетических и музыкально-мыслительных идеалов барокко, типологический анализ которых позволяет не только глубже понять музыку композитора, но и выйти на более высокий уровень теоретических обобщений относительно актуализации прообразов прошлых эпох в современной музыке белорусских композиторов.

Библиографический список

1. Аладова Р. Н. Симфоническое творчество А. Мдивани. Стилевой портрет композитора. – Минск, 1975. – 50 с.
2. Скребкова-Филатова М. С. Фактура в музыке. Художественные возможности. Структура. Функции. – Москва : Музыка, 1985. – 285 с.

РАННЕЕ МНОГОГОЛОСИЕ КАК ПРЕДМЕТ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Н. В. Шиманский

*Кандидат искусствоведения, доцент,
Белорусская государственная
академия музыки, г. Минск, Беларусь*

Summary. In this article, a general outline of theoretical studies in the field of early polyphony has been provided. Most valuable ideas and theories are mentioned, including those by Western European, Russian, and Belarusian musicologists. Acute problems as well as teaching-applied aspects of the subject are discussed.

Keywords: early polyphony; modern musicology; plainchant; E-library of early polyphony.

В академической науке на современном этапе существует настоятельная потребность обратиться к вопросам генезиса многоголосия при рассмотрении тех или иных явлений, возникающих в мировой музыкальной культуре. При этом одинаково важно исследование не только настоящего, но и прошлого: факты истории во многих случаях позволяют осмыслить современное состояние культуры и понять его движущие силы.

Раннее многоголосие является важнейшей областью современного музыкознания, связанной с представлением об общих законах и закономерностях возникновения, развития и преобразования различных многоголосных систем. Многочисленные факты и памятники, свидетельства и документальные источники говорят о том, что прообразы (мыслительные представления) раннего многоголосия не исчезают со временем, не вычеркиваются из нашей памяти, а продолжают существовать в скрытой или явной форме, периодически обнаруживаясь во всплесках архаических, подчас рудиментарных явлений на фоне новейших музыкально-технологических средств.

Теоретические исследования позволяют развить существующие в музыкознании гипотезы о происхождении многоголосия. На основе анализа литературы зарубежных и отечественных авторов, можно утверждать, что к настоящему времени сформировалось несколько подходов к многоголосию: музыкально-археологический, музыкально-психологический, психофизиологический, формально-логический, музыкально-исторический, историко-теоретический и др. [1, с. 10–13].

Во второй половине XX в. тематика исследований раннего многоголосия в западноевропейской науке концентрируется вокруг одного из основных понятий средневекового литургического многоголосия – органум. С этим важнейшим термином, употребление которого в греческом варианте восходит ко временам Климента Александрийского, а в латинском варианте – Августина Блаженного, «связываются представления об аскетиче-

ском пении как критерии литургического в многоголосии» (К. Леви, М. Лютолс, Ф. Реков) [1, с. 14].

Наряду с исследованием вопросов возникновения органа, основным объектом работ западных авторов становится его литургический смысл и периоды функционирования в качестве основы многоголосной системы или ее периферии (В. Арльт, А. Геринг, К.-Ю. Закс, С. Циглер и А. Трауб). Одновременно устанавливаются различные формы средневекового органа, в том числе самые ранние (А. Гольдшнайдер, Р. Флотцингер), «загадочные» (С. Фуллер, Г. Эггебрехт и др.), невматической и нотной традиции (Л. Трейтлер, Б. Гиллингэм), некомпозиционные и композиционные (Т. Гельнер, Э. Сандерс и др.) и комбинаторно-игровые (Ф. Реков, К. Шмидт) [1, с. 15].

Русская мысль на протяжении XX века, пожалуй, не столь активно, как западная, была занята проблемами типологии многоголосия, особенно в той части, которая затрагивала ранние формы мышления. Такая ситуация, возможно, – следствие революционных перемен и связанного с ними искусства социалистического реализма, избегавшего, по крайней мере, на словах, всякого примитива и архаики. Кроме того, долгое время музыкознание было несвободно: его развитие определялось атеистическими идеями, что исключало невозможность серьезного исследования литургической музыки.

Вторая половина XX века отмечена серией работ, принадлежащих в основном ученым Московской и Ленинградской школ. Благодаря их усилиям, историческая наука настойчиво шла к постижению глубочайших тайн полифонического искусства, идеалом коего остаются на все времена стили Перотина, Машо, нидерландцев и Палестрины. Особое значение для современного уровня знаний имеют попытки установить цикличность исторического развития (С. Скребков, К. Южак), проследить эволюцию мелодических и гармонических явлений на примере историко-культурной традиции (В. Протопопов, Ю. Евдокимова, Г. Пелецис, Т. Дубравская, Н. Симакова), описать и проанализировать систему древних распевов, уделяя внимание разработке системы специальных понятий (Т. Ливанова, Ю. Москва, В. Федотов, С. Галицкая), рассмотреть исторические периоды, связанные с устными формами интонирования [1, с. 16–30].

В белорусском музыкознании комплекс указанных проблем был обозначен уже в работах 70-х годов прошлого столетия (Л. Мухаринская, Г. Цитович, Г. Ширма), однако данные исследования проводились только на материале народно-песенного искусства, в то время как работ, описывающих профессиональную сферу искусства, не было. В отечественном музыкознании по-прежнему сохраняется необходимость укрепления исторической линии в изучении полифонии, причем ряд новейших работ (А. Пескин, Г. Осипова) свидетельствует о том, что традиционный взгляд

на предмет, сформированный в условиях академизации науки, нас больше не может устроить.

В последних крупных исследованиях авторы предлагают новое, расширительное понимание полифонии, связанное с многоголосием как таковым, а также указывают основополагающее значение разработки единого терминологического аппарата [2].

Результаты исследования раннего многоголосия находят теоретическое и практическое применение в рамках академического курса полифонии, состоящего из трех крупных разделов: «Многоголосие в музыке западноевропейской традиции», «Многоголосие в музыке восточноевропейской традиции», «Полифония XX – начала XXI вв.» и являются стимулом для выделения проблемы «Раннее многоголосие» в специальный курс учебного плана по специальности «Музыковедение».

По материалам исследования, впервые в белорусском музыковедении, автором была разработана «Электронная библиотека раннего многоголосия», представляющая собой собрание иллюстрационных материалов из рукописей и трактатов, транскрипций литургической музыки Средневековья, методических разработок (конспектов, глоссария, видео-лекций, тестовых заданий и др.), необходимых для качественного преподавания музыкально-теоретических и специальных дисциплин в соответствии с требованиями современной высшей школы.

Библиографический список

1. Шиманский Н. В. Типология многоголосия в литургической музыке западноевропейской традиции : феномен архаического вокально-ансамблевого интонирования. – Минск : БГАМ, 2006. – 270 с.
2. Южак К. О природе и специфике полифонического мышления // Полифония : сб. ст. / сост. К. Южак. – М., 1975. – С. 6–62.

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА (40–50 – е гг. XIX века).

А. А. Щевьёв

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Рязанский государственный
радиотехнический университет,
г. Рязань, Россия*

Summary. The article is devoted to the work of historians in the framework of the Russian geographical society in 40–50 years of the 19th century. The paper shows the importance of the work of the Society for the development of historical science in our country. The main directions of research: Ethnography, Historiography, Ethnology.

Keywords: ethnography; ethnology; history; historiography.

Образовавшись в XIX веке, Русское географическое общество сыграло важнейшую роль в исследовании территории и истории не только нашей страны, но и соседних государств. Всегда находясь под эгидой правительства, оно способствовало, в том числе и материальными средствами, организации множества исследовательских экспедиций. Но не многие задумывались над тем, что общество было напрямую связано с исторической географией, этнологией, этнографией, источниковедением. Кроме того, географическое общество включало в себя замечательную плеяду русских историков, которые с его помощью провели целый ряд важных исторических исследований, оказавших влияние на историческую науку.

Русское императорское географическое общество было учреждено 6 августа 1845 г. по инициативе адмирала Ф. П. Литке. Управлялось советом, члены которого избирались на четыре года, имело председателя (в рассматриваемый период это великий князь), вице-председателя и помощника председателя. По своей структуре Общество распадалось на четыре отделения: физической географии, математической географии, статистическое и этнографическое.

Главным полем деятельности Русского географического общества являлась Российская Империя и сопредельные с ней области азиатского материка. Независимо от работ своих отделов, снаряжавших самостоятельно экспедиции в пределах своих областей, Общество не оставляло без внимания и центральную часть Империи; но здесь труды его главным образом имели этнографический и статистический характер, что значительно не столько для географов сколько для историков.

Стараниями Общества были выработаны программы исследований и собраны данные, которые послужили материалом для составления подробной этнографической карты России. Особое внимание обращалось на собрание и изучение материалов по русскому народному творчеству, для чего были организованы особые экспедиции, посетившие северные части Ев-

ропейской России. Не менее богата была и статистическая деятельность общества. Из предприятий этого рода, наверное, самое значимое это исследования внутренней торговли России, украинских ярмарок, экспедиция для исследования хлебной торговли и производства России, исследование определенных губерний в статистическом и этнографическом отношении. Труды общества по исторической географии выразились в разработке и издании Писцовых книг, в разработке спектра вопросов таком интереснейшем источнике как «Книга Большого Чертежа» и других древних источников русской географии и картографии.

В географическом обществе состояли следующие представители исторической науки: Н. В. Калачов, И. Д. Беляев, Е. Е. Замысловский, А. П. Щапов, К. Д. Кавелин, Н. И. Костомаров, П. П. Семенов, К. А. Неволлин, В. И. Ламанский и др. Конечно, их работа в обществе не носила постоянного характера, да и специфика учреждения позволяла заниматься (в его рамках) по большей части этнографической работой, разработкой и изданием древних источников русской географии и картографии. Однако и на этом поприще историки смогли себя достойно проявить. Как уже говорилось, в Географическом обществе выделялось отделение этнографии. Оно занималось не только антропологией в узком смысле этого слова, но и изучением бытовых сторон жизни русского народа, его истории [1, с. 16]. В начале деятельности, во главе отделения этнографии стоял К. М. Бэр, который обращал особое внимание на естественноисторический характер изучения материала. По его инициативе в 1846 г. была организована экспедиция академика А. М. Шегрена для изучения финских племен. Новый управляющий отделением этнографии Н. И. Надеждин обратил свой взгляд на изучение русского народа. В этом изучении выделялось несколько аспектов, одними из которых были: домашний быт, в котором «всего вернее сохраняется древнее наследие» и «народные предания и памятники, эту живую, беспристрастную историю» [1, с. 39]. Кроме того, отделение этнографии подняло вопрос об установлении русской географической терминологии [1, с. 39]. Для этого была создана комиссия из членов отделения этнографии и статистики (Н. И. Надеждин, М. Н. Богданович, В. В. Григорьев, Д. А. и Н. А. Милютины, В. С. Порошин, П. С. Савельев, Г. О. Стефан). Отделение обращало внимание и на этнолого-археологические исследования. В этом ключе граф А. С. Уваров совершил экспедицию по южной России от Дуная до Анапы. Академик П. И. Кеппен занимался составлением этнографической карты, которая была представлена в Географическое общество в декабре 1851 г. Было положено начало Этнографического Музея, будущего Русского Этнографического Музея Академии Наук.

Позже (в 1890 г.) Географическое общество начнет издавать специальный журнал «Живая Старина», который «сделается стягом для этнографических материалов» собранных не только в пределах Российской империи, но и в других славянских землях. Обилие этнографических материалов

позволило издавать «Этнографический сборник» под редакцией Н. И. Надеждина, затем К. Д. Кавелина. Первый том вышел в 1853 году. В нем, в том числе, печатались рукописи. Однако «принимая в соображение, что в древней русской письменности, кроме летописей, существует два чрезвычайно важные источника историко-географических сведений» – это обширный цикл писцовых материалов и «Книга Большого Чертежа» [1, с. 113]. «Важность писцовых книг для познания древней, а, следовательно, и нынешней России давно образовала между людьми, которые имели случай обращаться с ними, убеждение в необходимости издания их в печати, чтобы каждый мог пользоваться ими в своих ученых изысканиях» [1, с. 113–114].

К. А. Неволин еще в 1847 году начал работу над статьей «О важности писцовых книг для древней географии России». В 1851 году Неволин закончил «карту древних новгородских пятин» (на базе писцовых материалов). Его исследование «О пятинах» обратило внимание и сориентировало деятельность многих членов общества для разработки других писцовых книг и вообще на старинные и древние памятники письменности. В «Вестнике Географического общества» появляется специальный раздел «Историческая география». Академик М. А. Коркунов разрабатывал географию Псковского княжества. Писцовыми книгами занимались также В. А. Милютин и П. И. Иванов.

Другой важный источник «Книга Большого Чертежа» была также предметом особенных забот отделения этнографии и в отношении ее издания в новом виде, и в отношении разъяснения элементов послуживших для ее составления.

С конца 1848 г. Н. И. Надеждин был «председательствующим» в отделении этнографии Географического общества, в изданиях которого он принимал деятельное участие, как редактор «Географических Известий» и «Этнографического Сборника» (1853 г.). В статье «Об этнографическом изучении русского народа» («Записки Русского Географического Общества», 1847 г.) Н. И. Надеждин рассматривает этнографию как науку, ее разветвления по разным сторонам народной жизни (изучение народности со стороны историко-географической, со стороны народной психологии, археологии, быта). Он издал несколько образцовых трудов по исторической географии и составил этнографическую программу.

Под редакцией Е. Е. Замысловского был составлен считающийся лучшим в свое время учебный атлас по русской истории, выдержавший несколько изданий, к изданию 1887 года приложена отдельная книга с обширными пояснениями.

Огромную работу, находясь в Географическом обществе, провел Н. И. Костомаров. Итогом его этнографической деятельности явилась монография «Историческое значение южнорусского народного песенного творчества». Для дальнейшего развития как исторической, так и этнографической науки имело большое значение высказывание Н. И. Костомарова

на заседании Географического общества: «Историк должен быть этнографом уже потому, что он историк, и наоборот – этнограф делается в некотором смысле историком, насколько он этнограф».

Как видим, деятельность Русского географического общества затрагивала самые разнообразные стороны многих наук, в том числе и исторической. Были введены в научный оборот многие ранее неизвестные или малоизученные источники, созданы историко-географические карты, стимулировалось и поощрялось изучение этнографии, в особенности русского народа. Нельзя не отметить огромную важность Русского географического общества как организующей структуры. Географическое общество сумело правильно определить огромную важность писцовых материалов не только для исторической, но и для географической науки. В рамках общества многие историки смогли рассмотреть образование местных органов управления и с историко-географической точки зрения (Щапов); о четырех частях («пятинах») Новгорода (Неволин) и т. д. Русское географическое общество в своей периодической печати опубликовывало как работы известных историков, так и труды «молодых» ученых, позволяя тем самым все-сторонне рассматривать любые темы.

Библиографический список

1. Семенов Тян-Шанский П. П. История полувековой деятельности Императорско-горусского географического общества 1845–1895. Часть I. – С.-Петербург, 1896.

III. REFLECTION OF DIFFERENT ART FORMS IN MODERN CULTURE

ЎЗБЕКИСТОН ХАЛҚ АРТИСТИ БАХОДИР ЙЎЛДОШЕВНИНГ САҲНАДАГИ ҲАЁТ ТАРЗИ

Р. Қодиров

*Доцент,
Ўзбекистон давлат санъат ва маданият
институтини, Тошкент, Ўзбекистон*

Summary. In this article you can get acquainted with the process of repetitions of theatrical scenes with the famous Uzbek actor and editor Bakhodir Yuldashev.

Keywords: lifestyle; rational lifestyle; irrational lifestyle; eternal life; vein; self singing; apex art; apologue in the tent.

Алишер Навоий асарлари луғатида [2, 655-б] ХИРГОХВАШ – чодирга ўхшаш, ХИРАДМАНД – ақлли доно, ХИРГАХНИШИН – чодирда ўтирувчи, ХИРАДЛИФ – ақлли, ХИРАДНИҲОД – ақлли, хушёр, зехли, ХИРГАҲИЙ – паст овоз билан айтилган ашула овоз, ХИРАДПЕША – ўйлаб иш қилувчи доно, ХИРАДПАЙВАНД – ақлли саналган деб ёзилган сўзларини маънолари билан ўқиб ҳазрат Навоийнинг сиймоси, яшаган ҳаёт тарзи кўз олдимда гавдаланади...

Ўзбекистон халқ артисти Баходир Йўлдошев 1946 йил 7 сентябрь Самарқанддаги Каттакўрғон туманида туғилган. Нафақат Ўзбекистон, Ўрта Осиё ва жаҳон театр аҳлига маълум ва машхур ўзбек режиссёрларидан бири. Баходир Турсунович бадий раҳбарлик қилаётган “Дийдор” театр студияси биносига кирсангиз чап тарафдаги у ўтирган хона гўё ХИРГОХВАШга ўхшайди. Унинг ўзи эса хиргоҳвашдаги ХИРОДМАНД – ХИРГАҲНИШИНдир. У кўзойнак тақмайди аммо, уни ҳамиша мутолаа билан банд ҳолда учратасиз. Чунки бу режиссёрнинг ҳар кунги репетицияси мутолаадан бошланади. У аввал янги газеталарни варақлаб, ватанимиз ва хорижда рўй бераётган воқеа ва ходисалар, янгиликлар билан танишади. Журналларни алоҳида меҳр билан ўқиб улардан ХИРАДЛИФ ва ҳайратланарлик фикрлар ахтаради. Ўзимизнинг ёки хорижнинг драматург, ёзувчи, шоирлари бўлмасин, уларнинг янги асарларини ХИРАДНИҲОДлик билан кўздан кечиради. Улардан янги дард, ишқ мажоролари ахтаради. Майли у кичкина бўлса ҳам, арзимасдек туюлса ҳам топилса бас. Топдими? Уни қалб сандиғига, хотира китобига жойлаштиради. Шу йўл билан у ўз ижодини бойитади. Режиссёр ўзини янги фикр, янги дард, янги ишқ билан бойитиши бу унинг ҳар кунги,

репетицияси – яъни хаёт тарзидир. Баходир Йўлдошев танлаган хаёт тарзи – репетициялардир.

Фақатгина репетиция мўжиза яратади – деб эътиқод билан таъкидлайди у. Репетицияларга бўлган муносабатлар актёрларни, театр санъатига алоқадор инсонларнинг ўзлари танлаган хаёт тарзларини шакллантиради. Репетицияга бўлган мухаббат эса театр санъатидаги хаётингизни ёқимли ва умрибоқий хаётга алантириши мумкин.

Баходир Турсунович репетицияларни – ХИРГАХИЙ тарзда олиб боради. У гапирганда ўта хотиржам, мулоҳазакор сўзлаб, гўё бирор мумтоз кўшиқни хиргойи қиляпти дейсиз. Уни эшитиш, тушуниш осон туюлади. Унинг фикрлари ҳеч қандай қаршиликларсиз онгингизга кириб боради, чарчатмайди, чарчамайсиз ҳам. Хатто бу суҳбатларига тўймай ҳам қоласиз. Шу одам гапиришдан тўхтамасачи яна гапириб яна хайратга солаверсачи деб ўйлайсиз. У репетицияларни сизни ўзига ҳамфикр, ҳамдард қилиб олиш учун ўтказди. Шунинг учун у доим рост гапиради. Бу сўзларга энг аввало унинг ўзи чиндан ишониши кўзларидан билиниб туради.

Биз репетицияларни такрорлаш, мустаҳкамлаб олиш, қайтариш, билиб олиш текшириб олиш в.к. каби тушунчаларни мавжудлигини биламиз. Аммо Баходир Турсунович репетициялар – асл маъносини, бирор сизга номаълум бўлган ишни *“онг билан баданга сингдириб уни онгсиз равишда бажаришга эришиши жараёнидир”* – деб тушунтиради. Репетицияларда аниқ иш билан банд бўлиш лозимлигини таъкидлайди.

Режиссёр ва актёрлар репетицияга худди “оч одамдек чанқоқ”, уни истаб келишлари бу жараёнга бутун ўй-хаёллари билан банд бўлиб, уй, рўзғор, бола-чақа, тўй-ҳашамлар, кўча-куй, борди-келдилар ташвишидан озод бўла олсаларгина бирор ижобий натижага эришиши мумкинлигини айтади.

Баходир Турсуновичнинг “Дийдор” театр студиясида Туроб Тўланинг “Нодирабегим”, Фулом Зафарийнинг “Ҳалима” мусикали драмаси, Алишер Навоийнинг “Ҳайрат ул-Аброр” асари, Навоийхонлик кечаси, Япон драматурги (Коки Митанонинг) “Кулги академияси”, Зулфиянинг “Ёдим синиқлари”, Х. Ниёзийнинг “Майсаранинг иши”, Америка ёзувчиси Нил Файмоннинг “Колефония суитаси”, “97-хона” асарлари устидаги репетицияларини кўришга ва иштирок этишга муяссар бўлганман. Баходир Турсунович кўп ўйлар, кам гапирар, вазифаларни топшириб тез-тез бажаришга ундар, актёрлар лаёқатларига яраша бажарган ишларни тез-тез кўриб, *“йўқ бундай эмас”* -деб ўрнидан турар эди. Баходир Турсунович жуда кам ўрнидан тура, у ўрнидан турдими бутун иштирокчилар ўта жиддий хушёр тортишади. Чунки Баходир ака қайси актёр билан ишлар экан ўша актёрга ўта жиддий ёрдам керак бўлгандагина ўрнидан туради, ўта хотиржам икки қўлини пастга тушириб унинг ёнига борадида *“биласизми”* деб унинг қўлидан баъзан елкасидан ушлаб, фақат унинг ўзи эшитадиган қилиб, у бажара олмаётган ишни яна қайта

тушунтириб ижрочи кўзига анча жим узок вақт қараб туради – да “қани бошладик” деб яна ўша сахнани қайта кўради. Энг муҳими ён атрофдаги бошқа партнёрлар ёки репетицияда ўтирган бошқа иштирокчилар ҳам ўша актёрдан мўжиза кутаётгандек унга бутун диққатларини қаратадилар. Барча баробар кутади. Актёр шу сахнани қайта репетиция қилаётиб аввалгисидан яхшига ўзгарса ҳамма баробар “зўр” деб юборади. Агар бунинг тескариси бўлса “эхҳҳ” деб беихтиёр муносабат билдирадилар. Баходир Турсуновичга айнан мана шу муносабатлар керак. Чунки бир актёр ўз ролини ўзи қандай ишлаётганини ён атрофдаги партнёрларнинг юз кўзидан муносабатларидан сезишга ўрганиши ва бу орқали ўз ролини қандай ижро қилаётганини ўзи баҳолаб ролнинг ўзгаларга ёққан жойларини яхши кўриб қолиши зарур. Актёр ўз ролини яхши кўрдими, энди у хато қилмайди. Сахналаштирилаётган асарнинг умрбоқийлигини айнан мана шу репетициялар ҳал этади. У репетицияларга махсус шиппак кийиб киради. Чунки хатто ўзи ҳам ортиқча оёқ товушлари билан репетицияга халақит беришни истамайди. Аниқроғи хатто ўзига ҳам рухсат бермайди. Репетиция вақтида ўта жимлик ҳукм суради. Хатто чироқларнинг товуши эшитилади. Парда ортидан ўз чиқишларини кутаётган актёрларнинг нафас олиши ҳам аниқ эшитилиб туради. Ҳамма 100 %лик диққат билан режиссёрни тинглайди. Хатто ўзингни юрак уришингни ҳам эшитасан киши. Бундай жимлик репетициянинг асосий қон томирларидир. Улардан кечинмалар, ҳис туйғулар, кучли хаяжонлар оқиб ўтади.

Репетициялар расом билан у яратган декорацияларга кўникиш, чироқ, либослар билан ишлашга қулайлик, кўникмалар хосил қилиш, бутафория ва анжомлар билан ишлашга кўникиш учун алоҳида ўтказилади. Бу репетициялар техник репетициялар дейилади. Бундай репетициялар тез-тез ўта енгиллик билан ўз вақтида сахнага чиқиш ва киришни, нарсаларни ўз вақтида олиб чиқиш ва олиб кириш кўникмаларини хосил қилиш учун атайлаб, такрор-такрор ўтказилади. Репетицияларнинг “подшохи” бу прагонлар яъни спектаклни жамоатчиликка топширишдан аввалги репетициялар. Асар туғилиши учун “тўлғоқ” даври деса ҳам бўлади. Бу давр фарзанднинг соғлом туғилишини таъминлаганидек прагонлар сифати спектаклнинг санъат асари бўлиб туғилишини таъминловчи репетициялардир. Баходир Турсунович “диққат прагон” дейди ва жимлик. Прагон бошланади. Прагон тугагунча ҳеч ким хатто режиссёр ҳам тўхтатмайди. Айтайлик кимдир янглишди, хато қилди, нотўғри бажарди. Шунда ҳам репетиция тўхтатилмайди. Асосий мақсад асарни бошидан охиригача тўхтовсиз ўтишда. Прагон тугади. Ҳамма сахна олдига йиғилади. Кимдир ёзиб олиш учун қоғоз қалам тайёрлайди. Баходир Турсунович “қоғоз қалам зарур эмас, муҳими ёзиб олишда эмас тушуниб англаб олишда. Ўйибор бериб эшитинглар” – деб барча хато ва камчиликларни тушунтирар, хато қилинган сахналарни қайта, тўхтаб-тўхтаб, жой-жойларини тўғирлаб олиш учун қайта репетиция бошлайди.

Бу иш бир неча кун давом этади. Нихоят асар жамоатчилик кўригига топширилади. Асар топширилгунча ҳеч кимни тинч қўймай, тергаб, хато ва камчиликларни такрор-такрор тузатиш учун куйиниб баъзида койинган режиссёр спектакл топширилган замон актёрларнинг химоячисига, уларнинг жонкуярига айланиб қолади. Айтилган ҳар бир ижобий фикр ва мулоҳазаларни уларнинг ютуғи деб билади. Табриклайди ва бирга қувонади, хаяжонланади. Шу лаҳзаларнинг ўзидаёқ янги асарнинг репетициялари ҳақида ўйлай бошлайди. Баходир Турсунович бугун театр санъатининг ХИРАТПАЙВАНД дарғалари қатори ўз ўй-фикрлари, мурод-мақсадлари кўп, унинг орзу-умиди санъат оламига кирган ёшларнинг орзуси билан боғланиб кетади. Унинг “*мен репетиция учун яшайман*” деган сўзлари қулоғим остида жаранглайди. У бугун ҳам репетицияни ўз вақтида бошлайди. Ҳар қандай ишни четга суриб репетициянинг тўлақонли ўтишига интилади. Ўзининг табаррук 70 ёшини нишонлар экан умрининг бир куни қолган бўлса ҳам шу кунни репетицияга бағишлашига ишонамиз. Ҳақиқий фидоийилар ўз касбларини биладилар, билишларини ҳам биладилар. Бундай инсонларга эргашмоқ керак. Эҳтимол хазрат Алишер Навоий симоси, ҳаёт тарзи кўз олдидан гавдаланганининг сабаби Баходир Турсунович ўтказган репетициялар таъсиридандир.

Фойдаланилган адабиётлар

1. Алишер Навоий асарлари луғати. – Т., Ғафур Ғулом, 1973.
2. Йўлдошев Б. Т. билан бўлган ижодий суҳбатлар, ЎзДСМИ, 18/02 АРМ, ноябрь 2014.
3. Каримов Ислон. Юксак маънавият – енгилмас куч. – Т. : Маънавият, 2008.
4. Холиқулова Г. Э. Саҳна асарларида қаҳрамон характерини талқин қилишда замонавий коммуникатив технологиялардан фойдаланиш услубиёти. – Т. : Фан ва технологиялар, 2015.
5. Қодиров Р. Кўнгилдан ўтказганларим. – Т. : Фан ва технология, 2009.

ФЕНОМЕН ИНТЕРПРЕТАЦИИ МУЗЫКИ БАРОККО В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА НА БЕЛОРУССКИХ ЦИМБАЛАХ

Н. А. Малькевич

*Аспирант,
Белорусская государственная
академия музыки, г. Минск, Беларусь*

Summary. Interpretation of baroque music is an important area of knowledge of modern cimbalom performance. The article reveals the significance of baroque music in the artistic, intellectual, and professional development of a cimbalom performer and some problems of its interpretation.

Keywords: baroque music; Belarusian cimbalom; cimbalom performance; interpretation.

Барочная музыка, являясь обязательной частью музыкального образования исполнителя-цимбалиста, имеет определяющее значение в формировании грамотного, разносторонне развитого музыканта. Произведения эпохи барокко в современном народном исполнительстве является своего рода мерилем творческой зрелости и мастерства музыканта, что делает обязательным присутствие старинной музыки в программах большинства конкурсов исполнителей на народных инструментах, в том числе на цимбалах.

В современной научно-исследовательской и методической литературе для народных инструментов неоднократно поднимался вопрос интерпретации и исполнения академической музыки, в том числе музыки барокко. Широко раскрыта проблематика интерпретации барочной музыки в методической литературе для баяна и аккордеона. Особый интерес представляют работы В. Власова «Методика работы баяниста над полифоническими произведениями» и В. Орлова «Некоторые вопросы исполнения клавирных произведений XVI–XVIII вв. на аккордеоне», В. Игонина «Некоторые вопросы интерпретации произведений И. С. Баха». Менее разработан данный вопрос в методической литературе для струнных-народных инструментов. Наиболее интересны статья В. А. Ельчика «Базовые рекомендации по работе над переложением для балалайки», работа Т. В. Елецкой «Переложение скрипичной музыки для цимбал» (рукопись). Однако теоретические и методические исследования в данной области крайне малы и не раскрывают современных достижений цимбального исполнительства, что, на наш взгляд, препятствует полноценному развитию академического исполнительства на белорусских цимбалах.

Задача настоящей статьи – рассмотреть феномен интерпретации барочной музыки в свете современного исполнительства на народных инструментах, как ключевом факторе развития цимбалиста-исполнителя.

По нашему мнению, включение барочной музыки в цимбальный репертуар сопряжено со следующим рядом проблем.

Во-первых, это связано с современным пониманием термина интерпретации, как важнейшего элемента непосредственно процесса художественного творчества или, точнее, сотворчества, без которого, по мнению Н. Корыхаловой, не возможно исполнение барочной музыки [2, с. 16]. Как известно, музыка данного периода часто не была жестко спаяна с определенной звуко-тембровой сферой, с конкретным исполнительским составом, а композиторы эпохи барокко не снабжали свои сочинения большим количеством ремарок, что дает определенную степень свободы исполнителю.

Во-вторых, в процессе работы над интерпретацией барочной музыки у исполнителя неизбежно возникает необходимость сопоставления акустических особенностей инструмента, для которого написано произведение в оригинале, и цимбал. Следует отметить, что наиболее удобны в вопросах переинтонирования барочного текста произведения для скрипки и особенно клавесина. Объясняется это тем, что эти инструменты имеют близкие тесситурные, технические и артикуляционные возможности (скрипка – цимбалы) и тембровые характеристики (клавесин – цимбалы), что при грамотном фактурном переложении дает эквивалентный результат звучания.

В-третьих, в настоящее время отсутствуют адаптированные к цимбалам нотные редакции. Поэтому единственной опорой в работе над переложением становится звучание оригинала и опыт существующей исполнительской практики, в виде немногочисленных аудио- и видеозаписей. Таким образом, процесс интерпретации идет опытным путем и зависит главным образом от профессионализма цимбалиста-исполнителя.

В-четвертых, интерпретация произведений композиторов эпохи барокко требуют широкого спектра знаний в области стиля исполняемой музыки, значительной теоретической и практической подготовки. К сожалению, в цимбальной практике отсутствует четко выстроенная методика работы над произведениями барочной музыки. В целом, налицо необходимость обновления существующих методических пособий и школ, что неоднократно подчеркивали ведущие белорусские педагоги-цимбалисты, например, Е. П. Гладков и другие [1, с. 27].

На базе барочной музыки происходит совершенствование навыков интонирования и переинтонирования авторского текста, что дает цимбалисту возможность овладения техникой переложения и творческого преобразования оригинального звучания, в том числе решения задач темброфактурного имитирования. Слово имитация в данном случае имеет достаточно широкий спектр значений: это и воспроизведение фонического уровня барочной музыки, изобретение фактурных и артикуляционных эквивалентов, подчеркнуто жанровая изобразительность. В процессе интерпретации происходит освоение музыкальной лексики инструментов оригинала, вырабатывается умение передать особенности их артикуляции, без потерь преобразовать фактуру, используя возможности цимбал соло, цимбал в сопровождении фортепиано и цимбал в составе камерных ансамблей.

В отличие от музыкального наследия последующих эпох барочное произведение уже в структуре оригинала включает элемент импровизационности. Поэтому барочная музыка предполагает в процессе интерпретации не только знание, понимание и индивидуальную трактовку авторского текста, но в определенной мере расшифровку его деталей (мелизмы, гармонические фигурации и т. п.), то есть способность к импровизации непосредственно.

Видимо поэтому музыканты, в том числе исполнители на народных инструментах, постоянно ищут способы реконструкции и понимания музыки прошлого. Причем особого внимания требуют как вопросы культурно-исторической эпохи, стиля, системы жанров, так и сведения по инструментарию, исполнительской практике, приёмам игры – вплоть до расшифровки интонации [4, с. 68]. Ведь, когда речь идёт о современных произведениях, либо о последних аудиозаписях произведений, по которым мы можем судить о музыкальной практике, исполнитель находится в русле сохранившейся традиции и его исполнение можно считать вполне достоверным; если же исполнитель обращается к музыке отдалённых эпох, например к сочинениям И. С. Баха, то исполнительская практика, нотная запись и многие иные моменты оказываются недостаточно известными.

В данном случае критерием подлинности может служить понимание текста, возникающее в процессе его художественной реконструкции. Это понимание охватывает, с одной стороны, эпоху, стиль, доминирующие жанры, исполнительскую традицию, с другой – многообразие деталей, без которых невозможно воспроизведение текста, но которые не выписаны в нотах (мелизмы, штрихи, артикуляция, динамика и т. п.) [3, с. 97].

Следовательно, главными задачами современного цимбалиста-исполнителя при интерпретации барочной музыки является:

- 1) изучение свойств оригинальных инструментов, их природных качеств, акустических и технических характеристик;
- 2) освоение стилистики и семантики музыкального текста, расшифровка смысловой стороны музыкальной интонации, адекватное воспроизведение художественной идеи сочинения;
- 3) творческое прочтение музыкального текста в рамках стилевых норм барочного стиля;

Все вышесказанное помогает сделать следующие выводы:

1. На всех этапах воспитания, в учебных и концертных программах обязательно включение произведений композиторов данного периода: И. С. Баха, Дж. Фрескобальди, Ж. Б. Люлли, Д. Скарлатти, А. Корелли, Ф. Верачини, Ф. Куперена, А. Вивальди и др.

2. Обладая широким диапазоном звучания, разнообразием приемов звукоизвлечения, широчайшей динамической шкалой и богатой штриховой палитрой, цимбалы дают возможность исполнителям творчески подойти к интерпретации барочной музыки, не только максимально близко и

точно имитируя свойства и тембр инструментов оригинала, но и привнося в ее звучание нечто новое.

3. Процесс интерпретации барочной музыки на цимбалах предполагает выбор темброфактурной имитации в соответствии с типом и характером композиции, а также исполнительскими возможностями самого цимбалиста.

4. Различия инструментов (скрипка, клавесин и др. – цимбалы) в способах интонирования, приемах звукоизвлечения и артикуляции требуют от цимбалиста внимательного изучения и переосмысления оригинального материала.

Таким образом, интерпретация музыки эпохи барокко предоставляет исполнителю множество возможностей для выявления собственного творческого потенциала, воплощения индивидуальных исполнительских качеств. Однако, при этом требует глубоких познаний в области стиля исполняемой музыки, осмысления художественной концепции произведения, а также чисто «технологической» стороны воплощения авторского замысла.

Библиографический список

1. Гладков Е. П. Совершенствование приемов звукоизвлечения и артикуляции при игре на белорусских цимбалах. – Минск : Вышэйшая школа, 1976. – 40 с.
2. Корыхалова Н. П. Интерпретация музыки : теоретические проблемы музыкального исполнительства и критический анализ их развития в современной буржуазной эстетике. – Ленинград : Музыка, 1979. – 208 с.
3. Мальцев С. Нотация и исполнение // Мастерство музыканта исполнителя. Вып. 2. – Москва : Музыка, 1976. – С. 68–104.
4. Переверзев Н. К. Проблемы музыкального интонирования. – Москва : Музыка, 1996. – 223 с.

ОПЕРНЫЙ ТЕКСТ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, СТРУКТУРА

И. В. Пилатова

Аспирантка
Белорусская государственная
академия музыки,
г. Минск, Беларусь

Summary. The article attempts to define the concept of the determination “an opera text”. The author proposes a systematization the opera text’s levels. The article introduces the concept of interpretation to understand the connection between the levels of the opera.

Keywords: opera text, levels, the artistic supertext, a complex methodological approach.

Опера как синтетический вид искусства совмещает в себе признаки музыкальных и театральных жанров. Однако оперный текст включает также авантекстовые элементы, не входящие непосредственно в основной текст сочинения и в то же время участвующие в процессе его создания – первоисточник и либретто.

Цель статьи – определение понятия «оперный текст».

В ходе достижения цели предполагается решить следующие *задачи*: осмыслить понятие «оперный текст», выявить и структурировать все составляющие его уровни.

Опера представляет собой художественный *супертекст*, включающий множество составляющих его текстов, находящихся во взаимодействии и взаимозависимости. Оперный супертекст складывается из компонентов *авантекста* и *основного текста*.

Авантекст на генетическом (креативном) уровне представляет собой «системный комплекс (совокупность) всех источников, на художественном (функциональном) уровне текста – интеллектуальную конструкцию или логическую систему, организующую все стадии работы над текстом [1, с. 20].

Генетический уровень позволяет включить в авантекст всю совокупность источников, которые легли в основу создания текста оперного произведения: наброски, эскизы, фрагменты текста. Художественный уровень подразумевает отнесение к авантексту первоисточника, либретто, исполнительской и постановочной интерпретаций. Составляющие авантекста оперы приведены в таблице 1.

Компоненты оперного авантекста

Художественный уровень		Генетический уровень
Текст первоисточника		Источники
Текст либретто		Редакции основного текста
Дирижерская интерпретация		
Исполнительская интерпретация (вокалисты, оркестранты)		
Режиссерско-постановочное прочтение		

Основной текст оперы – музыкально-вербальный текст партитуры, который становится выражением последней авторской воли. Составляющие основной текст уровни приведены в таблице 2.

Таблица 2

Уровни, составляющие основной текст оперы

СОДЕРЖАНИЕ			ФОРМА		
Драматургия			1.	Жанр	
Драматургия оперы в целом			2.	Композиция	
Образная драматургия, архетипы			а) Образная композиция	б) Композиция отдельных сцен	в) Композиция структурно завершенных номеров
Лейткомплексы, лейтэлементы, лейтсистемы					
а) Лейтмотив	б) Лейтгармония	в) Лейттема	3.	Элементы оперы	
			а) Ария	б) Речитатив	в) Хор

Таким образом, **оперный текст** – это супертекст, включающий в себя совокупность синтагматически связанных между собой различных по своей природе текстовых уровней, организующих, с одной стороны, структуру основного текста оперы, с другой – процесс ее создания (авантекстовые уровни). **Оперный спектакль** – произведение музыкально-театрального искусства, созданное сообразно определенным законам и правилам, осознаваемое реципиентом как смысловая целостность, обладающая некоторой степенью условности.

Другими словами, **оперный текст** может быть представлен как *процесс*, «поэтапная многоуровневая интерпретация, где исходный вербальный текст либретто «прочитывается» композитором при помощи музыкально-выразительных средств, а вербально-музыкальный синтез оперной партитуры «перевыражается» средствами театрально-сценического искусства» [2, с. 4], в то же время **оперный спектакль** – это *результат*, конечная точка интерпретации, за которой следует лишь восприятие реципиента (зрителя, слушателя, критика), не являющихся непосредственными участниками создания оперного текста.

Библиографический список

1. Дулова Е. Н. Музыкальный текст – произведение – контекст: театральные метаморфозы // Теоретическое музыкознание на рубеже веков: сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Е. Н. Дулова. – Мн.: Белорусская государственная академия музыки. – 2002. – С. 18–30.
2. Лысенко С. Ю. Проблема постановочной интерпретации оперы как синтетического художественного текста (на примере «Бориса Годунова» М. П. Мусоргского): автореф. дис. ...канд. искусствоведения: 17.00.02 / С. Ю. Лысенко; Новосибирск, гос. консерватория (академия). – Новосибирск, 2007. – 24 с.

ОСНОВЫ РАБОТЫ КОНЦЕРТМЕЙСТЕРА В КЛАССЕ ВОКАЛА

А. Н. Ткачева

*Кандидат педагогических наук,
старший преподаватель,
Белгородский государственный инсти-
тут искусств и культуры,
г. Белгород, Россия*

Summary. The present article is devoted to the problems of piano accompaniment. It covers in detail the problems arising in the work with students-vocalists. The author seeks to reveal the main directions of work of the accompanist in a vocal class.

Keywords: ensemble performance; improvisation; vocal intonation; orchestral sonority.

Обучение исполнителя-вокалиста традиционно строится на изучении классического репертуара, работа над которым немислима без фортепианного сопровождения. Роль концертмейстера в классе вокала является одной из основополагающих. Пианист должен быть первым помощником педагога, помогая учащемуся в воплощении вокального произведения.

Опытный концертмейстер, в деталях знающий специфику работы в вокальном классе, незаменим в случае отсутствия педагога. Нередки ситуации, когда аккомпаниатору приходится заниматься с учащимся без педагога, если, например, он отсутствует по болезни. В таком случае концертмейстер может подсказать учащемуся наиболее верную расстановку дыхания, некоторые артикуляционные моменты и многое другое. Разучивая с юным вокалистом музыкальное произведение, концертмейстер должен четко следить за выполнением певцов всех указаний педагога, за звуковысотной, ритмической и метрической точностью.

«По-видимому, ни один инструментальный аккомпанемент не играет столь важной драматургической роли, как аккомпанемент вокальных произведений...», – пишет Е. М. Шендерович [3, с. 91]. Поскольку эмоциональное и художественное содержание вокальных сочинений заключено

преимущественно в поэтическом тексте, положенном на музыку, то особое внимание учащегося следует направлять на достижение выразительности через слово. Чрезвычайно полезно совместно с учеником выявить ключевые моменты текста, кульминационные места, проанализировать, какими средствами выразительности композитор добивается неразрывного единения слова и музыки. Подобный анализ – залог понимания и проникновения в эмоционально-смысловую настрой вокального сочинения. Работая в классе, концертмейстеру зачастую приходится «вести» юного вокалиста, вместе с ним строя музыкальную фразировку, помогая ему в кульминационных моментах.

Работа концертмейстера с учащимся-вокалистом не сводится только к работе над вокальным репертуаром в классе, основная миссия аккомпаниатора – обеспечить музыкальное сопровождение в условиях публичного выступления. Здесь перед концертмейстером встает ряд задач, от решения которых зависит успех исполнения в целом.

Одной из таких задач является звуковой баланс между сопровождением и партией вокалиста. Концертмейстер должен во всех динамических и ритмических нюансах поддержать вокалиста, дать ему возможность агогических отклонений, при этом строго выдерживая основной темп. В ряде оперных арий и сцен концертмейстеру принадлежит роль оркестра, которая несет в себе как организующее метроритмическое начало, так и яркую палитру всевозможных тембральных красок.

Совместное публичное выступление с певцом на сцене требует от концертмейстера опыта концертной деятельности, самообладания и хорошего знания партии вокалиста. Исполняя аккомпанемент, концертмейстер должен четко представлять себе партию солиста, одновременно показывая выразительные возможности партии фортепиано, которая зачастую является продолжением вокальной линии. В качестве примера можно привести романсы П. И. Чайковского или С. В. Рахманинова, в которых партия сопровождения иллюстрирует душевные переживания героев, «договаривая» то, что не было отражено вокалистом. «Аккомпаниатор должен быть источником вдохновения для певца, и его игра должна сверкать в прекрасных вступлениях и заключениях», – пишет Дж. Мур [2, с. 25], всю жизнь посвятивший работе аккомпаниатора и оставившего несколько книг, посвященных непростой концертмейстерской деятельности.

Публичное выступление всегда содержит в себе импровизационный момент. Он может стать следствием эстрадного волнения певца или результатом его художественной одаренности, в любом случае концертмейстер должен вовремя поддержать вокалиста.

В заключение хочется отметить, что непростая работа концертмейстера таит в себе много возможностей и вместе с тем большое количество трудностей, неся огромный потенциал для талантливого пианиста. В профессии аккомпаниатора все определяется той мерой, которая свойственна

любому виду искусства. «Искусство начинается там, где начинается чуть-чуть», – говорил известный русский художник Карл Брюллов [4, с. 394]. В искусстве концертмейстерской игры все определяется мерой и вкусом, тем немногим, что отличает искусство от ремесленничества.

Библиографический список

1. Кубанцева Е. Концертмейстерский класс : учеб. пособие для студентов пед. вузов и средних проф. учебных заведений. – М. : Академия. – 2002. – 192 с.
2. Мур Дж. Певец и аккомпаниатор / пер. с англ., предисл. В. Н. Чачавы. – М. : Радуга, 1987. – 432 с.
3. Шендерович Е. М. В концертмейстерском классе: Размышления педагога. – М. : Музыка, 1996. – 207 с.
4. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Авт.-сост. В. Серов. – 2-е изд. – М. : Локид-Пресс. – 2003. – 880 с.

СООТНОШЕНИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ УСТАВНОГО МОНОДИЙНОГО ПЕНИЯ ГРЕЧЕСКОЙ И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Л. С. Шпаковская

*Магистр искусствоведения, аспирант
Белорусская государственная
академия музыки
г. Минск, Республика Беларусь*

Summary. The article discusses the problem of relation of oral and written traditions in Greek and Russian monophonic chants. This problem is disclosed in connection with the history of the church singing notations. According to the author, mastering musical theoretical foundations of Greek and ancient Russian chants opens ways to adapt them to the liturgical practice of the Russian Orthodox Church.

Keywords: Greek chants; ancient Russian chants; liturgical chants; liturgical monody; notation.

Уставные монодийные напевы Греческой и Русской Православной Церкви в настоящее время не только активно изучаются музыковедами-исследователями, но и все чаще звучат за богослужением в храмах Беларуси, России и Украины. Интерес к древним певческим практикам связан с осознанием особой почвенности и содержательной глубины традиционных роспевов, столь созвучных богослужебным текстам.

Основной проблемой, с которой сталкиваются певчие, стремящиеся к аутентичному исполнению монодийных роспевов, является сложное *соотношение письменной и устной традиции* на современном этапе их функционирования. На наш взгляд, осмысление данного положения необходимо как для правильного понимания путей исторического развития бо-

гослужебно-певческой практики, так и для верной интерпретации древних церковных напевов в настоящее время. Ключом к пониманию внутренней организации традиционных напевов является осмысление принципов их *нотирования*.

Одним из наиболее ранних видов церковно-певческой нотации является *старовизантийская невменная нотация* (X–XII в.), имеющая в своей основе адиастематический принцип фиксации напева, т. е. не имеет точных указаний на интервал мелодического движения. Знаки такой нотации являются лишь напоминанием о песнопении, известном на слух.

Старовизантийский тип нотации был воспринят на Руси, в результате чего все развитие древнерусской нотной письменности вплоть до XVII в. базировалось на адиастематическом принципе нотирования, опирающемся на устную передачу певческой традиции. Связь старовизантийской и *ранней знаменной нотации* (кон. XI – 1-я пол. XV в.) проявляется в большом количестве общих невм, имеющих сходные функции, а также в близости формульных участков аналогичных песнопений. Однако, древнерусская нотация уже на ранних стадиях своего формирования приобретает ряд оригинальных черт. Среди специфических черт ранней знаменной нотации Е. Лозовая указывает изменение функций византийских невм в знаменной нотации, а также использование новых последований знаков и не встречающихся в византийских рукописях сочетания знамен [3, с. 279].

Общей тенденцией дальнейшего развития византийской и древнерусской нотаций является постепенное возрастание точности фиксации напевов. Так, уже *средневизантийская* нотация (XII–XV вв.) основывается на диастематическом принципе, то есть содержит указания точных интервальных отношений между звуками.

Необходимость точной фиксации византийских и древнерусских богослужебных напевов значительно возрастает в период господства мелизматического или калофонического («сладкогласного») пения. В византийскую певческую практику подобный тип пения приходит в XIV в., в русскую – в XVI в.

Новый мелизматический стиль приводит к появлению *поздневизантийского* типа нотации (XIV в.) со знаками, обозначающими степень длительности, динамики, характер ритма, акцентов, что свидетельствует о возросшей роли письменной фиксации напева.

Во 2-й пол. XV–XVI в. интенсивное развитие русского певческого искусства следует тем же путем, что и византийское. Стилистическими чертами знаменных напевов этого времени можно назвать орнаментацию мелоса, а также многораспевность. Возросшее мелодическое разнообразие напевов привело к новой графической редакции знамен, призванной более точно и детализировано зафиксировать мелодии.

Качественно новым этапом в развитии византийской и русской знаменной нотации становится время *певческих реформ*, направленных на за-

крепление диастематического принципа нотации, в результате чего в певческой практике начинает главенствовать письменная традиция.

Для византийской (греческой) нотации временем певческих реформ стал XIX в. («Новый метод» трех учителей, создание аналитическое нотации), для знаменной – XVII в. (введение киноварных помет).

Следствием певческих реформ стало нивелирование процессуального начала в мелодическом пении, постепенный переход от «тонемы» к «тону». Согласно определению Б. Карастоянова, тонема – это «простейшая мелодическая единица знаменного распева», компонентами которой являются звуки [1, с. 492]. Принцип тонемы находит наглядное отражение в невменных знаках, передающих несколько мелодических ходов вплоть до развернутых мелодических построений.

В результате греческой певческой реформы было значительно сокращено количество невм: десять диастематических (интервальных) и одиннадцать хирономических (качественных) невм новой системы обеспечивали точную фиксацию мелодического интервала и ритмической фигуры. Среди новых греческих невм лишь одна – иппорои – передает двузвучное нисходящее движение. Другие греческие невмы обозначают единичные ходы по ступеням звукоряда.

В истории знаменной нотации поворот от тонемы к тону приходится на рубеж XV–XVI вв., что связано с появлением «разводов» – изъяснений более простыми знаками сложных мелодических украшений – фит. В теорию знаменного пения понятие «тон» вводится во 2-ю пол. XVII в. А. Мезенцом и трактуется в традициях западной, нотолинейной нотации.

Несмотря на тенденции перехода от тонемы к тону, в знаменной нотации сохранилось большое количество невм, обозначающих мелодические построения большего или меньшего масштаба.

Заметим, что в свое время Э. Курт в отношении григорианской нотации высказывается о том, что «только с тех пор, как линейная нотация начинает стремиться к передаче определенной высоты звука (начиная с X века), графическое изображение вступает на путь, который привел к разрушению понятия линии – к ее разложению на отдельные тоны» [2, с. 53]. Таким поворотным шагом в греческой и русской певческой практике стало введение слогов *сольмизации* (в греческой традиции тоны звукоряда приобрели наименования: Ни, Па, Ву, Га, Ди, Ке, Зо; в русской – Ут, Ре, Ми, Фа, Соль, Ля, Си). Следствием введения сольмизационных слогов стало изменение концепции звукоряда, который теперь воспринимается не как ряд ходов от звука к звуку (процессуальность мышления), но как последование отдельно взятых самостоятельных тонов (дискретный принцип).

Проведенное нами исследование наметило следующие общие тенденции развития старовизантийской и древнерусской знаменной нотаций:

1. Формируясь изначально в рамках устной традиции, богослужебные нотации с ходом времени все более тяготеют к письменной традиции.

2. Результатом последних реформ греческой и русской певческих нотаций стало упрощение и унификация традиционных напевов. С другой стороны, смена принципов нотирования послужила причиной изменения монодического музыкального мышления в сторону членения изначально целостной мелодической линии на отдельные сегменты-тоны.

3. Принцип тонемности, практически утраченный в аналитической греческой нотации, сохраняется в невмах поздней знаменной нотации, обозначающих многозвучные мелодические комплексы – попевки или тонемы.

Таким образом, пройдя длительный, во многом сходный путь развития, постреформенная греческая и поздняя русская знаменная нотации в настоящее время стоят на сложном пути от устной традиции к письменной, от адиастематического принципа нотации к диастематическому, от тонемы к тону.

Библиографический список

1. Карастоянов Б. О таблицах мелодических формул знаменного распева // *Musica Antiqua*, VIII, vol.1, *Acta Musicologica*. – Bydgoszcz, 1988. – С. 489–516.
2. Курт Э. Основы линейного контрапункта / пер. с нем. З. Эвольд, под ред. Б. Асафьева. – М.: Музгиз, 1931. – 304 с.
3. Лозовая, И. Знаменная нотация // *Православная энциклопедия*, том XX. – М.: Православная энциклопедия, 2009. – С. 278-285.

IV. INFORMATION-COMMUNICATION SPACE AND MEDIA CULTURE

ECONOMIC AND SOCIOCULTURAL PROCESSES IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF SOCIAL NETWORKS

V. V. Andramonova

*External PhD student
North Caucasus Federal University,
Stavropol, Stavropol Territory, Russia*

Summary. Key specific feature of modern society lies in the growing popularity of the social networks functioning in the system of social development. Unprecedented quantitative and territorial exponential growth of networks allows to consider them strategic information and operational resource of expansion and consolidation of global civil society.

Keywords: information, policy, economy, culture, network society, information society, civil society.

The subject of «network society» as a base of modern economy, policy and culture comprehensively was investigated by the Spanish economist Manuel Kastels. In his works the emphasis is placed on economic appendices of network communication. The determine influence on the way of problem statement and solution have, first, nature of thinking of that era in which the problem is laid down, and, secondly, the level of knowledge of those objects which concern the given problem «in the structure which define and fix this world - in language and consciousness» [1, p. 156–159].

There are technological, social, economic, political and cultural aspects of development of network global institutions and the praxes at the present stage in the research of network society theory [2, p. 168–177]. The model of relationship between technologies and society is built, problems of digital democracy, opportunity for realization of initiatives of new social movements, transformations of culture, society and emergence of specific equivalences are discussed [13, p. 164–169]. Evolution of network society directly influences formation of global civil society through the effective work of social networks [3, p. 309–315].

The first considerable attempt to describe the nature of network tactics and to understand mechanisms of networks influence on formation of civil society in the globalized world is undertaken by D. Shuler and P. Deya. On the basis of documentary data they analyze a phenomenon of social networks in the cyberspace. Expert researches are generally concentrated on the subject of new forms of democracy and their providing with network technologies during information era [6, p. 58–62].

Originally social media transformed ways of communication [15, p. 241], then they began to change ways of business cardinally. As a matter of fact, development of the most effective network strategy is connected with commerce and aggressive «pointed» marketing.

Information society constantly creates new starting conditions for activity of citizens and organizations [8, p. 68–71]. Speed of movement of huge arrays of address information and wide range of its distribution (mailing) allows to mobilize in short terms the consumer or the social activist for individual or collective actions [11, p. 130–134]. Social networks are integrated on the basis of the Internet, they are supplemented with opportunities of mobile telecommunication thanks to what groups of citizens associated on interests in the virtual information environment realize their communicative requirements [7, p. 7–11]. Information, technological and organizational network resources are global, multiple-vector; they are multilevel instruments of influence and control of certain users, groups of citizens and «virtual communities». The initial stage of development and obvious efficiency of social networks were shown, first of all, in the advertizing and organizational and marketing sphere. In recent years social networks have also become a powerful socio-political resource [12, p. 11–16]. The economic direction of development of the Internet and social networks are obvious.

For adequate understanding of the basic principles of social applications of mobile technologies and behavioural correlations of mobile communication users it is necessary to know how to work ways of representation of data and what is the efficiency of applied communication. These parameters need to be studied in long-term prospect, considering multilevel nature of education system measurements [4, p. 197–206].

Social networks can be the tool of any socio-cultural praxes, directed on achievement of fast and effective result through the group ("club") communication [5, p. 17–21].

Social networks and social media have strongly become an active part of marketing plans of the majority of small, medium-sized and large companies. Marketing opportunities of the most numerous social networks are studied in detail, economic ideas of advance of goods, services, entertainments and knowledge by means of implementation develop and tracking of video and marketing strategy of development are increased. Development of scientific knowledge in social and humanitarian researches [16, p. 11–18] is topical. Wide opportunities of use of the microblogging Twitter service for branding, advertizing, the PR companies, business activity, for professionals and ordinary users are analyzed on the basis of demographic and sociological researches.

It should be noted the other economically focused sources oriented generally on businessmen and students of economic specialties of universities who decided to use on-line marketing by means of the globalized social networks.

When it does not come to food, clothes and mobile phones, but to «political product» for internal or external use, it is necessary to notice that the market-

ing technologies fulfilled on social networks can be used with «modernization» for political mobilization of individuals in the modern society [10, p. 213–218]. The assessment of motivations of consumers is necessary for understanding of a range of opportunities and productive use of marketing movement.

More than one and a half million users, the working in the social information networks, nothing tell to the sociologist. It is quite possible that they are millions of «zombie»- users. But maybe, these figures say also that they are millions of socially active responsible citizens. Quality and relevance of information is a matter of time and social responsibility [14, p. 102–107]. The main thing here is that the resonance and adequacy of information becomes the international standard which can't be «upstaged», «ignored» which can't be neglected. Business and information are interlinked with social and political information «fabric». Then all this information variety is passed through social networks, use of technologies of virulent distribution of information. So arises autonomous, self-sufficient on-line segmented infosphere which turns into a global simulacrum of the «cluster confidential exclusive information» developing on the basis of new knowledge and new methods of knowledge [9, p. 29–31]. Is information autonomy in the era of global transformations possible? It is a key question of development of global civil society.

Bibliography

1. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Ерохин А. М. Эпистемологические и лингвистические исследования в аналитической философии науки: семантика конструкторов // Вестник СевКавГТИ. – 2015. – Т. 1. – № 2 (21). – С. 156–159.
2. Бакланова О. А., Бакланов И. С. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма // Вопросы социальной теории. – 2015. – Т. 7. – № 1–2. – С. 168–177.
3. Бакланов И. С., Яценко А. Л. Роль социальных сетей в процессах глобализации // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т. XII. – № 4 (59–60). – С. 309–315.
4. Говердовская Е. В. Особенности регионального подхода к системе высшего профессионального образования в полиэтническом пространстве Северо-Кавказского федерального округа // Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 2. – С. 197–206.
5. Гончаров В. Н. Информатизация российского образования как форма социально-культурной деятельности // Фундаментальные исследования. – 2011. – № 8–1. – С. 17–21.
6. Гончаров В. Н. Социокультурные аспекты информатизации общества // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 1. – С. 58–62.
7. Гончаров В. Н. Социальные институты в системе общественного развития // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 28. – С. 7–11.
8. Гончаров В. Н. Информационное общество в России: социально-политический аспект // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2012. – № 17. – С. 68–71.
9. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 6. – С. 29–31.
10. Колосова О. Ю. О роли духовности в современном обществе // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 10–2. – С. 213–218.
11. Колосова О. Ю. Социально-философские аспекты глобализации // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 45. – С. 130–134.

12. Колосова О. Ю. Социально-культурные институты: сущность и типология // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 28. – С. 11–16.
13. Колосова О. Ю. Социальная сфера общества: философский анализ // Наука и современность. – 2015. – № 35. – С. 164–169.
14. Лобейко Ю. А. Педагогическая деятельность и педагогическое сознание: социальный аспект // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2014. – № 13. – С. 102–107.
15. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 9. – С. 241.
16. Матяш Т. П., Матяш Д. В., Несмеянов Е. Е. Актуальны ли мысли Аристотеля о «хорошем» обществе? // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 3. – С. 11–18.

ГУМАНИТАРНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ТВОРЧЕСКИХ АСПЕКТОВ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ И МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ

И. Л. Гольдман

*Кандидат искусствоведения
Ленинградский государственный
университет им. А.С. Пушкина,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Summary. The potential of modern art criticism is demanded in the theory and practice of media education, humanitarian understanding of integration aspects of art culture and media communications, in the formation of professional competence of students in the process of interpreting art and cultural content of media texts and writing their media texts.

Keywords: Humanities; humanitarian methodology; integration; teaching art history; semiotic interpretation; media education; media communication; artistic culture; art texts; media texts.

Система высшего образования, прежде всего, основных направлений гуманитарной образовательной деятельности, в настоящее время ставит новые задачи и задает новые ориентиры гуманитарным наукам, ускоряя, тем самым, процессы их идентификации и рефлексии в русле междисциплинарной интеграции.

В условиях формирования информационного общества, развития медиакультуры, гуманитарные науки стремительно сближаются с гуманитарными технологиями, современными коммуникационными практиками и процессами. Ученые-гуманитарии, теоретики и практики все активнее привлекаются к участию в обсуждении и решении основных проблем и вопросов медиаобразования, подготовке профессионалов в области медиа, разносторонне и творчески мыслящих журналистов, специалистов в области рекламы и связей с общественностью, маркетинговых и интегрированных коммуникаций.

Гуманитарное осмысление медиакоммуникаций, медиатекстов, аспектов взаимодействия искусства, журналистики, рекламы и связей с общественностью, эстетической, культурологической, семиотической концепций медиаобразования (А. В. Федоров [6]) находится сегодня в поле зрения искусствоведов как междисциплинарных специалистов, которые во многом отвечают за творческий компонент в программе подготовки творчески мыслящих бакалавров и магистров журналистики (профиль «Досуговая журналистика»), рекламы и связей с общественностью, компетентных в использовании креативных технологий в медиакоммуникациях.

Вовлечение искусствоведения как направления гуманитарной мысли в исследование специфики журналистского, рекламного творчества, креативных основ деятельности по связям с общественностью, организации специальных мероприятий и событий – результат интегрированных процессов, происходящих в современной искусствоведческой науке (теоретической и эмпирической), развитие которой во многом способствует становлению междисциплинарной методологии. На нее наука об искусстве ориентируется в своих исследованиях художественной культуры и художественно-творческих оснований медиакоммуникаций и медиаобразовательной деятельности.

Еще в конце 90-х годов минувшего столетия доктор философских наук А. Я. Зись очень четко определил миссию современного искусствознания, указав, что «опираясь на принципы междисциплинарной методологии, исследует искусство в широком контексте культуры, устанавливает формы и своеобразие его взаимоотношений с другими сферами духовной жизни» [3, с. 28].

Сегодня гуманитарные технологии и направления медиаобразования чаще становятся предметами исследования междисциплинарного искусствоведа, занимающегося художественно-творческой и научно-педагогической деятельностью, интеграцией искусствоведческо-культурологического инструментария в медиаобразовательную практику. Благодаря педагогическим навыкам искусствоведов, студенты смогут раскрыть свой творческий потенциал и достичь профессиональной реализации в культурной индустрии, находящейся в тесном взаимодействии с современными медиапрактиками в условиях международного сотрудничества.

В свою очередь, интерес к медиакоммуникациям, теории и практике преподавания коммуникационных дисциплин, методологии медиаобразовательной деятельности, научных исследований в области медиа – возможность для междисциплинарных искусствоведов доказать самостоятельность и точность своей гуманитарной научной дисциплины, расширить свое присутствие в современной гуманитаристике, продемонстрировать практико-ориентированный, интегративный характер современного искусствоведения, подчеркнуть объективность своих суждений и закономерность выводов.

В стремлении осмыслить медиаобразовательный процесс, рекламу как явление мировой художественной культуры, художественную коммуникацию в деятельности по связям с общественностью, интерпретировать медиатексты как художественные тексты, и наоборот, соприкасаются педагогическая наука об искусстве, культурологическое искусствоведение и семиотическое искусствознание.

Основатель семиотики как научной дисциплины Чарльз Пирс рассматривал произведение искусства как знак, выделяя при этом иконические знаки, знаки-индексы и символы [5, с. 193]. Семиотическая функция художественной культуры в интерпретации произведений журналистского, рекламного творчества, медиатекстов как художественных текстов и художественных текстов как медиатекстов является основополагающей.

Последователь Пирса Чарльз Моррис указывал на то, что в произведении искусства содержится своего рода «знак-передатчик», который и обеспечивает, как опосредованное, так и непосредственное познание заложенной в произведении художественно-эстетической ценности. Семиотическая интерпретация произведений искусства по Моррису опирается на стили речи, зависит от них напрямую. Следовательно, в процессе коммуникации изобразительные знаки соотносятся с художественно-эстетическим языком, стилем общения. Среди модусов значений (символический, предписывающий, оценивающий) и модусов использования (информативный, системный, побудительный и оценочный) которые заложены в основании классификации типов речи, количественного и качественного анализа, Моррис называет оценивающий модус в первом случае и оценочный модус – во втором, определяющими [5, с. 195].

Обе семиотические теории являются продуктивными и принципиально важны для интерпретации медиатекстов, процессов медиакоммуникации в художественном пространстве и художественных коммуникаций в медиапространстве и позволяют, в частности разносторонне анализировать трансформации рекламы в искусство и искусства в коммуникативную практику, возможности искусствоведческой журналистики (арт-журналистики); рассматривать специальные события как арт-мероприятия, художественное событие как мероприятие по связям с общественностью.

Следует подчеркнуть, что семиотика, на наш взгляд, выступает своеобразным «медиатором» искусствоведения, рекламоведения, пиарологии, коммуникативистики, интегрирует искусствоведческую науку в медиапространство. В то же время сам семиотический подход к анализу произведений художественной культуры, медиатворчества позволяет системно и целостно проследить цепочки взаимодействия языка искусства и языка медиакоммуникаций, в частности, увидеть знаковую природу искусства, художественной коммуникации, знаковые аспекты рекламы, связей с общественностью, журналистики как формы художественного творчества, медиакоммуникаций; более того, изучить роль искусствоведения в инфосфе-

ре наряду с другими социально-гуманитарными дисциплинами, вклад искусствоведения в осмысление специфики и креативного потенциала гуманитарных технологий, дифференциации художественного образа в медиатворчества, инвариантах художественного образа в системе медиакоммуникаций и медиаобразовательной деятельности.

В этой связи целесообразно указать на информационный подход к исследованию художественной культуры. Осмысление последней как информационной системы (Т. Н. Суминова [4]) является важным элементом методологии гуманитарно-художественного и медиаобразования, которая напрямую соотносится с методологией научных исследований в области художественной культуры и медиакоммуникаций и опирается на потенциал информационно-семиотического искусствоведения, педагогической науки об искусстве и культурологического искусствознания.

Важно отметить, что в отношении художественного образования также до недавнего времени наблюдалось отсутствие пристального внимания к данному предмету исследования искусствоведов-методологов, как теоретиков, так и практиков, что, безусловно, лишало систему образования важных результатов междисциплинарных научных изысканий, важной фундаментальной точки опоры, предполагающей интеграцию достижений искусствоведческой деятельности как гуманитарно-научной, использование искусствоведческой методологии как гуманитарной в теории и практике художественного образования.

Как справедливо отмечает доктор искусствоведения Е. А. Боровская, «...Взаимодействие художника-педагога с учениками, восприятие художественной молодежью фактов и явлений современного ей искусства, выбор ориентиров для собственного творчества..., – все это чрезвычайно важные вопросы, вне рассмотрения которых едва ли можно построить в необходимой мере полную и объективную картину художественного процесса в целом и на любом его хронологическом этапе. Эти вопросы, как нам представляется, должны занять важное место в ряду актуальных исследовательских задач искусствоведения» [2, с. 225].

Сказанное выше, без сомнения, касается и медиаобразовательной сферы, привлечение в которую искусствоведов с междисциплинарным мышлением и научно-педагогической подготовкой сегодня представляется чрезвычайно важным этапом осмысления проблем интеграции науки и образования, искусствоведения и медиаобразования, художественной культуры и медиасреды, медиакоммуникаций и искусства, формирования у студентов общекультурных и профессиональных компетенций в сфере рекламного, журналистского творчества, использования креативных технологий в связях с общественностью, продвижения арт- и медиа-проектов.

Перечисленным выше процессам способствует, не только интерпретация художественной культуры, медиакультуры с позиций информационно-семиотического подхода, но и развитие информационно-

семиотического искусствоведения, на что обращает пристальное внимание авторитетный исследователь М. Н. Афасижев, отмечая следующее: «...прочно утверждается искусствознание, основанное на принципах и результатах теоретико-информационных методов исследования художественной культуры» [1, с. 11]. Ученый, ссылаясь на эстетический и семантический уровни структуры художественного произведения, обозначенные А. Модем, приходит к выводу, что «при восприятии и оценке искусства выявляется информационная архитектура уровней художественного произведения и способность их восприятия человеком, а в итоге устанавливается средняя норма данного произведения в той или иной культурно-исторической среде» [1, с. 12].

Отсюда, по мнению автора статьи, можно объяснить изменения в методологии искусствоведческой науки достижениями самой науки, усилившейся во второй половине минувшего столетия междисциплинарной интеграции гуманитарного знания, идентификацией и рефлексией искусствоведения на этапе формирования и развития информационного общества и информационной культуры, медиакультуры, аудиовизуальной культуры, обращение к научно-педагогической практике, новым гуманитарным направлениям образовательной деятельности на разных ступенях, влияние гуманитарных, коммуникационных технологий на художественно-образовательную деятельность, креативную индустрию, реализация педагогических возможностей культурологического и семиотического искусствоведения в полной мере при интерпретации произведений современной художественной культуры как художественных текстов, медиатекстов и, наоборот, в рамках научно-образовательной и творческой деятельности в области медиакommunikаций и художественной культуры, на всех ступенях обучения студентов по направлениям бакалавриата/магистратуры (42.03.02/42.04.02 «Журналистика»), (42.03.01/42.04.01 «Реклама и связи с общественностью») с учетом профилей обучения, программой подготовки, подведомственной принадлежностью организаций высшего образования (гуманитарной, технической, творческой).

Стремительное развитие коммуникационных практик, гуманитарных технологий (журналистика, реклама, связи с общественностью) существенно повлияло, не только на статус и положение гуманитарных наук, в нашем случае на роль искусствоведения в системе гуманитарных наук, но и оказало и оказывает мощное воздействие на современную художественную практику, всю систему образования в сфере художественной культуры и медиакommunikаций.

Таким образом, мы можем определить миссию современного искусствоведения как научной дисциплины в системе медиаобразования (рекламного, журналистского и образования в области связей с общественностью) – последовательно исследовать интеграцию искусствоведческих знаний в медиапространство, участие науки об искусстве в формировании

информационной культуры, акцентируя внимание на семиотической функции художественной культуры, семиотике рекламного искусства, журналистского творчества, специальных мероприятий и событий, семиотической интерпретации медиатекстов как художественных текстов, руководствуясь, прежде всего, культурологической теорией медиа М. Маклюэна; выстраивать медиаобразовательный процесс, опираясь на педагогические ресурсы семиотического и культурологического искусствоведения, эстетической, семиотической и культурологической концепций медиаобразования.

Библиографический список

1. Афасижев М. Н. Теория информации и актуальные проблемы современного искусствознания // Проблемы информационной культуры? Сборник статей / под ред. Ю. С. Зубова, И. И. Михлина, А. С. Соколова. – Вып. 2: Информационный подход в искусствознании. – М.; Краснодар: КГАКИ, 1995.
2. Боровская Е. А. Художественное образование как предмет искусствоведческого исследования (к постановке проблемы) // Искусствоведение и художественная педагогика в XXI веке. Вып. 2. Сборник статей по материалам научно-практической конференции / под ред. Э. В. Махровой, Е. М. Коляды, А. В. Ивановой. – СПб.: Экспресс, 2011.
3. Зись А. Я. К вопросу о формировании общей теории искусства // Теория художественной культуры. – 1997. – Вып. 1.
4. Сумина Т. Н. Художественная культура как информационная система (мировоззренческие и теоретико-методологические основания). – М. : Академический проект, 2006.
5. Очерки эстетики и теории искусства XX века / отв. ред. Н.А. Хренов, А.С. Мигунов. – М. : Канон+ РОИИ «Реабилитация», 2013.
6. Федоров А. В. Медиаобразование и медиаграмотность. – Таганрог : Кучма, 2004.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЕТЕВОГО Я ЛИЧНОСТИ

М. А. Киселева

*Кандидат педагогических наук, доцент;
Балашовский институт (филиал)
Саратовского государственного
университета им. Н. Г. Чернышевского,
г. Балашов, Саратовская область,
Россия*

Summary: The article presents a brief theoretical analysis of network I personality. The features of the relationship of the individual to the information space. The basic approaches of domestic and foreign researchers of this problem.

Keywords: I network, information space, Internet-resources.

Сетевое Я личности – это виртуальная презентация, проявляющая определенный уровень культуры потребления значимых для человека эталонов, транслируемых обществом. Эталоны являются структурными единицами информационного поля. В конце 40-х годов XX века американские ученые К. Шеннон и У. Уивер разработали первую линейную модель коммуникации. Результаты их исследований положили начало статистической теории информации. Одним из ключевых моментов данной теории является энтропия как мера неопределенности ситуации. В узком смысле, по мнению К. Шеннона, под информацией следует понимать лишь те сведения, которые уменьшают существовавшую до их получения неопределенность [6]. Таким образом, при всей оригинальности концепции в ней не учтены эффекты обратной связи.

Весомый вклад в развитие общей теории информации внес Н. Винер в 60-х годах прошлого века. Согласно Н. Винеру, информацией следует считать ту часть полученных данных/знаний, которая используется для ориентирования, принятия решений, активного действия, управления [3]. В последующих исследованиях авторов, так называемых семантических теорий (Р. Карнап, И. Бар-Хиллел, Дж. Г. Кемени, Е. К. Войшвилло и др.) информация также рассматривается как уменьшение неопределенности, но акцент делается на тех конвенциональных значениях, которыми наделены отдельные единицы информации.

Несколько другой аспект видится в исследованиях Р. Акоффа и Р. Майлса. В их поведенческой модели акцент делается на целевую устремленность получателя информации на решение конкретной проблемы [1]. Иными словами информация позволяет человеку наметить стратегию поведения для достижения цели и аргументировать свои пошаговые действия.

Крайние точки зрения на изучение феномена информации и ее потребления, можно отследить в подходах паниформизма и инфонигилизма, которые представлены в исследованиях И. И. Юзвигина и М. И. Сетрова. По мнению И. И. Юзвигина, «вселенная и есть информация», а позиции

М. И. Сетрова, как приверженца противоположного направления – инфонигилизма «информация – это пустое множество, поскольку ее невозможно идентифицировать» [8; 4].

Само сетевое Я личности, в широком смысле, это самопрезентация человека, погруженного в значимое информационное пространство. Термин «информационное пространство», в настоящее время, имеет множество трактовок. А. А. Шиян определяет его как «совокупность атрибутов и значений», которые позволяют охарактеризовать необходимый объект, задачу, цель с помощью информационно-аналитической работы [7]. Подобная технократически выстроенная формулировка присутствует и у Т. Ф. Берестовой. Она указывает на то, что информационное пространство – это форма обеспеченная правовыми гарантиями и средствами связи «для аккумуляции результатов коммуникативной деятельности людей» [2]. Близкой позиции придерживается И. А. Стернин, по его мнению, информационное пространство – это территория «значимая для СМИ населяющими ее людьми» [5]. Данная идея уже констатирует отход от технократических схем восприятия « сетевого мира » в психологической практике и акцентирует внимание на индивидуальной природе погружения личности в информационное поле взаимодействий.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что сетевое Я будет являться индикатором психического состояния личности, ее восприятия реального мира и ретранслятором личностных экспектаций.

Библиографический список

1. Акофф Р. Планирование будущего корпорации. – М. : Издательство «Сирии», 2002.
2. Берестова Т. Ф. Информационное пространство библиотеки: науч.-метод. пособие – М. : Издательство «Либерея–Бибинформ», 2007.
3. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. – М. : Издательство «Наука», 1983.
4. Сетров М. И. Основы функциональной теории организации. – Л. : Издательство «Наука», 1972.
5. Стернин И. А. О понятии коммуникативного сознания и некоторых особенностях русского коммуникативного сознания // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. – М., 2004.
6. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. – М. : Издательство «Иностранная литература», 1963.
7. Шиян А. А. Типы людей и их взаимодействие с компьютером // Труды 1 Междунар. научно-практической конф. Киев, 2–4 сентября 1998.
8. Юзвишен И. И. Основы информациологии. – М. : Издательство «Высшая школа», 2000.

ВЛИЯНИЕ ПРОКРАСТИНАЦИИ НА СОЗНАНИЕ МЕДИАЗАВИСИМЫХ ПОДРОСТКОВ

Е. В. Колосова

*Кандидат педагогических наук, доцент;
Воронежский государственный
педагогический университет
г. Воронеж, Россия*

Summary. The article raises the question of the effect of procrastination on the minds of teenagers Internet users. The specific character of manifestation of procrastination in the context of social expectations of today's teenagers. Particular attention is paid to the effects of procrastination users online.

Keywords: procrastination; internet addiction; destructive choices.

В настоящее время в подростковой среде усилилась тенденция реализации деструктивных выборов. Причем данная тенденция развивается на фоне внешней «благополучности» подростков, что значительно затрудняет возможность принять своевременные эффективные меры. Подростки, в связи с особенностями возраста, имеют гиперкомпенсированное стремление к максимальной реализации личностного потенциала, наряду с этим, им несвойственно достаточно критично отразить, усваиваемые смысло-жизненные образцы, так как высока степень влияния избыточной противоречивой информации, поступающей из СМИ.

Данные обстоятельства способствуют формированию искаженного восприятия социальной реальности, подмене успешных стратегий взаимодействия с обществом на деструктивные, влекущие за собой «критические» выборы: суициды, противоправные акты, применение наркотических препаратов, вступление в различного рода социально неодобряемые сообщества.

В связи с тотальной активизацией потребления медиаинформации среди подростков, можно констатировать, что частота «зависания» подростков в интернет, является следствием попытки заполнить вакуум общения в реале. Подростки, имеющие в анамнезе опыт негармоничных детско-родительских взаимоотношений, склонны реализовывать себя в виртуальной жизни, где их искусственный образ будет восполнять ожидания и неотраженные планы. Отчужденность от значимых близких провоцирует снижение самооценки у взрослеющей личности, её личностные ожидания приобретают пессимистичный характер [4; 2].

Подростки стремятся создать комфортный мир взаимодействий в интернет-контактах. Погружаясь в виртуальное пространство, дети транслируют эталонные ожидания, отретушированный образ собственного Я. Получая подтверждение, выраженного в принятии их нового образа, сознание ребенка фиксирует значимость данного виртуального общения. Как

следствие этого, любые помехи систематического подтверждения обретенного статуса воспринимаются подростками, как психологическое деструктивное давление. Это связано, в первую очередь, с тем, что подростковый возраст является крайне нестабильным в эмоциональном плане, динамика ожиданий имеет дискретный характер, а зависимость от «бонусных» впечатлений выражена достаточно сильно [1]. В случае негативных оценок в процессе виртуального общения у подростков возникает когнитивный диссонанс. С одной стороны, фиксирована значимость данного общения, с другой стороны, она становится ресурсозатратна. Именно в этом момент активизируется процесс прокрастинации, то есть, иррационального откладывания на некоторый срок желаемых целей. Поле негативных переживаний подростков увеличивается. В реале личность блокирует реализацию важных планов, по объективным причинам, функционирования фиксированных индивидуальных блоков, а в виртуальном пространстве – по субъективным причинам некритичного восприятия нового информационного поля. Не желая исключать себя из построенного искусственно жизненного пространства (сетевого сообщества), подростки переживают стресс, сила которого не менее чем сила стресса, вызванного кризисной ситуацией в реальной жизни. Несвоевременность реализованных планов, в данном контексте, является индикатором дезадаптированности личности [5]. В тоже время, прокрастинация способна, в этом случае, вызвать временное облегчение переживания стрессовой «ситуации не подтверждения» искусственного образа медиазависимых подростков. Это обстоятельство основано на включении механизмов психологической защиты личности, продуцирующих паллиативные меры для сохранения ресурсов прокрастинаторов [3].

Таким образом, можно резюмировать, что на данный момент, в психологической практике отсутствует целостная, эмпирически выверенная концептуальная база, позволяющая проводить не только диагностику сетевых презентаций подростков, эффективно корректировать деструктивные смысло-жизненные эталоны, но и осуществлять профилактику кризисных выборов подростков. Тема требует дальнейших исследовательских действий.

Библиографический список

1. Карина О. В. Динамика проявления ожиданий в подростковом и юношеском возрасте // Гуманизация образования. 2015. – № 1. – С. 50–55.
2. Карина О. В., Киселева М. А., Шустова Н. Е. Концептуальное обоснование авторского опросника «Личностные ожидания» (ЛИЭКС) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т. 12. – № 5–1. – С. 118–125.
3. Киселева М. А. Теоретический анализ позитивных и негативных аспектов прокрастинации личности // Гуманизация образования. 2014. – № 6. – С. 68–73.
4. Полевая М. В. Отчуждение как характеристика детско-родительских взаимоотношений : диссертация на соискание степени кандидата психологических наук. – М., 1998.

5. Шустова Н. Е. Своевременность как предиктор социальной адаптации личности // Гуманизация образования. – 2015. – № 1. – С. 44–49.

CULTURE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION DEVELOPMENT

O. Yu. Kolosova

*Doctor of Philosophy, associate professor
Krasnodar University of Ministries
of Internal Affairs of the Russian Federa-
tion, Stavropol branch,
Stavropol, Russia*

Summary. One of the important elements of the globalizing world is information space. In this regard development of a human in the context of culture in the modern society is in epicer of four main information streams: innovative – acquainting the consumer with new knowledge; orientation – helping the person to be guided with the system of natural and social space, forming his existential and valuable reference points, setting criteria and priorities of choice; stimulating – influencing the motivational bases of people’s activity; correlative – specifying or renewing parameters of the first three information streams.

Keywords: personality; culture; society; globalism; media culture; communication; communication networks.

Cultural specifics of modern information and communication space consists in the level of the social acceptability of these or those ways of implementation of any kind of activity aimed at social interaction of people [3, p. 17–21]. Hence the role of information streams in the formation and realization of personal qualities of the modern human [5, p. 7–11]. This situation on an equal basis with the positive moments causes certain fears among culture researchers. So, new information technologies can promote standardization of cultural competence of the person, his socialization and an inkulturation [2, p. 29–31]. To create new in the history of culture an effective system of control and manipulations of his consciousness, interests, requirements, valuable orientations, behavioural stereotypes (at the conscious and unconscious levels) that can be eventually reduced to the general ideological and social loyalty to any existing order (mode). Media culture has intellectual impact not only on public opinion, but also on formation of the human’s values. The controlling influence on a way of problem statement and solution have, first, nature of thinking of that era in which the problem is formulated, and, secondly, the level of knowledge of those objects which concern the given problem «in the definite and fixing this world structure- in language and in consciousness» [1, p. 156–159].

Moreover, in terms of identity as about the special value of culture, it can be lost or reduced to the average, mass human as to the norm convenient for manipulation on behalf of ruling elite, clan, political party owning media. Situation is complicated also by the fact that the modern human, even being educated,

remains domain expert in some field and needs the whole system of intermediaries (translators, conductors, interpreters, popular writers) who will lead him on boundless information streams. They will adapt broadcast information from language of highly specialized areas of culture to the level of ordinary understanding of unprepared people.

Thus, quickly globalized world makes a number demands to the modern human. He has to: know modern civilized forms of communication; be tolerant and open for communication with representatives of other cultures; be ready to intensive cross-cultural contacts at any levels; be able to distinguish fundamental values from pragmatical standards; remember that destruction of some settled cultural stereotypes isn't obligatory death of national culture [9, p. 45–48].

Globalism has various aspects - economic, political, legal, cultural. If you imagine globalization process as objective and irreversible development of the modern world, it is necessary to investigate consequences of this process in the sphere of culture [4, p. 58–62]. New information technologies are important indicators. World communication networks are created. Cross-cultural contacts and interaction between the people at all levels are spurred. Integration of people, unification of work and production, rest and leisure culture are intensified. In this regard it is possible to say that phenomenon of globalism is ambiguous and contradictory [6, p. 68–71].

Dynamics of such synthesis in domestic culture, and forms and methods of introduction will depend on a cultural choice of national elite. It will choose a measure of standardization of values and cultures at the level of society. As for personal level, the choice is carried out by the personality [8, p. 282–284]. In this case traditional cultural forms keep high priority for the person, continuing to define his cultural identity at the level of daily occurrence, and the borrowed norms and standards will be perceived as pragmatical, focusing his behavior within a certain type of relations, situations.

The core of domestic spirituality created by orthodox religion and classical literature showed to Russian standardization – whom he has to be; called for a hard work over self-improvement; aimed the person at existential experiences and search of answers to the traditional-Russian questions (how to live? for what to live? how to live honestly?). They allow a human to feel sharply border of the good and evil, truth and lie, virtue and indifference.

The ideology of a globalism suggests to refuse from traditional standardization of moral self-improvement as something which became obsolete, outdate, preventing the person to live in pleasure. Thus another aim is pursued: to improve not yourself, but only conditions of the existence; to become on the way of infinite satisfaction of the hedonistic aspirations and desires. According to such approach, existential «Russian questions» are substituted and limited to the concept of «quality of life». In this case total hedonism doesn't urge to become more spiritually, more moral, more humane, but initially declares the person self-sufficient and free from any internal restrictions. Thus, specifying that for

general happiness there will be no resources and only elite will survive. Globalism connects any standards of spirituality only with authoritarianism and totalitarianism. The Russian philosopher I. A. Ilyin was truly right considering that the person-non-belief in God is capable to create only something flat, trite, being a projection of his animal instincts [7, p. 29–31].

Thus, it is possible to note that position of the human in the context of modern cultural development in the modern society remains tragic, difficult and contradictory [10, p. 94–95]. If he refuses spiritual standardization, there will be a danger to turn a cultural landscape into the worst examples of mass culture, and a human - into an outcast in his own country.

Bibliography

1. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Ерохин А. М. Эпистемологические и лингвистические исследования в аналитической философии науки: семантика конструкторов // Вестник СевКавГТИ. – 2015. – Т. 1. – № 2 (21). – С. 156–159.
2. Говердовская Е. В. О стратегии развития высшего профессионального образования в поликультурном регионе // Профессиональное образование. Столица. – 2008. – № 12. – С. 29–31.
3. Гончаров В. Н. Информатизация российского образования как форма социально-культурной деятельности // Фундаментальные исследования. – 2011. – № 8–1. – С. 17–21.
4. Гончаров В. Н. Социокультурные аспекты информатизации общества // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 1. – С. 58–62.
5. Гончаров В. Н. Социальные институты в системе общественного развития // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 28. – С. 7–11.
6. Гончаров В. Н. Информационное общество в России: социально-политический аспект // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2012. – № 17. – С. 68–71.
7. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 6. – С. 29–31.
8. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. – 2014. – № 7–2 (46). – С. 282–284.
9. Микеева О. А. Анализ парадигмальных оснований социокультурного подхода в социальном познании // Научная мысль Кавказа. – 2009. – № 1. – С. 45–48.
10. Несмеянов Е. Е. Проблема преподавания религиоведения и духовно-нравственной культуры в поликонфессиональном регионе // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 3. – С. 94–95.

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Т. Н. Чепурина

Учитель,
Гимназия № 89,
г. Саратов, Россия

Summary. The article discusses the role of the Internet in the process of cognition of social reality. It shows the effect of the negative impact on the individual web-resources, the main ways of investigation of this problem.

Keywords: Internet; information; dependency; procrastination; expectations.

За два последних десятилетия существенно возросла роль информационных технологий в процессе познания социальной реальности. Для представителей молодого поколения являются вполне обыденными такие составляющие медиапространства как спутниковое цифровое телевидение, безлимитный мобильный доступ к сети Интернет. Каждые два-три года появляются принципиально новые технические новинки, интенсифицирующие процессы социального познания, к которым наиболее восприимчиво молодое поколение. Однако наряду с очевидными преимуществами данное обстоятельство выступает как фактор, повышающий такие риски как унификация мышления, преждевременная эмансипация, прокрастинация и социальная дезадаптация молодых людей. Эти риски тесно связаны с такими негативными эпифеноменами медиапотребления как получение молодыми людьми личного опыта психотравмирующего и развращающего характера, получение информации, которую они, в силу возрастных ограничений, не в состоянии адекватно воспринять, переработать и тем более конструктивно использовать. Данные риски в равной степени вероятны как для молодых людей подросткового, так и юношеского возраста. Как известно, характерная для многих подростков и юношей тенденция к избыточному потреблению информации вызывает в их сознании так называемый «информационный токсикоз», блокирующий развитие целостных представлений о мире. Свойственная подростковому и юношескому возрасту, тенденция к интроекции социальной информации, неизбежно вызывает в сознании молодых людей негативный контур личностных экспектаций, фрагментарное мировосприятие и редуцирование сложного и многомерного мира до предельно упрощенных моделей социальной реальности [3; 2; 5]. В тех случаях, когда поведение молодых людей выстраивается в соответствии с фрагментарными и упрощенными моделями реальности возникают такие патологические формы реакций как дистресс, прокрастинация, наркомания, суицидальное поведение, беспорядочные половые связи и т. п. Следует отметить также, весьма значимую роль в процессе социального познания личности, таких возрастно-детерминированных феноменов, как «персональ-

ные мифы», провоцирующие стремление подростков к мифологизации отдельных аспектов своей личности и социальной реальности [7].

Данные психологических исследований процессов социального познания и адаптации молодого поколения показывают, что молодые люди далеко не всегда выигрывают от такого рода избыточной информационной стимуляции в процессе освоения социальной реальности [1]. Напротив, их активность, направленная на познание мира, становится столь мотивационно и эмоционально насыщенной, что сводит к минимуму возможность контроля со стороны родителей и педагогов.

Поскольку медиапотребление, как все социальное познание молодых людей происходит под воздействием эмоциональных реакций, это нередко приводит их к нелепым и очень болезненным ошибкам, к совершению асоциальных действий. Такого рода ошибки и действия могут иметь необратимые последствия и оказывать долговременное воздействие на их социальный статус, физическое здоровье и психоэмоциональное состояние. Как следствие переживания стрессовой ситуации личность включается в процесс прокрастинации, то есть откладывания реализации важных целей на неопределенный срок [4; 6]. Во многих случаях, молодые люди сами признаются в том, что нуждается в упорядочивающей, корректирующей и направляющей извне поддержке своей активности по освоению социальной реальности. Однако, при всем значительном количестве исследований констатирующего характера, в настоящее время наблюдается дефицит теоретических и одновременно практико - ориентированных моделей, направленных на развитие осознанного медиапотребления личности.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Психология социального познания. – М. : Аспект-пресс, 2004. – 288 с.
2. Карина О. В. Динамика проявления экспектаций в подростковом и юношеском возрасте // Гуманизация образования. – 2015. – № 1. – С. 50–55.
3. Карина О. В., Киселева М. А., Шустова Н. Е. Концептуальное обоснование авторского опросника «Личностные экспектации» (ЛИЭКС) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т. 12. – № 5–1. – С. 118–125.
4. Киселева М. А. Теоретический анализ позитивных и негативных аспектов прокрастинации личности // Гуманизация образования. – 2014. – № 6. – С. 68–73.
5. Петухов В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 1984. – № 4. – С. 13–21.
6. Шустова Н. Е. Своевременность как предиктор социальной адаптации личности // Гуманизация образования. – 2015. – № 1. – С. 44–49.
7. Elkind, D. The Death of Child Nature: Education in the Postmodern World. Journ. Phi Delta Kappah March 1997: 241–245.

V. NATIONAL CULTURES AND PROBLEMS OF THEIR INTERACTION

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AS SOCIOCULTURAL PHENOMENON: PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECT

V. N. Goncharov

*Doctor of Philosophy, assistant professor
North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia*

Summary. Cross-cultural communication in sociocultural space of civilization, that is in the globalized polycultural and polyethnic world, is shown in unification of lifestyle of representatives of different sociocultural communities; local originality disappearance and polarization of an inequality of the population that generates a difficult complex of various types of interactions.

Keywords: individual; culture; personality; consciousness; cultural values; cross-cultural communication.

In order that in the course of cross-cultural communication participants could understand social norms of other culture and there wasn't a communicative rupture at the level of language, practical and cultural forms, it is necessary to create conditions for their successful socialization and acculturation which would promote development of modern, tolerant to cooperation and creation, multicultural personality [3, p. 197–206]. The controlling influence on a way of problem statement and solution have, first, nature of thinking of that era in which the problem is formulated, and, secondly, the level of knowledge of those objects which concern the given problem «in the definite and fixing this world structure- in language and in consciousness» [1, p. 156–159].

Cross-cultural communication is communication which is carried out between representatives of various cultures or communities for the purpose of information exchange. Cross-cultural communication has so-called universal character that is important from philosophical and anthropological viewpoint as individual axiological ideas which define speech interaction, are caused by «force field of culture» (Bibler V. S.) where there was a formation of the subject as a person because a person and culture are interconnected parts of single system.

It is obvious that the concept culture is central in cross-cultural communication. Culture is rather difficult, multiple-valued and many-sided phenomenon which expresses all parties of life of the person [4, p. 15–19].

There are two most widespread approaches to the culture studying: objective, considering culture as the certain total object similar to other dead and

static objects of activity of gnoseological active mind; nominal, giving an idea of culture as an epistema, abstract concept, speculative construct, sometimes in the form of philosophical concept [8, p. 11–16].

Defining cross-cultural communication within sociocultural communication, so in such situation it is lawful to tell that the essence of social more often has subject character of culture [7, p. 130–134].

Subjectivity of culture is shown through objectivity and imperativeness of the social relations as the subject properties of culture which are shown in self-organization, self-reflection and goal-setting form the person as a social being [2, p. 168–177]. Culture as a difficult phenomenon includes both material and social phenomena and various forms of individual behavior and organized activity [6, p. 213–218].

At the beginning of the XXI century there is a process of integration of knowledge in the field of studying of cross-cultural communication; cross-cultural distinctions are revealed; specifics of cultures as the prerequisite of mutual understanding and interaction are specified; mechanism of cross-cultural communication and factors promoting successful adaptation of subjects of cross-cultural communication is defined.

In the course of cross-cultural communication training necessary knowledge and skills are got generally by means of direct cultural contacts which more often demand some abstraction from habitual system of interpretation of various cultural phenomena and attract very important cognitive and affective changes [11, p. 241].

It also should be noted that fact that in the course of cross-cultural communication subjects quite often have contradictions with their own cultural identity that is shown in the loss of orientation in the habitual sociocultural space, loss of identity and deprivation of their group support in the society [9, p. 164–169]. Therefore in the course of cross-cultural training it is necessary to consider emergence of such contradictions, being guided by the principle of openness in the organization of educational process during which disputable situations could be solved by means of negotiations and search including informative and emotional levels of consciousness [10, p. 282–284]. Cultural and anthropological nature of this process is aimed at the development of a cultural senseability, tolerance, ability to the correct interpretation of concrete communicative behavior in various cultures, formation of practical skills and abilities in communication with representatives of other cultures [5, p. 29–31].

As cross-cultural communication has integrative character, it is necessary to allocate three methodological approaches to cross-cultural communication studying (functional, explanatory, critical) which are based on various ideas of human nature, human behavior and nature of human knowledge that is important from philosophical and anthropological measurement viewpoint in the system of social development [12, p. 11–18]. So, functional approach shows specifics of culture influence on communication by means of comparison of cultural distinc-

tions of the interacting parties that gives the grounds to predict a success/failure of their communication. A result of this approach was a theory of communication adaptation according to which in the course of cross-cultural communication there is a change by subjects of communication of their communicative behavior: adaptation to models of communication partners.

Explanatory approach (or interpreting) is directed to explanation and description of the person behavior in the world around. According to this approach it was proved that communication rules of this or that community of people are based on cultural values and ideas of the concrete group.

Critical approach contains many rules of explanatory approach, and also studies a condition of communication (situations, surrounding situation) in the course of cross-cultural communication, without investigating personal cross-cultural interactions, and giving an assessment to them on the part of using historical context of communication.

Thus, based on the above and on the experience of real cultural contacts, it is necessary to tell that the presented approaches to cross-cultural communication studying are interconnected as they complement each other, opening intrinsic human nature, help to explain human behavior based on the rules of this or that culture and by means of criticism, being based on the historical context of communication, give an objective assessment to cross-cultural communication.

Bibliography

1. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Ерохин А. М. Эпистемологические и лингвистические исследования в аналитической философии науки: семантика конструкторов // Вестник СевКавГТИ. – 2015. – Т. 1. – № 2 (21). – С. 156–159.
2. Бакланова О. А., Бакланов И. С. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма // Вопросы социальной теории. – 2015. – Т. 7. – № 1–2. – С. 168–177.
3. Говердовская Е. В. Особенности регионального подхода к системе высшего профессионального образования в полиэтничном пространстве Северо-Кавказского федерального округа // Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 2. – С. 197–206.
4. Ерохин А. М. Культурологический аспект формирования религиозного сознания // European Social Science Journal. – 2013. – № 11–1 (38). – С. 15–19.
5. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 6. – С. 29–31.
6. Колосова О. Ю. О роли духовности в современном обществе // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 10–2. – С. 213–218.
7. Колосова О. Ю. Социально-философские аспекты глобализации // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 45. – С. 130–134.
8. Колосова О. Ю. Социально-культурные институты: сущность и типология // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 28. – С. 11–16.
9. Колосова О. Ю. Социальная сфера общества: философский анализ // Наука и современность. – 2015. – № 35. – С. 164–169.

10. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. – 2014. – № 7–2 (46). – С. 282–284.
11. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 9. – С. 241.
12. Матяш Т. П., Матяш Д. В., Несмеянов Е. Е. Актуальны ли мысли Аристотеля о «хорошем» обществе? // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 3. – С. 11–18.

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЯПОНЦЕВ В КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ

О. В. Козлова

*Кандидат исторических наук, доцент
Казанский национальный
исследовательский технический
университет им. А. Н. Туполева
г. Казань, Россия*

Summary. This article observes results of research of Japanese advertising. The purpose of research – a reflection of the national identity in the Japanese advertising. Conclusion: Japanese advertising is a set of global and national images.

Keywords: national identity; advertising; Japanese.

Утверждение термина «идентичность» в социо-гуманитарных науках связано с именем Э. Эриксона, который придал данному понятию статус самостоятельной научной парадигмы. Исследователь выделяет три уровня идентичности: индивидуальный, личностный и социальный. Третий уровень идентичности Э. Эриксон определяет как личный конструкт, который отражает внутреннюю солидарность человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами [5]. Частью социальной идентичности является национальная идентичность (англ. – «national identity»). В российской науке под этим термином понимают как гражданскую, так и этническую идентичности, что связано, в первую очередь, с двойкой трактовкой понятия «нация» в нашем научном дискурсе, а во вторую, с тем, что для России – это различные понятия. Для Японии возможно дословное употребление термина «национальная идентичность», так как можно согласиться с мыслью В. Э. Молодякова, что в Японии «быть японцем» – это основа национальной самоидентификации [1; с. 27].

Японская идентичность на современном этапе эволюционирует одновременно в двух направлениях – дрейфуя в сторону западных моделей поведения (это скорее внешний, поверхностный слой самоидентификации) и подтверждая верность ключевым ценностям восточной цивилизации (это более глубинный, корневой уровень самоидентификации) [4; с. 64].

В связи с этим, интересным является вопрос отражения обоих слоёв национальной самоидентификации в культурной жизни людей, в частности, в коммерческой рекламе. Коммерческой рекламой называют оплачиваемое неперсонифицированное сообщение информации об определенных товарах или услугах, носящее форму убеждения, которое передаётся посредством различных каналов коммуникации, в том числе телевидения, радио, печатных изданий и сети Интернет. Главная цель коммерческой рекламы – побудить потребителя совершить покупку, хотя функция рекламы как социальной практики значительно шире: она заключается в формировании и закреплении в сознании людей определенных потребительских моделей, ценностей и норм данного общества. Несмотря на то, что сфера рекламы признается достаточно узкой, она оказывает определенное влияние на характер общественных отношений. Реклама стала настолько очевидным явлением в общественной жизни, что фактически трансформировалась в особый социальный институт и получила отдельное комплексное регулирование в рамках гражданского права. Рекламная информация, обращенная к потребителям, помимо собственно рекламирования тех или иных товаров и услуг, воздействует на массовое общественное сознание и общественные отношения в целом.

В свою очередь, и сама реклама является отражением конкретной страны с ее историческими и культурными традициями.

Япония очень развитая в экономическом, социальном и культурном отношении страна, однако она настолько специфична, своеобразна, что в рекламе это нашло своё отражение. Она имеет такие существенные особенности, которые вряд ли позволяют подходить к ней с намерением позаимствовать зарубежный опыт. Японского потребителя нет нужды убеждать в высоком качестве потребляемого товара, это он знает и так. Перед рекламой стоит другая задача: создать образ товара, импонирующий самому складу национального характера японцев, их психологии, этике, эстетике. [3, с. 111].

Национальный характер является одним из компонентов национальной идентичности. В мировой историографии репрезентации того или иного национального характера (как с позиций «другого» через записки дипломатов, путешественников, туристов, журналистов, так и в моделях «самоописания») рассматриваются как неотъемлемая составляющая проблематики национальной идентичности.

Японский национальный характер является предметом исследования, прежде всего, для самих японцев. В этом смысле типична работа Яити Хага «Десять очерков о национальном характере», в которой отмечаются следующие национальные особенности японцев: преданность властям и патриотизм; почитание предков и соблюдение чести семьи; секуляризм и практицизм; умение наслаждаться природой; оптимизм и искренность;

элегантность и изящество; художественное мастерство; чистота и простодушие; учтивость и великодушие [2].

Цель исследования: проанализировать отражение основных черт национальной идентичности японцев в коммерческой рекламе.

Методом исследования был выбран семиотический анализ рекламного текста как связного знакового комплекса.

Для достижения поставленной цели было изучено около 100 рекламных роликов, находящихся в свободном доступе на сервере www.youtube.com. Особое внимание было уделено тем роликам, которые имели наибольшее число просмотров, т.е., тем, которые по каким-либо причинам заинтересовали аудиторию. Исследовались ролики, рекламирующие различные виды товаров и услуг: продукты питания, напитки, компьютерные игры, бытовая химия и средства гигиены, мобильные устройства, банковские услуги, услуги связи.

По результатам были сделаны следующие выводы:

Современная японская реклама в большей степени построена на образах поп-культуры, нежели на образах культуры традиционной. Так, в исследуемом материале наблюдается качественное преобладание стандартных персонажей современного медийного пространства (участники поп-групп, персонажи аниме и манги, образы из компьютерных игр) над персонажами традиционными (борцы сумо, самураи, ниндзя, мужчины и женщины в национальной одежде т.п.), хотя последние присутствуют.

Яркий рекламный образ – основа любого рекламного ролика, произведённого в Японии. Это связано, прежде всего, с иероглифическим письмом, которое формирует повышенное визуальное внимание целевой аудитории.

Японская коммерческая реклама в гораздо меньшей степени, нежели российская, использует образы, ассоциирующиеся с родиной: типичные ландшафты, события прошлого, национальные виды искусства и спорта. Появление горы Фудзи в рекламе автомобилей, чайной церемонии, соответственно, в рекламе чая, традиционного фехтования кендо представляют собой единичные примеры в исследованном материале.

Коллективизм японской нации отражается в образах рабочего коллектива, семьи и дружеского общения, а также через согласованность действий персонажей рекламы.

Юмористическая актуализация стереотипов массового сознания о чертах национального характера выявлена в рекламе неявно.

Таким образом, современная национальная идентичность японцев, которая нашла своё отражение в коммерческой рекламе, может быть охарактеризована, как соединение глобального и национального. Являясь «гражданами мира», японцы сохраняют идентификацию через традиционные ценности, однако этот процесс проходит во многом на глубинном уровне.

Библиографический список

1. Молодяков В. Э. Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж. – М. : Издательство «Моногатори», 2011.
2. Пронников В. А., Ладанов И. Д. Японцы (этнографические очерки). – М. : Наука, 1983.
3. Чиж Л. Г. Некоторые тенденции развития рекламы в Японии // Известия Восточного института. – 1997. – № 5. – С. 105–111.
4. Чугров С. В. Япония: гибридизация и гармонизация // Полис. – 2008. – № 3. – С. 59 – 67.
5. Эрикссон Эрик. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. – М. : Прогресс, 1996.

ОТРАЖЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Л. Я. Николаева

*Доцент,
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
г. Омск, Россия*

Summary. The article investigates the problems of interethnic relations in multiethnic regions, which include Western Siberia. Particular attention is paid to the analysis of the interaction and mutual influence of dance cultures of different nations of the investigated region. The concrete examples of interaction and interpenetration Russian dance culture with the cultures of the Turkic, Finno-Ugric and Eastern Slavic peoples of Western Siberia.

Keywords: traditional culture; traditional dances; ethnocultural contacts; interpenetration of cultures.

Для многонациональных регионов России, имеющих многовековой опыт сосуществования разных этносов на одной территории, проблемы межэтнических и межкультурных взаимодействий всегда являлись значимыми. Не стала исключением и Сибирь, этническая пестрота которой являлась залогом успешного развития межэтнического взаимодействия и взаимопроникновения культурных традиций различных этносов. Как правильно заметил Н. А. Томилов, особенностью полиэтнической культуры Сибири является то, что здесь происходило взаимодействие и интеграция культур не только аборигенных народов, но и переселившихся на эту территорию национальных групп этносов европейской части России, Белоруссии, Украины, Прибалтики, отчасти Западной Европы..., Кавказа, Средней Азии (включая Казахстан), Центральной и Восточной Азии [5, с. 158–166]. В этой связи представляется актуальным исследование традиционной танцевальной культуры Западной Сибири, которая является, с одной стороны, сферой осуществления межкультурных контактов, взаимодействий и взаимовлияний, а с другой стороны – областью сохранения национальной са-

мобытности, что связано с необходимостью поддержания этнической идентичности.

Традиционная танцевальная культура Западной Сибири по этнонациональному составу представляет собой сложное образование. Здесь во взаимодействии участвует наибольшее количество сибирских этносов, представляющих разные типы традиционной хореографии. Интегрирующим ядром стала танцевальная культура русского населения изучаемого региона, сочетающая севернорусские, западнорусские и южнорусские черты, контактировавшая с культурами тюркско-татарских, финно-угорских и восточнославянских народов Западной Сибири.

Несомненно, говоря о межкультурном взаимодействии с коренным населением Западной Сибири, нельзя пройти мимо вопросов взаимоотношений с сибирскими татарами, активные этнокультурные контакты с которыми, начинаются с конца XVI в. после присоединения Сибири к России. Результаты проведенного Н. А. Левочкиной исторического анализа этнокультурных процессов и связей в традиционной хореографии сибирских татар показали, что народные танцы татар претерпели довольно сильное влияние со стороны русской культуры. По утверждению Н. А. Левочкиной, тенденция приобщения народной хореографии сибирских татар к народной хореографии русских Сибири усиливается в 1930–1940-х гг. [2, с. 81]. Именно в этот период русские танцы («Подгорный», «Светит месяц», «Кадриль») получили широкое распространение в танцевальном быту сибирских татар. Несмотря на то, что русские народные танцы прочно вошли в татарскую танцевальную культуру, они четко отграничивались татарами от своих народных танцев.

Подчеркнем, что традиционная танцевальная культура сибирских татар, имея свои содержательные, структурные и функциональные характеристики заимствовала, как целые русские танцы, так и отдельные структурно-содержательные элементы, используя их для обновления сложившихся форм танцевальной практики и как импульсы для дальнейшего танцевального творчества. Однако взаимодействие с тюркскими традициями все же не было определяющим как для духовной культуры русских в целом, так и для танцевальной культуры. В ходе исследования выяснилось то, что в традиционной танцевальной культуре русских Западной Сибири в местах соприкосновения с тюркскими традициями можно обнаружить лишь единичные татарские заимствования. Одной из причин полученного нами результата является то, что в данном случае межкультурные контакты и взаимодействия осуществлялись отличными друг от друга, максимально удаленными танцевальными системами.

По свидетельству Н. А. Томилова, в конце XIX – начале XX века значительный объем общих черт в культуре распространялся в данной зоне среди русских, украинцев и белорусов [4, с. 96–108]. Здесь взаимодействие и активный культурообмен были обусловлены не только единством терри-

тории и времени бытования, хозяйственными связями, но и генетической близостью культурных традиций. В области традиционной хореографии к общим восточнославянским элементам обычно относят основные жанры и формы, содержание, тематику, типы композиционного построения, движенческий комплекс. Тем не менее, несмотря на внешнюю схожесть, в каждой танцевальной культуре выделяется ряд специфических особенностей, которые свидетельствуют о её этнонациональном своеобразии. Различия нашли отражение, прежде всего, в танцевальном репертуаре, лексике, стилистике, характере и манере исполнения.

В новых природных условиях, в инонациональном окружении переселенцы из Белоруссии и Украины стремились сохранить свои национальные танцы, «привезенные» с исторической родины. В то же время совместное проживание с русским населением привело к тому, что белорусы и украинцы исследуемого региона начинали включать в свой репертуар русские народные танцы. Отсюда в танцевальной практике восточнославянского населения Западной Сибири наряду с русскими, бытуют белорусские и украинские танцы, например, белорусский танец «Лявониха», украинские танцы «Гопак» и «Казачок».

Длительные этнокультурные контакты и связи русских и немцев на обозначенной территории привели к взаимовлиянию двух культур. У немцев Сибири, как заметила Т. Б. Смирнова, «национальные предпочтения в сфере музыки и танцев оказались под влиянием фактора двуязычия» [3, с. 122]. Следствием этого, по утверждению Н. Н. Везнер, является наличие в репертуаре у немцев как традиционных немецких, так и русских танцев [1, с. 76]. Многочисленные культурные заимствования у русского населения прослеживаются в рисунках, движениях, композиционных построениях немецких народных танцев. В то же время влияние немецкой традиционной хореографии замечаем в репертуаре и структуре русского народного танца. Так, в русских кадрилиных композициях появились некоторые фигуры вальса и польки, а также новые положения рук, такие как «воротца», «окошечки» и др.

В процессе межэтнического взаимодействия участвуют и другие народы, проживающие в непосредственной близости на территории Западной Сибири (латыши, эстонцы, чувашаи, поляки и другие народы), что привело к взаимному проникновению многих элементов в различных сферах культуры. Однако нельзя не упомянуть и о том, что их влияние в танцевальной культуре в силу относительной малочисленности в составе населения рассматриваемого региона сказывается в меньшей степени.

Подводя итог сказанному, стоит отметить во взаимодействии танцевальных культур народов Западной Сибири двойственную тенденцию. Во-первых, стремление сохранить национальные особенности своей танцевальной культуры, во-вторых, взаимное усвоение элементов культуры, способствующее интеграционным процессам, взаимному обогащению

танцевальных культур. Формы и пути взаимодействия сложны и многообразны, но из этого многообразия можно выделить следующие моменты: проникновение инонационального материала в танцевальный репертуар посредством бытования танцев других народов в их первоначальном виде (без изменений); трансформацию некоторых народных танцев на новой национальной почве, проявляющуюся в изменении структурных элементов композиции танца.

Таким образом, этнокультурные контакты и связи народов Западной Сибири являлись преимущественно взаимными, они стимулировали исторический прогресс и взаимообогащали на протяжении многих веков танцевальную культуру сибирских народов, оставаясь при этом для каждого народа тем фактором, на основе которого самостоятельно развивалась самобытная танцевальная культура с ярко выраженными этническими традициями.

Библиографический список

1. Везнер Н. Н. Народные танцы немцев Сибири. – М. : МСНК, 2012.
2. Левочкина Н. А. Традиционная народная хореография сибирских татар Барабинской степи и Омского Прииртышья (конец XIX–XX вв.). – Новосибирск : Наука: Сибирская издательская фирма РАН, 2002.
3. Смирнова Т. Б. Немцы Сибири: этнические процессы. – Омск : ИЦ «РУСИНКО», 2002.
4. Томилов Н. А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). - Томск, 1993.
5. Томилов Н. А. Североазиатская культурная провинция и ее место в ареалах российской и мировой цивилизаций // Россия и Восток: история и культура. Материалы IV Международной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». – Омск, 1997.

ФОРМИРОВАНИЕ ЧУВСТВА ПАТРИОТИЗМА У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

В. В. Техты

*Педагог,
Республиканский дворец
детского творчества, г. Владикавказ,
Республика Северная Осетия-Алания,
Россия*

Summary. Preservation and development of the sense of patriotism among younger generations is one of the most important national socio-political objectives in our country. The success of creative realization, training and education of children is preconditioned by the state of their physical, social and psychological (spiritual) health.

Keywords: domestic, world, patriotism, image.

Воспитание подрастающего поколения в духе высокого патриотизма является одной из важных задач уровня государственной политики. Эффективность образовательного, воспитательного процесса детей детерминирована их физическим и психоэмоциональным состоянием.

На сегодняшний день в мировом и отечественном масштабе достаточно разносторонне изучены различные вопросы, связанные с патриотизмом, имеются огромные теоретико-методологические данные по раскрытию сути этого социально-значимого феномена. «Патриотизм – это чувство толерантности, выражающее любовь и преданность к своей родной стране и готовность к защите её интересов. П. как нравственный принцип имеет древние корни и широко осмысливается с тех пор мыслителями. Человек, реализующий в своём поведении, поступках искреннее чувство уважения и любви к своей стране, называется патриотом» [2].

Известно, что патриотизм складывается под воздействием ряда факторов, среди которых можно перечислить генетические, естественно-географические, воспитание, образование, общественную среду и т. п. Однако, множество специалистов утверждает, что условия и образ жизни в этом процессе занимает главенствующее место.

Разумеется, в нашей стране, как на государственном, так и на уровне общественных организаций непрерывно ведутся соответствующие меры по возвышению патриотического сознания у всех слоев населения. Несмотря на это, имеющиеся определенные проблемы социально-экономического, духовно-нравственного характера в последнее время негативным образом повлияли на этот наиболее важный процесс национального возрождения. В этом направлении особое внимание должно придаваться имеющимся сложностям, связанным с созданием необходимых условий для патриотического воспитания. Иначе говоря, ни в коем случае

не должны выпадать из поля зрения национальные, духовно-нравственные пути и механизмы развития патриотического духа.

Проведенные специалистами социологические исследования показывают, что в кругу проблем, касающихся патриотического воспитания имеются ярко выраженные моменты, среди которых можно выделить следующие:

- объектная направленность воспитания, при которой воспитуемые выступают главным образом в качестве объекта воздействия; стандартизация воспитательного процесса как следствие отвлеченного представления о его целях, упрощения и унификации средств, форм и методов; неопределенность, размытость содержания воспитания, отсутствие у него теоретически фундаментальных теоретических основ, отражающих реалии действительности, изменения в обществе, особенности и интересы молодежи;

- отрыв воспитания от обучения, подход к ним как к двум параллельным процессам, взгляд на воспитание как на сопутствующую учению второстепенную деятельность;

- авторитарный стиль воспитания, вызывающий протест, сопротивление молодых людей;

- нарушение координации, взаимосвязи и преемственности между всеми основными звеньями системы воспитания – семьей, детскими дошкольными учреждениями, общеобразовательной школой, вооруженными силами, вузами и др.;

- отсутствие взаимодействия между этими звеньями относительно общей цели воспитания, важнейших задач и основных направлений, связанных с их достижением, выполнением;

- усиление негативного воздействия средств массовой информации на молодежь;

- слабое научное обоснование существующей системы воспитания вследствие разрозненности научных исследований, их разработки вне контекста, социально-гуманитарного знания» [3].

Также результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что люди стали меньше задумываться и осмысливать такие исконно человеческие ценности, как Отечество, Родина, патриотизм, долг, преданность, готовность к героическим поступкам во благо народа, историческая память, национальные обычаи, религиозная культура и т. п.

Следует отметить, что в этом плане 90-е годы были особенно тревожными. Результаты анализа тех времен были неутешительными, а статистические данные оставляли желать лучшего. Глубокий кризис в социально-экономической и духовной сфере привели тогда к формированию равнодушного отношения к национальным, патриотическим ценностям определенных слоев общества. По данным опроса школьников и студентов Санкт-Петербурга более 78,8 % молодых людей считали себя обманутым и разочарованным поколением. Данная цифра свидетельствует о том, что значительная часть молодежи не видела перспективу в своей жизни, поте-

ряло веру в возможность разумного, оптимального, успешного решения возникших перед ними проблем. Также 35 % российских юношей были готовы покинуть страну и переехать на постоянное место жительства за рубеж, что подтверждало, что для довольно значительной части молодых людей не существовало определенных гражданских обязанностей. Российская армия и флот испытывали значительную нехватку молодого поколения, которое не считало необходимым выполнять гражданский долг перед обществом. По статистике тех лет среднегодовая цифра призыва юношей в ряды Вооруженных Сил составляла лишь 21 % от необходимой. Одной из причин создавшегося положения являлось свертывание на государственном уровне военно-патриотического воспитания. Его содержание, формы, методы и средства все меньше удовлетворяли потребностям и интересам подростков и юношей, вызывали, усиливали неприятие у широкой общественности [1].

Существует точка зрения, о том, что условия становления рыночной экономики, политическая культура, основанная на плюрализме безусловно приводят к ослаблению у людей консервативного, традиционного сознания преданности высоким нравственным человеческим идеалам и, одновременно, усиливает у людей позицию прагматизма, эгоизма и эгоцентризма. Однако, такая теория достаточно спорная, и это в определенной степени доказали прошедшие годы, а именно, в настоящее время наблюдается довольно мощная тенденция роста духа патриотизма. Все это нужно рассматривать как результат проводимых реформ со стороны правительства, а также сформированной стабильности и необходимых социально-экономических гарантий на перспективу. Разумеется, в нашем динамично меняющемся мире не стоит останавливаться на достигнутом, а необходимо дальше совершенствовать пути, средства и механизмы внедрения чувств патриотизма подрастающему поколению, развивать комплексные общественные и иные проекты, направленные на данную сферу в соответствии с требованиями эпохи глобализации.

Библиографический список

1. Зеленков М. Ю. Система формирования положительного отношения российского общества к Вооруженным Силам (научно-практический аспект) // <http://refdb.ru/look/2513113-p24.html>
2. Кушаев У. Р., Дорошина И. Г. Толерантность : энциклопедический словарь. – Пенза : Научно-издательский центр «Социосфера», 2014. – 484 с.
3. <http://rus-voin.ru/biblioteka/page21.html>

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ» В 2015 ГОДУ**

Дата	Название
28–29 сентября 2015 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2015 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2015 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
10–11 октября 2015 г.	Актуальные проблемы связей с общественностью
12–13 октября 2015 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2015 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2015 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
20–21 октября 2015 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2015 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2015 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2015 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2015 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
10–11 ноября 2015 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2015 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2015 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2015 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2015 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2015 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2015 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук.

**ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛАХ «СОЦИОСФЕРА»
И «PARADIGMATA POZNÁNÍ»**

Название	«СОЦИОСФЕРА»	«PARADIGMATA POZNÁNÍ»
Страна	Россия	Чехия
ISSN	ISSN 2078-7081	ISSN 2336-2642
Тематика	Социально-гуманитарный	Мультидисциплинарный
Сроки выхода номеров	Март, июнь, сентябрь, декабрь	Февраль, май, август, ноябрь
Реферативные базы	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Россия), • Open Academic Journal Index по адресу, • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада) 	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада)
Импакт-фактор	<ul style="list-style-type: none"> • (Global Impact Factor) за 2014 г.– 0,784. 	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России

(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies
Penza State Technological University
Belarusian State Academy of Music
Tashkent Islamic University
New Bulgarian University

TRADITIONAL AND MODERN CULTURE: HISTORY, ACTUAL SITUATION, PROSPECTS

Materials of the V international scientific conference
on September 20–21, 2015

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Signed in print 21.09.2015. 60x84/16 format.
Writing white paper. Publisher's sheets 8.
100 copies.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz